

**РАЗВИВАЮЩИЕСЯ
СТРАНЫ
И «ЗЕЛЕНАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ»**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

РАЗВИВАЮЩИЕСЯ СТРАНЫ И «ЗЕЛЕНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»

В последние годы в странах Азии, Африки и Латинской Америки наблюдается стремительное развитие сельского хозяйства. Это связано с внедрением современных методов земледелия, использованием химических удобрений и пестицидов, а также с внедрением механизации. В результате урожайность сельскохозяйственных культур значительно возросла, что привело к увеличению производства зерна и других продуктов сельского хозяйства. Это позволило странам Азии, Африки и Латинской Америки выйти из состояния голода и обеспечить население продовольствием. Кроме того, развитие сельского хозяйства привело к созданию новых рабочих мест и повышению уровня жизни населения. В настоящее время сельское хозяйство является одним из основных источников дохода для многих развивающихся стран.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1974

Ответственный редактор
В. Г. РАСТЯННИКОВ

В сборнике статей показано, как происходят агротехнические преобразования в странах «третьего мира» — так называемая зеленая революция, — каковы ее социальные и экономические последствия.

Р 11104-145
013(02)-74 10-74

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1974.

В. Г. Растянников

ВВЕДЕНИЕ: ПРОТИВОРЕЧИЯ «ЗЕЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

В последние годы значительно возрос интерес к исследованию аграрного вопроса в странах «третьего мира», в частности в странах Востока. И это не случайно. Впервые в истории под непосредственным влиянием научно-технической революции, в отдельных подразделениях аграрной экономики этих стран происходит интенсивный процесс модернизации, выражающийся в становлении качественно новых типов производства. Суть этого процесса — становление в сельском хозяйстве индустриальной формы общественного труда (приходящей на смену прежней традиционной, доиндустриальной) и образование соответствующей формы его социальной организации. Последствия данного процесса (получившего красочное название «зеленая революция») — разрушительные и созидательные, — заметные уже сейчас, будут, очевидно, с нарастающей силой давать себя знать в ближайшие годы. «Зеленая революция», несомненно, уже в недалеком будущем станет важнейшим катализатором углубления социальных противоречий, раздирающих современную деревню развивающихся стран.

Родившаяся в 40-х годах в Мексике, «зеленая революция» во второй половине 60-х годов перекинулась на азиатский регион: к началу 70-х годов зона ее распространения охватывала 10—15% территории развивающихся стран Азии [8, 708].

В конкретной социальной обстановке этих стран «зеленая революция» выступает как процесс капиталистического развития, однако развития особого рода: она детерминирована усилением не стоимостных, свободно-рыночных отношений, а системы внестоимостных отно-

шений в аграрной экономике, и только на основе этих последних набирает силу. «Зеленая революция» означает, что нарождающийся в сельском хозяйстве капитализм претерпевает существенный качественный сдвиг; она представляет собой энергичную попытку аграрного капитала перейти в зрелую, индустриальную стадию развития.

Но способна ли «зеленая революция», возникшая под непосредственным воздействием происходящей в мире научно-технической революции, образовать тот канал, устремляясь по которому капитал смог бы завершить преобразование общественного строя деревни на базе адекватно соответствующих ему производительных сил?

Как процесс, предполагающий в качестве своей основы производство исключительно меновой стоимости, «зеленая революция» проявляется прежде всего в том, что из аграрной экономики гораздо интенсивнее, чем раньше, вытесняются традиционные натуральные отношения: происходит распад различных форм натурального обмена между деревенскими производителями, срывание натуральных оболочек с отношений эксплуатации в аграрном обществе (например, разрушение системы «джаджмани» — «взаимных услуг» — в районах «зеленой революции» в Индии, элементов традиционного патернализма в таких же районах на Филиппинах и в Индонезии). Труд, следовательно, высвобождается из системы традиционных связей, но это такое высвобождение, при котором наибольшая (неимущая) масса людей лишается последних, остаточных, говоря словами Маркса, гарантий существования, обеспеченных старинными феодальными учреждениями [1, 727]. (Можно попутно отметить, что первые конфликтные ситуации на почве развития «зеленой революции» возникают именно в результате ломки традиционных институтов: неимущие цепляются за эти институты как источник «социальных гарантий», пытаясь предотвратить их развал, который осуществляют прежде всего лидеры «зеленой революции» — господствующие в традиционной иерархии богатые группы деревенского общества.)

Сам акт замены натуральных связей, определяемых строго регламентированной традицией, связями денежными, в рамках которых начинает формироваться эко-

номическое отношение господства и подчинения, вытесняющее внеэкономические формы такого отношения, знаменует крупнейший сдвиг в деревне азиатских стран, стимулируемый «зеленой революцией». Социальное проявление этого сдвига — интенсивный процесс поляризации сельского населения по классовым признакам; традиционные взгляды о «взаимозависимости» эксплуататоров и эксплуатируемых усиленно вытесняются «новыми представлениями о противостоящих экономических и классовых интересах» [9, 12]. И если, например, на Филиппинах многие крупные земельные собственники начинают обзаводиться машинами не по причине экономической выгоды их применения на нынешнем этапе, а исключительно для того, чтобы избежать конфронтации с сельскохозяйственными рабочими и представляющими их организациями [5, 23], то это лишь доказывает, насколько широко идет процесс выработки классового сознания в деревне под влиянием «зеленой революции».

По существу, данный процесс носит скачкообразный характер. Действительно, взрывая застойный уклад деревенской жизни, «зеленая революция» интенсивно формирует новую систему потребностей. Но она отнюдь не всем социальным группам предоставляет средства их удовлетворения, она не приносит плодов неимущему населению деревни, не смягчает, а, наоборот, значительно углубляет неравенство в распределении дохода. Растущее личное потребление все более жиреющих деревенских богачей резко усиливает тот самый демонстрационный эффект, который преобразуется в социальной психологии эксплуатируемых в настоятельную потребность осуществления коренных изменений в своем собственном положении; отсюда — накапливающийся протест и становление нового типа социальной активности у неимущих. Традиционное личное потребление, исторически ограниченное и своими размерами и своей номенклатурой, выступающее зачастую в форме коллективного потребления (например, соблюдение различных традиционных обрядов, требующее огромных расходов), значительно скрывает глубину пропасти между богатством и нищетой в деревне. «Зеленая революция» не только углубляет эту пропасть, форсируя рост относительного разрыва в уровнях получаемых теми или иными груп-

пами доходов, но, формируя у неимущих новые жизненные потребности, стимулирует и процесс поисков средств их удовлетворения. И в этом — важнейшее позитивное достижение «зеленой революции».

Как процесс, проявляющийся в резком росте доходов на основе именно капитализации прибавочного продукта, «зеленая революция» становится мощным катализатором вытеснения с земли исконно хозяйствующего, традиционного крестьянского населения. Это вытеснение идет сразу по нескольким направлениям. Углубляющиеся различия в уровнях продуктивности земли между мелкокрестьянским хозяйством с его традиционными методами и производствами, которые все более и более применяют современную технологию, и вытекающий отсюда рост различий в уровнях валового дохода, получаемого с единицы площади, предопределили то обстоятельство, что земельные собственники все интенсивнее используют свою земельную монополию с целью присвоить максимум плодов происходящего в сельском хозяйстве технического прогресса. Отсюда — повсеместный рост рент (и соответственно — земельных цен), перекрывающий доступ к земле беднейшему деревенскому населению. Одновременно происходит экспроприация мелкокрестьянской собственности (пока главным образом через механизм кабальных отношений), а крупные земельные собственники в массовых масштабах «освобождают» свои земли от мелкого арендующего крестьянства. Таким образом, вызревающее рациональное капиталистическое земледелие постепенно завоевывает все большие позиции посредством чистки земли, осуществляемой действием не законов товарного производства, а стоимостных отношений; или, иначе говоря, процесс вползания капитала в зрелую стадию его развития, при которой общественное производство радикально преобразуется на всей его глубине, опирается на методы, свойственные именно консервативной тенденции становления капитализма.

Острота проблемы, создаваемой развалом традиционных структур вообще и чисткой земли в частности, состоит в том, что процесс «освобождения» деревенского населения от прежних условий труда отнюдь не сопровождается адекватным процессом его превращения в наемных работников капитала. На своей нынешней ста-

дии благодаря значительному увеличению производства продукта на единицу площади «зеленая революция» стимулирует рост спроса на чужой труд. Но уже сейчас одновременно с этим процессом нарастает тенденция к выталкиванию живого труда из производства вследствие внедрения в земледелие механизмов, сберегающих труд. И хотя суммарный итог этих двух противоположных влияний зачастую выражается пока в чистом приросте потребления чужого труда, величина данного прироста (взятая в эквиваленте рабочего времени) составляет лишь незначительную часть даже того «свободного» рабочего времени, которым располагает уже существующее в деревне «избыточное» население. Усиливающаяся тенденция к введению машин в производство, вступающее в стадию «самоподдерживающегося роста», уже в ближайшей перспективе приведет к вытеснению живого труда из земледелия.

«Зеленая революция» в ее капиталистической форме все больше будет проявляться, следовательно, как процесс, в ходе которого в расширенном масштабе воспроизводится не только и не столько свободный наемный труд, сколько паупер. Она загоняет большую массу населения, исключаемую из разваливающихся традиционных связей, в гетто мелкого и мельчайшего производства в самой деревне, еще больше нагнетая процесс его перенасыщения «избыточной» рабочей силой, и одновременно создает почву для массового исхода в города людей, теряющих старый мир и пополняющих здесь ряды люмпен-пролетариата.

В социальной обстановке, сложившейся в деревне развивающихся стран Востока, «зеленая революция» может быть только очаговой формой развития. Она — очаговая форма потому, что вследствие гигантского распространения «вертикальной» системы связей, реализующихся в изъятии из производства громадной массы неоплаченного труда как простая дань «голой собственности» (К. Маркс), в аграрной экономике, главным образом в ее обширных секторах, представленных мелким и мельчайшим производством, задерживается поступательное развитие товарной формы воспроизводства; и вместе с тем хозяйство, накапливающее прибавочный продукт, как наличная ее опора — весьма мало численно. Она — очаговая форма также потому, что на

крупнейших территориях еще вообще не успели сложиться минимально необходимые для старта «зеленой революции» товарные связи и товарный обмен, и отсутствует такая предпосылка, как минимальный уровень экономической культуры сельского трудящегося населения. Поэтому «зеленая революция» проявляется в первую очередь в тех территориальных и социальных подразделениях аграрной экономики, которые оказались наиболее подготовленными к ее принятию.

Закрепляется же очаговый характер «зеленой революции» узостью рынка, т. е. весьма ограниченным платежеспособным спросом, который в конечном итоге и определяет пределы роста интенсивного земледелия на новом технологическом базисе. Действительно, внутренний рынок стран, переживающих «зеленую революцию», жестко детерминирован бедностью подавляющей массы народа. Например, по подсчетам индийского ученого Б. С. Минхаса, в 1967/68 г. 48% населения Индии имело доход ниже даже минимального прожиточного уровня. И хотя удельный вес этой группы населения за предшествующее десятилетие сократился (1957/58 г. — 58%), абсолютная численность ее возросла с 238 млн. до 247 млн. человек [цит. по: 4, 28]. В сельских местностях Индии наиболее бедные группы потребляют в месяц на душу всего 10—15 кг зерна — основного продукта питания, тогда как богатые группы — 25—32 кг [11, 31—32]. В подобных условиях «зеленая революция» способна сравнительно быстро развиваться до тех пор, пока не будут устранены диспропорции в продовольственном обеспечении, т. е. пока производство продукта не достигнет уровня медленно расширяющегося платежеспособного спроса. Но как только этот уровень будет достигнут, неизбежно возникнут трудности на пути реализации произведенного продукта, которые окажут мощное тормозящее воздействие на дальнейший технологический сдвиг в сельском хозяйстве. И этот закон обратной связи работает тем быстрее, чем сильнее разовьется производство в очагах «зеленой революции».

Нет никаких оснований полагать, что в нынешних условиях проблема реализации продукта интенсивного земледелия стран «третьего мира» может быть решена на внешних рынках. Здесь развивающиеся страны столкнутся с острейшей конкуренцией со стороны развитых

капиталистических государств, практикующих к тому же с целью удержания рынков в своих руках соглашения о льготных ценах. Эти соглашения «станут плотиной, преграждающей путь образованию экспортного зернового потенциала в странах „третьего мира“» [8, 704].

По всем указанным причинам процесс становления индустриальных производительных сил в их капиталистической оболочке не способен охватить весь сельскохозяйственный сектор. В рамках данных социально-экономических условий ему суждено быть явлением не всеобщим, а местным, оказывающим, однако, сильнейшее «возмущающее» воздействие на все национальное общество вообще, и на различные социальные группы деревни в частности.

И в исторической перспективе (если не будет осуществлена глубокая аграрная реформа) социально-экономический фронт «зеленой революции» останется довольно узким. Под ее влиянием уже сейчас все более отчетливо вырисовываются основные структурные элементы будущего аграрного строя развивающихся стран Азии. Это — сравнительно неширокие очаги капиталистического производства, покровительствуемого государством, непрерывно модернизирующего свою техническую базу и обеспечивающего основную массу товарного сельскохозяйственного продукта, словом, динамичный «центр» аграрного развития; и вместе с тем это — аграрная «периферия»: эксплуатируемое худшими методами мелкое и мельчайшее производство, образующее огромный резервуар пауперизма и одновременно — неисчерпаемый источник дешевого наемного труда для капитала.

Это та модель, которая сложилась в Мексике (однако при значительно более высоком, чем в Азии, исходном уровне развития сельского хозяйства). В этой стране развитый индустриально-аграрный Север четко отделен от слабо развитого южного района, где 75—80% всей наличной рабочей силы занято в отсталом сельском хозяйстве, а заработная плата работников едва составляет треть той, какую получают земледельческие рабочие Севера [6, 40]. Под влиянием неравномерного развития различных звеньев экономики мексиканское общество переживает интенсивный процесс поляризации особого типа: на одном полюсе общества сосредоточивается «сравнительно богатая группа лиц, занятых в

современной промышленности и коммерческом подразделении сельского хозяйства», на другом — большая масса населения, «кое-как зарабатывающего себе на жизнь в застойном полунатуральном сельском хозяйстве» [7, 477]. Сформировавшуюся в Мексике дуальную модель общественного развития некоторые зарубежные исследователи называют моделью «незавершенного развития», незавершенного в том смысле, что «модернизация экономического сектора не оказывает благотворного влияния на социальные и политические условия» [7, 477]. В перенаселенной деревне азиатских стран ситуация, порождаемая «зеленой революцией», будет значительно хуже. И. Г. Мюрдаль в целом прав, отмечая, что здесь «рабочая сила людей, занятых в натуральном секторе сельского хозяйства, и рабочая сила безземельных рабочих, а также населения городских трущоб будет использоваться все меньше, и, следовательно, будет расти нищета среди них, в то время как незначительный современный сектор в еще большей степени, чем в колониальное время, примет характер анклава» [10, 12].

Особое место в складывании подобной дуальной модели общественной структуры занимает эволюция мелкого товарного производства в деревне. И без того ограниченная роль закона стоимости в разложении такого производства (вследствие давления собственнической монополии в ее различных вариантах) в новой обстановке резко уменьшается. Если раньше в самой деревне конкурирующим контрагентом мелкого товаропроизводителя был капитал, опирающийся на традиционную техническую базу, то теперь этому товаропроизводителю противостоит капитал, непрерывно повышающий свое органическое строение и, следовательно, производительную силу труда. Индивидуальная (т. е. низкая) стоимость продукта этого капитала постепенно все более начинает определять общественную стоимость сельскохозяйственного продукта, что неизбежно будет оказывать гнетущее воздействие на мелкое товарное хозяйство, издержки производства продукта в котором чрезвычайно высоки. «Зеленая революция» в ее капиталистической форме проявляется, следовательно, как процесс, усиливающий тенденции не к «нормальному» разложению мелкого товарного производства, а к его массовому разорению через действие закона стоимости (хотя на дан-

ном этапе отдельные подразделения мелкого товарного производства, особенно располагающего собственными факторами труда, пожинают определенные плоды от развития «зеленой революции»).

Разорение мелкого товарного хозяйства через действие закона стоимости может принять значительные масштабы уже в ближайшем будущем — как только приток на внутренний рынок товарной сельскохозяйственной продукции достигнет предела медленно возрастающего платежеспособного спроса, а капитал высокого органического строения овладеет более прочными позициями в земледелии и, главное, если будет снят такой барьер, как высокие государственные закупочные цены (там, где они введены), предотвращающие пока конкуренцию между крупным и мелким производством.

В конечном же итоге слабая конкурентоспособность мелкого товарного хозяйства будет вести не столько к продолжению его битвы с крупным капиталом на «поле боя» — рынке, сколько к уходу мелкого товаропроизводителя с этого «поля боя». Процесс «детоваризации» мелкого хозяйства, прежде связанного с рынком, будет сопровождаться развитием и соответствующих способов его разорения — влияние закона стоимости будет уступать место механизму стоимостных отношений.

«Зеленая революция» есть такая форма капиталистического развития земледелия, которая широко опирается на внестоимостные методы стимулирования экономической системы, утверждаемые государством и его собственностью. Именно потому, что складывание нормальных товарных связей, образующих естественный, адекватный для капитализма базис, в аграрной экономике стран «третьего мира» нарушено либо эти связи находятся еще только в процессе формирования, капитал может перейти на индустриальную стадию развития лишь при помощи вне его и над ним существующего института собственности.

Действительно, при всем обилии форм внестоимостных отношений вообще и внестоимостного обмена в частности, порождаемых функционированием государственной собственности, выделяются те, на основе которых обеспечивается безвозмездное перемещение части национального дохода в «критические» подразделения сельскохозяйственной отрасли, прежде всего в сравни-

тельно узкий капитализирующий сектор производства. Данный процесс осуществляется посредством поддержания весьма высоких государственных закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, субсидирования цен на поступающие в деревню средства производства, использования создаваемых государством элементов инфраструктуры по ценам ниже стоимости и т. п. Устранение подобного государственного протекционизма, перевод «зеленой революции» в русло свободнорыночных отношений неизбежно вызвали бы катастрофические последствия для процесса перехода аграрного капитала на индустриальную стадию даже в тех районах, где этот переход уже имеет место (произошло бы, например, резкое замедление процесса капиталонакопления, существенно сократилось бы число капитализирующихся участников «зеленой революции» и т. д.). Капитал может осуществлять свою преобразовательную функцию в сфере производства в своих анклавах исключительно благодаря созданному для него искусственному климату, который, однако, лишь частично компенсирует отсутствие адекватных для капитала условий — нормальных товарных связей. Тем самым государственная собственность становится регулятором процесса капиталистического развития, а потенциально — и его ограничителем.

Процесс перехода к интенсивному земледелию в его капиталистической форме неизбежно будет служить катализатором роста такого важнейшего общественного движения в деревне, как борьба за землю.

Именно потому, что «зеленая революция» — очаговая форма общественно-экономического процесса, она усугубляет противоречие, вытекающее из неравномерного распределения собственности на землю, не только тем, что способствует абсолютному увеличению аграрного перенаселения, но и тем, что концентрирует его на постепенно сужающихся участках аграрной экономики. Поэтому основная закономерность социально-политического развития, вызываемая к жизни «зеленой революцией», состоит в том, что, чем интенсивнее будет происходить становление рационального капиталистического земледелия, распространяясь на все новые территории, и, следовательно, чем сильнее будет вытесняться с земли крестьянское население, сосредоточиваясь в мелком и мельчайшем полунатуральном производстве, тем бо-

лезнее экспроприированные производители, неимущие люди вообще будут ощущать гнет монополии крупной земельной собственности, тем больше будет расти напор снизу, преследующий цель уничтожения этой монополии. Тем самым капитал вкупе с крупной земельной собственностью, выполняющей для него «черную» работу чистки земли, будет во все растущих масштабах воспроизводить своих основных социальных антагонистов — не только непосредственно эксплуатируемых им наемных работников, но и насыщающих низшие уклады пауперов как «побочного» продукта своего развития.

Внешне различные (но внутренне неразрывно взаимосвязанные) процессы, происходящие в современном «третьем мире», превращают осуществление глубоких аграрных преобразований во все более настоятельную общественную необходимость.

Ныне важнейшим катализатором аграрной реформы как условия ускорения экономического роста, социального прогресса вообще становится то обстоятельство, что в современную эпоху — эпоху резко возросшего и качественно изменившегося мирового общения (чему способствовали становление национальной государственности ранее поработенных стран, с одной стороны, и достижения научно-технической революции в средствах коммуникаций — с другой) — «третий мир» переживает интенсивную ломку всей системы потребностей (этот процесс, как упоминалось выше, охватывает уже и деревню, означая, что и аграрная периферия начинает ориентироваться на принципиально новые стандарты потребления). Но особенность данного процесса состоит в том, что формирование новой системы потребностей в «третьем мире» определяется факторами, находящимися не столько внутри самих развивающихся стран, сколько вне их — в развитых странах, эпицентрах научно-технической революции. Как справедливо отметил В. В. Крылов, «мерой богатства или бедности является не только само абсолютное количество присвоенных объектов, но и степень их соответствия развившейся в данный момент системе потребностей работника. В „третьем мире“ система потребностей растет быстрее, чем средства их удовлетворения, ибо демонстрационный эффект в современных условиях уплотнившихся социальных контактов в мире порожден скорее состоянием производства

в развитых странах, нежели развивающихся» [3, 19]. При этом на развитие в «третьем мире» социальных потребностей в их самом высоком (общенациональном) проявлении (выбор пути всего общественного развития) мощное воздействие оказывает мировая социалистическая система.

Поэтому классы развивающихся обществ, включенных в орбиту могучего влияния двух противоборствующих мировых систем, начинают решать не только задачи, порожденные имманентными законами собственных, национальных укладов, но и задачи, вытекающие из подчиненности этих укладов законам и определяющим тенденциям всемирно-исторического развития.

Именно этими обстоятельствами можно объяснить, что в некоторых развивающихся странах Востока правящие группы предпринимают весьма решительные меры в области аграрных преобразований, принося в жертву основные интересы традиционно самого могущественного слоя (крупных землевладельцев) даже тогда, когда нет опасного давления «снизу». Пожалуй, наиболее ярким примером реформы, вызванной к жизни в большой степени именно влиянием «извне», является аграрная реформа 60-х годов в Иране; это влияние, несомненно, сказалось и на принятии последних аграрных законов в АРЕ и Алжире, а также на Филиппинах.

Вместе с тем тенденцию к проведению глубокой аграрной реформы будет усиливать и «зеленая революция», проявляясь в росте социальной напряженности, расширении очагов открытых конфликтов и массовой борьбы и в деревне, и в городе. Иначе говоря, тенденция к преобразованию социальной формы научно-технического прогресса, к переводу его на путь, отвечающий интересам не узкой прослойки эксплуататоров, а широкой массы народа, непосредственно вызывается и стимулируется фактором давления «снизу».

В подобной двоякой форме отрицания социально-экономического базиса (т. е. «сверху» и «снизу»), стоящего на пути широкого усвоения плодов научно-технического прогресса в весьма важной сфере всей экономики стран «третьего мира», ярко отражается та определяющая особенность современного положения этих стран, что на основе частной собственности здесь не могут быть решены насущные задачи общественного

воспроизводства. И Самир Амин, несомненно, прав, подчеркивая, что «зеленая революция» именно как процесс капиталистического развития «вписана в основные противоречия» мировой капиталистической системы в целом. И поскольку центр господствует над своей периферией, то в отношении «третьего мира» не может быть и речи об «окончательном капиталистическом решении», означаемом «всестороннее и одновременное развитие и сельского хозяйства, и промышленности», когда последняя становится самостоятельным центром развития, а не отраженной формой иного центра развития (в данном случае индустриального капитализма стран Запада). Если одно из условий «двустороннего комплекса» (взаимовлияние промышленного и сельскохозяйственного развития) отсутствует, «блокируется» весь процесс развития» [12, 34]. «Зеленая революция» не является «детерминантой всеобщего развития — сельскохозяйственного и промышленного» [12, 34]. Голландский ученый В. Ф. Вертхейм делает упор на социальном аспекте этой концепции. Он пишет, что осуществляемая в деревне стран Южной и Восточной Азии политика «ставки на сильных» лишь обостряет одну из самых животрепещущих проблем XX в. — проблему сельской нищеты в этих странах. Поэтому «вызванный к жизни процесс нужно охарактеризовать не как развитие — „эволюция“, а как нечто противоположное — „инволюция“» [13, 161].

В предлагаемом вниманию читателя сборнике авторский коллектив ставил своей задачей охарактеризовать некоторые «врожденные комплексы» «зеленой революции», выявить направления социально-экономической политики государства в связи с намечающимся технологическим сдвигом в аграрной экономике, используя в качестве исходной базы материалы об однотипных процессах в группе развивающихся стран азиатского и африканского регионов. Авторы сборника при этом отдают себе отчет в том, что исследование «зеленой революции», этого процесса, всей своей сущностью обращенного в будущее, еще только начинается, что всестороннее теоретическое осмысление всей совокупности ее проявлений и противоречий — задача, которая будет решаться одновременно с дальнейшим вызреванием «зеленой революции» и накоплением фундаментальных фак-

тических данных о ней. Поэтому некоторые выводы, сделанные авторами отдельных статей, носят предварительный, дискуссионный характер. Но если авторскому коллективу удастся заинтересовать читателя постановкой ряда важных проблем, порожаемых этим сравнительно новым для «третьего мира» процессом, он будет считать свой труд не напрасным.

1. Маркс К., Капитал, т. I, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 23.
2. Маркс К., Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. III, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 26, ч. III.
3. Крылов В. В., О социально-экономической природе наемного труда в городах афро-азиатских стран, — «Средние (городские) слои в развивающихся странах Азии и Северной Африки», ч. II, М., 1972.
4. «Agricultural Prices Commission. Report on Price Policy for Rabi Foodgrains for the 1970—71 Season», New Delhi, 1970 (mimeo).
5. Ahmad Z. M., The Social and Economic Implications of the Green Revolution in Asia, — «International Labour Review», Geneva, 1972, vol. 105, № 1.
6. Brown L. R., The Social Impact of the Green Revolution, New York, 1971 («International Conciliation», № 581).
7. Coward E. W., Schutjer W. A., The Green Revolution: Initiating and Sustaining Change, — «Civilisation», Bruxelles, 1970, vol. 20, № 4.
8. Falcon W. P., The Green Revolution: Generations of Problems, — «American Journal of Agricultural Economics», Lexington, 1970, vol. 52, № 5.
9. Frankel F., Agricultural Modernisation and Social Change, — «Mainstream», Delhi, 1969, vol. 8, № 13.
10. Murdal G., Agricultural Development and Planning in the Underdeveloped Countries outside Socialist Sphere, — «Fourteenth International Conference of Agricultural Economists, Minsk, USSR, August 1970. Theme Papers», Oxford, 1970.
11. «The National Sample Survey. 15th Round: July 1959 — June 1960. № 104. Tables with Notes on Consumer Expenditure», Delhi, 1966.
12. Samir Amin, «Green Revolution»: Walking on One Leg, — «United Nations Research Institute for Social Development. A Study of the Social and Economic Implication of the Large Scale Introduction of High-Yielding Varieties of Foodgrains. A Selection of Readings», Geneva, 1971.
13. Wertheim W. F., Evolution, Involution and Revolution in Southern Asia, — «Bulletin of Peace Proposals», Stockholm, 1973, № 2.

Е. В. Ковалев

«ЗЕЛЕНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»: ГЕНЕЗИС, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Важнейшим фактором сельскохозяйственного и социального развития стран Азии, Африки и Латинской Америки во второй половине XX в. является получивший наибольшее распространение с середины 60-х годов технологический сдвиг, который стал известен под образным названием «зеленая революция». Этот сдвиг нашел свое выражение в создании в странах «третьего мира» гибридных сортов сельскохозяйственных, главным образом продовольственных (пшеница и рис), культур, эффективное применение которых возможно лишь при условии роста использования удобрений, ядохимикатов, ирригации, механизации и повышения уровня квалификации рабочей силы. «Зеленая революция» есть по преимуществу интенсификация сельскохозяйственного производства развивающихся стран.

«Зеленая революция» — сложный, многоплановый, внутренне противоречивый процесс, ее экономический и социальный аспекты не могут быть определены однозначно. «Зеленая революция» — одно из важнейших направлений развития научно-технической революции в освободившихся странах, быть может в наибольшей мере отражающей нынешние потребности этих стран. Она стала результатом взаимодействия ряда технологических и экономических факторов, среди которых первостепенное значение принадлежит двум мировым производственно-экономическим процессам: во-первых, научно-техническому перевороту в сельском хозяйстве развитых стран, происшедшему в послевоенное двадцатилетие, который освободил их от необходимости импорта продовольствия, создавшему материальную, научно-техниче-

скую основу для технологического сдвига в сельском хозяйстве стран «третьего мира» (развитие селекционной науки, подготовка высококвалифицированных специалистов); во-вторых, техническому, экономическому и социальному развитию сельского хозяйства развивающихся стран, которое достигло такого уровня, что стало восприимчивым к достижениям сельскохозяйственной науки и технологии. Носителем этой «восприимчивости», «полем деятельности» технологического сдвига стали районы товарного производства, которое получило уже определенное распространение в сельском хозяйстве развивающихся стран и распределяется неравномерно по регионам и внутри стран. Районы концентрации товарного производства стали своеобразными очагами «зеленой революции», выходу за пределы которых препятствуют традиционные формы натурального и полунатурального потребительского хозяйства. В настоящее время зона распространения «зеленой революции» охватывает не более 10—15% территории развивающихся стран Азии [5, 18].

Важнейшим условием успеха «зеленой революции» стала ликвидация ряда пережитков докапиталистических отношений в аграрном строе. После второй мировой войны в большинстве развивающихся стран были проведены аграрные преобразования, которые, часто не устраняя помещиков из деревни, тем не менее покончили с наиболее вопиющими пережитками феодализма. При этом, чем радикальнее была аграрная реформа, тем благоприятнее складывались условия для технологического сдвига; об этом достаточно красноречиво свидетельствует пример Мексики. В некоторых странах «третьего мира» (Индия, Пакистан) образовался небольшой слой квалифицированных научных кадров в области сельскохозяйственной науки. В этом смысле можно сказать, что «зеленая революция» выражает накопленный опыт всего предшествующего развития сельского хозяйства стран Азии, Африки и Латинской Америки. Это утверждение имеет также такой смысл: чтобы нововведения были внедрены, среда должна быть готова их воспринять. Важнейшими условиями осуществления технологического сдвига в сельском хозяйстве трех континентов было развитие промышленности, сельского хозяйства и торговли (достижение определенного уровня развития

экономики), меры по расширению и укреплению инфраструктуры — строительство дорог, электрификация, создание оросительных сооружений, а также подъем уровня образования и культуры.

«Зеленая революция» — процесс объективный в том отношении, что новые семена были быстро внедрены в производство, ибо сельское хозяйство ряда стран «третьего мира» созрело для использования таких семян. В нем возникли и формировались в своеобразных условиях и видах мелкотоварный и капиталистический уклады (последний в значительной мере за счет капиталистической эволюции помещичьих хозяйств). Капиталистическое производство оказалось в состоянии воспринять новые семена и новую технику, сулившие ему увеличение прибыли, а мелкотоварный уклад стал массовой питательной средой развития технологического сдвига — меньшинство хозяйств этого типа превращалось в капиталистические, большинство — разорялось, «высвобождая» для «зеленой революции» рабочие руки и землю, которая приобреталась капиталистическими хозяйствами. Попытки выведения и распространения новых семян предпринимались и раньше, но они не находили столь широкого распространения, ибо факторы, обусловившие в настоящее время их широкое внедрение, действовали значительно слабее.

Непосредственной причиной, вызвавшей к жизни «зеленую революцию», стала усилившаяся в 60-х годах нехватка продовольствия в развивающихся странах (в первую очередь зерновых), вызванная противоречием между возросшими темпами роста населения, ускорением процесса урбанизации (что привело к увеличению спроса на товарное продовольствие) и крайне медленным развитием сельскохозяйственного производства, связанным с использованием во многих крестьянских хозяйствах допотопных орудий труда и рутинных приемов и методов производства, сохранением отсталых производственных отношений, консервацией в сельском хозяйстве многих стран «третьего мира» натурального и полунатурального потребительского хозяйства.

Если в 30-х годах Азия, Африка и Латинская Америка были экспортерами зерна по отношению к развитым капиталистическим странам, то в 50—60-х годах развивающиеся страны выступают уже как импортеры зерна.

К началу 60-х годов нехватка зерна в развивающихся странах достигла таких масштабов, что возросший импорт продовольствия в эти страны привел к заметному уменьшению запасов нереализованного зерна в развитых странах-экспортерах — США, Канаде и Австралии. В результате этого произошло повышение мировых цен на пшеницу и рис, последовавшее за ростом внутренних цен на эти продовольственные культуры, которое послужило одним из важнейших экономических стимуляторов широкого внедрения новых высокоурожайных сортов пшеницы и риса. (Снижение цен началось лишь в 1968—1969 гг. в результате сокращения издержек производства в ходе технологического сдвига и изменения соотношения между спросом и предложением зерна, вызванного резким увеличением его производства в развивающихся странах.)

Наибольшие масштабы нехватки продовольствия приняла в Южной и Юго-Восточной Азии, где неосвоенные площади полностью исчерпаны (при нынешнем уровне технологии и господствующих социальных отношениях) и почти не осталось места для экстенсивного роста сельскохозяйственного производства. Здесь, несмотря на высокую освоенность пригодных для земледелия площадей, плотность сельскохозяйственного населения столь высока, что на душу его приходится значительно меньшее количество земли, чем в любом другом районе земного шара. В частности, на душу сельского населения здесь приходится в 50 с лишним раз меньше используемой в сельском хозяйстве земли, чем в развитых странах [14, 70—71].

Технологический сдвиг в сельском хозяйстве развивающихся стран произошел довольно поздно, когда дефицит продовольствия в «третьем мире» достиг крайних пределов. Это объясняется, с одной стороны, ввозом значительной части продовольствия по низким ценам из развитых стран — особенно в виде американской продовольственной помощи (способ амортизации Соединенными Штатами результатов перепроизводства продовольствия), с другой — недостатком в предшествующий период капиталов, знаний и кадров в развивающихся странах для осуществления технологического сдвига. Наступило такое обострение продовольственной проблемы, которое показалось опасным американскому импе-

риализму настолько, что заставило его оказать значительную научную помощь в селекции новых сортов зерновых. Масштабы этой помощи позволили вывести столь высокоурожайные сорта пшеницы и риса, что применение машин и оросительных установок для их производства стало рентабельным и привлекло новые капиталы в сельскохозяйственное производство. В определенной степени это обеспечивалось также гарантийными ценами государства на сельскохозяйственную продукцию и увеличением государственных кредитов деревне.

Наступление технологического сдвига задерживалось кроме того тем обстоятельством, что в развивающихся странах цены на удобрения, машины и сельскохозяйственное оборудование значительно выше, чем в развитых странах, это связано с промышленной отсталостью стран «третьего мира», недостаточным развитием их транспорта, а также с неэквивалентным обменом (неблагоприятным соотношением мировых цен на товары, продаваемые и покупаемые развивающимися странами) и своекорыстной политикой капиталистических монополий.

«Зеленая революция» явилась неожиданностью даже для тех, кто стоял у ее колыбели, создавал новые сорта пшеницы и риса. Об этом свидетельствуют заявления Н. Борлауга, Л. Брауна и др. Как и всякое большое событие, «зеленая революция» вызвала целую гамму оценок, порой противоречивых, — от самых скептических до самых восторженных. Одни называют «зеленую революцию» «величайшей сельскохозяйственной революцией, какую знает история» [21, 18.V.1971], другие характеризуют ее как «зеленую эволюцию» [10, 700]. Если же отвлечься от эмоциональных оценок и перейти к сухим статистическим данным, то мы увидим картину, отражающую реальные масштабы технологического сдвига.

Вторая половина 60-х годов стала периодом стремительного увеличения в развивающихся странах площадей под новыми сортами. В 1965/66 г. они равнялись лишь 15 тыс. га (без Мексики), а в 1968/69 г. — уже 15 млн. га. В Мексике к 1970 г. более 90% всех посевных площадей под пшеницей (около 800 тыс. га) было занято новыми сортами [2, 21; 7, 12]. Однако воздействие «зеленой революции» на все зерновое производство тех развивающихся стран, где она получила наибольшее распространение, выражено менее ярко (табл. 1 и 2).

Производство неочищенного риса в странах Азии*,
(производство — тыс. т, урожайность — ц/га)

	1948—1952 гг.	1961—1965 гг.	1967 г.	1968 г.	1969 г.	1970 г.	1971 г.	1972 г.
Афганистан								
производство	331	343	396	402	407	366	350	340
урожайность	18,4	16,0	19,3	19,6	19,8	18,1	17,5	17,0
Бирма								
производство	5481	7786	7769	8023	7985	8162	8175	7559
урожайность	14,6	16,4	16,5	16,8	17,1	17,0	17,2	15,6
Шри Ланка								
производство	479	948	1158	1360	1376	1616	1396	1315
урожайность	14,2	19,1	21,3	24,0	26,0	26,5	23,7	21,9
Индия								
производство	33383	52670	56418	59642	60645	63338	64102	59000
урожайность	11,1	14,8	15,5	16,1	16,1	17,0	17,2	16,2
Индонезия								
производство	9441	12393	13222	14858	15553	19204	20058	19447
урожайность	16,1	17,6	17,6	18,5	19,4	23,6	24,1	24,4
Иран								
производство	424	851	1083	1172	1058	1350	877	1200
урожайность	19,3	29,1	41,5	36,9	29,4	27,9	31,8	31,6
Пакистан**								
производство	12399	16859	19005	20065	21609	20014	3390	3356
урожайность	13,8	16,5	16,8	17,8	18,1	17,5	23,3	22,6
Филиппины								
производство	2767	3957	4561	4445	5233	5343	5100	4971
урожайность	11,8	13,2	14,4	13,3	16,8	17,2	15,7	14,9
Таиланд								
производство	6846	11267	11198	12410	13410	13270	13744	11800
урожайность	13,1	17,6	18,4	19,1	19,3	19,7	19,9	18,2
Турция								
производство	109	222	233	205	212	267	280	203
урожайность	35,1	39,6	38,8	45,6	37,5	40,5	42,8	36,9
Азия (без КНР)								
производство	99817	150014	160746	168837	174873	179119	177560	164686
урожайность	14,4	17,9	18,7	19,2	19,6	20,2	19,8	19,4

* [12, 75—77; 13, 60—61].

** В границах соответствующих лет.

Производство пшеницы в странах Азии*,
(производство — тыс. т, урожайность — ц/га)

	1948—1952 гг.	1961—1965 гг.	1967 г.	1968 г.	1969 г.	1970 г.	1971 г.	1972 г.
Афганистан								
производство	1 700	2 207	2 280	2 354	2 454	2 081	1 915	2 950
урожайность	8,5	9,5	9,7	11,6	11,9	9,6	8,2	12,3
Индия								
производство	6 087	11 198	11 393	16 540	18 652	20 093	23 833	26 477
урожайность	6,6	8,4	8,9	11,0	11,7	12,1	13,1	13,8
Иран†								
производство	1 879	2 873	4 618	3 861	4 200	4 262	3 612	4 500
урожайность	9,0	8,0	10,5	8,0	8,2	8,4	7,1	9,0
Пакистан**								
производство	3 685	4 190	4 393	6 477	6 711	7 399	6 588	6 891
урожайность	8,7	8,3	8,1	10,7	10,7	11,7	10,8	11,9
Турция								
производство	4 770	8 585	10 110	9 603	10 593	10 081	13 594	12 085
урожайность	10,0	10,8	12,5	11,5	12,1	11,6	15,5	13,9
Азия (без КНР)								
производство	21 381	33 715	37 389	44 075	46 952	47 190	51 565	59 345
урожайность	8,2	9,0	9,9	10,7	10,9	10,7	11,7	12,6

* [12, стр. 39—40; 13, стр. 52—53],

** В границах соответствующих лет.

Истоки «зеленой революции» восходят к тому времени, когда были начаты работы по выведению высокоурожайных сортов пшеницы, приспособленных к климатическим условиям развивающихся стран. В 1944 г. в Мексику из США прибыла группа ученых-селекционеров, вскоре возглавленная Н. Борлаугом, перед которой была поставлена задача создания новых сортов зерновых для тропических и субтропических стран. Эти работы финансировались «Фондом Рокфеллера». Основанная для этой цели недалеко от города Мехико экспериментальная станция вскоре была преобразована в Международный центр по улучшению сортов пшеницы и кукурузы.

Новый центр в своей деятельности опирался на успехи мировой, и в первую очередь американской, генетической науки. Американский ученый Салмон начал в 1946 г. работу по выведению высокоурожайных, устойчивых к полеганию сортов пшеницы на основе привезенного им из Японии карликового сорта «норин 10». Эти опыты были продолжены другим американским селекционером, Фогелем, который на базе японского карликового сорта вывел ряд высокоурожайных разновидностей. Используя эти сорта для скрещивания с мексиканскими, колумбийскими, австралийскими, итальянскими и другими, Н. Борлауг вывел ряд новых сортов, получивших название «мексиканских», дающих высокие урожаи в тропических зонах в условиях хорошего увлажнения или при орошении. Теплый мексиканский климат позволил (часть работ — летние посевы — осуществлялись на территории США), ученым выращивать ежегодно два поколения пшеницы, в результате чего срок выведения нового сорта, обычно равный 10—12 годам, был сокращен вдвое.

Внедрение новых сортов в Мексике началось в 50-х годах. Оно позволило увеличить урожайность пшеницы в стране в период с 1945 по 1970 г. с 7,5 ц до 30 ц с 1 га. В странах Азии высокоурожайные «мексиканские» сорта пшеницы начали распространяться со второй половины 60-х годов.

После выведения новых сортов пшеницы в Мексике Международная сельскохозяйственная и продовольственная организация ООН (ФАО) пригласила Н. Борлауга оценить возможности решения зерновой пробле-

мы в ряде развивающихся стран от Марокко до Индии. Как отмечает сам Борлауг, в то время он пришел к выводу, что на внедрение новых сортов в этих странах и на подготовку специалистов для этой цели уйдет не менее 18—20 лет. Как известно, жизнь оказалась значительно смелее этих оценок. В 1963 г. в Индию было привезено небольшое количество новых семян (около 100 кг), в 1964 г. несколько больше. Эти семена на экспериментальных участках дали многообещающие результаты, основываясь на которых правительство Индии в 1965 г. импортировало 250 т новых семян. В 1966 г. министр продовольствия Индии С. Субраманиам добился импорта 18 тыс. т новых семян пшеницы. Это позволило широко развернуть работу по приспособлению новых сортов к условиям Индии и внедрению их в производство. Если в 1964 г. — наиболее удачном из лет, предшествовавших «зеленой революции», — урожай пшеницы составлял в Индии 12,3 млн. т, то в 1970 г. он превзошел 20 млн. т [6, 797—800].

Было бы, однако, большим преувеличением считать, что процесс селекции новых семян пшеницы проходил гладко. Нередко ученым приходилось идти ощупью, переживать ошибки и промахи, иногда результаты были скромнее, чем это первоначально ожидалось. Например, в Мексике вместе с работой по выведению новых сортов пшеницы были предприняты усилия для получения высокоурожайных сортов кукурузы и бобовых. Эти работы увенчались лишь частичным успехом. Определенный сдвиг был достигнут в увеличении урожайности кукурузы, бобовые же культуры оказались для ученых «крепким орешком». Решение проблемы создания высокоурожайных разновидностей бобовых культур все еще остается делом будущего.

Успехи в распространении новых сортов в Индии прежде всего объясняются двумя причинами: во-первых, крайне острой нехваткой продовольствия, во-вторых, наличием значительного числа квалифицированных специалистов-селекционеров.

Успехи, достигнутые в выведении и распространении новых сортов пшеницы, породили надежду на возможное создание высокоурожайных сортов риса — важнейшей продовольственной культуры в Азии. В 1962 г. в Лос-Баньосе на Филиппинах был создан Международ-

ный исследовательский институт риса (ИРРИ), финансируемый «Фондом Рокфеллера» совместно с «Фондом Форда». Условия Филиппин позволили собирать ежегодно три урожая риса, что делало возможным выведение новых сортов в рекордно короткие сроки. Их применение на практике началось уже в 1965 г., а широкое распространение в 1967 г. Средняя урожайность новых сортов риса в Юго-Восточной Азии составляет 43 ц с 1 га, что означает увеличение в два-три раза по сравнению с традиционными сортами [2, 25]. Совершенствование новых сортов риса продолжалось уже после их запуска в производство. На основе первоначально выведенных сортов «ИР-5» и «ИР-8» были созданы более совершенные сорта «БПИ 76-1» и «ИР-400» с более коротким вегетационным периодом. Это позволяет собирать по три урожая риса в год. Так, на экспериментальной станции в Лос-Баньосе ежегодный сбор риса составляет около 150 ц с 1 га [3, 98].

Сбор двух урожаев пшеницы и риса равносителен удвоению посевной площади. Это возможно лишь в странах тропического пояса. Два урожая — огромный резерв роста производства, что приобретает особое значение в странах Южной и Юго-Восточной Азии, имеющих самый низкий показатель обрабатываемой площади на душу населения. Любая дальнейшая деятельность по развитию «зеленой революции» должна основываться на учете специфики развивающихся стран, и в первую очередь их тропического климата.

Развитие мировой сельскохозяйственной науки позволило осуществить коренной сдвиг в урожайности сельскохозяйственных культур на более ранней стадии экономического развития, чем в Европе и США. В некоторых азиатских странах, как отмечал Л. Браун, новые семена вводились в производство в условиях, когда в деревне удельный вес грамотных составлял лишь 25% или меньше, а доход на душу населения был меньше, чем 100 долл. в год [8, 40].

«Зеленая революция» показала, сколь высокорентабельными (в макроэкономическом смысле) могут быть вложения в научные исследования, в том числе в области сельского хозяйства, в первую очередь в развитие генетики и селекции. Так, например, расходы «Фонда Рокфеллера» на нужды селекционной станции в Мек-

сике в 1943 г. принесли прибыли в размере 700% в год только в Мексике. В настоящее время площади, занятые мексиканскими сортами пшеницы в Азии, более чем в семь раз превосходят те, которые заняты этими же сортами в Мексике. Еще более разительным примером высокой эффективности капиталовложений в сельскохозяйственные исследования является деятельность Международного исследовательского института риса на Филиппинах. Все расходы этого института, включая первоначальный капитал и ежегодные расходы, составили к 1968 г. 15 млн. долл. Между тем уже в 1967—1968 гг. стоимость урожая риса в Азии благодаря введению новых семян на 300 млн. долл. превысила обычную среднегодовую стоимость. В 1968—1969 гг. этот выигрыш составил около 1 млрд. долл. [8, 49]. Разумеется, это увеличение является результатом действия многих производственных факторов, а не только новых семян. Тем не менее приведенные цифры показывают, сколь велика народнохозяйственная рентабельность капиталовложений в селекцию новых сортов.

Особенностью новых сортов как пшеницы, так и риса по сравнению с традиционными является их способность реагировать на улучшение агротехнических условий: они дают значительное увеличение урожайности в результате применения искусственных удобрений, орошения, строгого соблюдения агротехнических норм. «Зеленая революция» означает интенсификацию сельскохозяйственного производства именно потому, что и мексиканская пшеница и филиппинский рис дают больший прирост урожайности по сравнению с традиционными сортами лишь при орошении или хорошем увлажнении и при использовании минеральных удобрений.

Из-за того что новые сорта не зависят от уровня солнечной радиации, их можно выращивать независимо от времени года (отсюда два урожая в год или три в 14 месяцев), причем сроки посева и сбора могут меняться, скользить по месяцам года. Это открывает широкие перспективы комплексного развития сельскохозяйственного производства — позволяет равномерно в течение года использовать воду для полива, сельскохозяйственную технику на полевых работах и оптимально занимать рабочую силу на посеве и сборе урожая.

Главной ареной «зеленой революции» во второй по-

ловине 60-х годов стала Азия. Она настолько «вырвалась вперед» в развитии «зеленой революции», что эту последнюю в каком-то определенном, узком смысле можно считать процессом по преимуществу азиатским. В Африке и Латинской Америке технологический сдвиг пока еще не получил широкого распространения. В Африке лишь Кения и Берег Слоновой Кости, в Латинской Америке Мексика, а ныне в определенной степени Перу и Колумбия используют высокоурожайные сорта. Относительно широкое распространение новых, высокоурожайных сортов пшеницы и риса привело в Азии к заметному росту производства продовольствия. Производство пшеницы в 1969 г. превзошло среднее производство по Южной и Юго-Восточной Азии за 1960—1964 гг. на 30%, а риса в том же году на 18% по сравнению со средней цифрой за 1963—1967 гг. [10, 698].

Большую роль в «экспансии» «зеленой революции» в Южной Азии сыграла Индия. К 1964—1965 гг. индийские селекционеры с помощью американских специалистов проделали большую работу по приспособлению мексиканских сортов пшеницы к условиям Индии, а в 1965 г. на основе филиппинских сортов риса ими были получены разновидности этой культуры, наиболее соответствующие индийским условиям. Эти сорта зерновых получили широкое распространение в Индии и Пакистане.

Развитие технологического сдвига вширь в настоящее время ограничивается пределами орошаемых земель, которые, например, в Южной и Юго-Восточной Азии составляют (1966 г.) лишь 19,4% всех обрабатываемых земель [4, 66]. Это объясняется тем, что и мексиканская пшеница и филиппинский рис с наибольшим эффектом (пшеница — два урожая, рис — три урожая в год) в современных агротехнических условиях могут производиться лишь на орошаемых землях. В Индии, например, по мнению американского ученого Ральфа У. Каммингса-младшего, только 80—90 млн. акров земли (1 акр = 0,4047 га) могут считаться пригодными для использования под посевы новых сортов зерновых [9, 3]. Эти площади могут быть удвоены в результате оросительных и дренажных работ. «Зеленая революция» уже привела к некоторому ускорению роста орошаемых площадей. В частности, в течение 60-х годов орошаемые площади

в Индии выросли на 10 млн. га — с 28 млн. га в 1960—1961 гг. до 38 млн. га в 1971—1972 гг. [16, 67].

Орошенные земли в Индии не полностью заняты высокоурожайными сортами пшеницы и риса. К началу 80-х годов предполагается их все занять такими сортами. Однако реальность этой задачи вызывает некоторые сомнения, сможет ли «зеленая революция» или организации, ее стимулирующие, изменить в такой степени структуру посевных площадей страны, чтобы отвести все орошаемые площади под зерновые. Во-первых, в пригодных зонах какую-то часть орошаемых площадей должны занимать высокоурожайные и высокодоходные овощные культуры, во-вторых, дальнейшее развитие самой «зеленой революции» приведет к созданию и распространению высокоурожайных сортов других сельскохозяйственных культур, в-третьих, нельзя забывать о социальных препятствиях распространению новых сортов; социальные ограничители становятся в определенной мере ограничителями географическими — концентрация новых сортов в определенных районах, «очаговость» развития «зеленой революции», в том числе и на орошаемых площадях.

Возможно, что речь идет лишь об орошаемых площадях, предназначенных для зерновых культур. Предполагается, что площади неорошаемых земель, занятые под зерновыми, либо сохранятся, либо несколько уменьшатся. При этом пшеница сохранит или даже увеличит свою роль в зерновом производстве. В настоящее время на нее приходится около 20% всей продукции зерновых.

«Зеленая революция» сделала более прибыльным делом создание оросительных сооружений в зерновом производстве. Это привело к росту использования (в первую очередь в Индии) небольших перфорационных оросительных установок, производимых зачастую полукустарными мастерскими близлежащих городов. В связи с новыми семенами и технологией земледелия сельскохозяйственные производители неожиданно для себя раскрыли огромные потенциальные возможности, таившиеся в зимнем, сухом, солнечном сезоне тропиков. В ряде мест в этот сезон урожайность (на орошаемых землях) даже больше (иногда на 50%), чем во влажное время года. Однако в настоящее время в Азии площади под новыми сортами, на которых можно снимать два уро-

жая риса или пшеницы, составляют всего около 10% посевных площадей под этими культурами [23, 26]. Возможности получения двух урожаев в год значительно возрастут в связи с увеличением орошаемых площадей. Особенно быстро, по мнению экспертов ФАО, будут в ближайшие годы возрастать орошаемые площади в странах Южной и Юго-Восточной Азии (табл. 3).

Таблица 3
Предполагаемое увеличение орошаемых площадей к 1985 г.*

Район	Орошаемые площади, млн. га		Доля орошаемых земель во всех обрабатываемых площадях, %	
	1962 г.	1985 г.	1962 г.	1985 г.
Африка к югу от Сахары	1,1	1,9	0,7	1,0
Южная и Юго-Восточная Азия	44,1	68,1	20,9	30,5
Латинская Америка . .	10,6	17,4	8,1	10,3
Ближний Восток и Северная Африка . .	16,6	20,1	23,9	25,6
Все развивающиеся страны	72,5	107,5	12,9	16,3

* [19, 23].

Новые сорта семян, новые методы оказали большое влияние как на технологию сельскохозяйственного производства, так и на его экономику. С одной стороны, введение высокоурожайных семян происходит главным образом в капиталистическом и мелкотоварном секторах сельского хозяйства, с другой — приводит к росту товарности охваченных хозяйств (даже если это влечет разорение многих мелкотоварных хозяйств) и товарности всего сельского хозяйства страны. Переход к двум урожаям заставил под воздействием стоимостных факторов по-новому изучить плодородие почв, их возможности и способы его восстановления. Рост товарности средних и порою даже мелких хозяйств привел к коренному изменению социальной психологии мелкотоварного произ-

водителя в сельском хозяйстве, переходящего от традиционного поклонения земле — земельного фетишизма, уживавшегося с ее недоиспользованием, к трезвому предпринимательскому подходу, рекомендуемому экспертами, к более интенсивному использованию почв.

Как показали исследования, в развивающихся странах требуется определенное время, в течение которого сельские хозяйства осваивают новую технологию для широкого распространения нововведения с момента его появления (так называемая степень подверженности или сопротивляемости сельского хозяйства). В Индии обследование двух деревень в штате Майсур показало, что средний промежуток времени между ознакомлением крестьянина с нововведением и внедрением его в производство составляет более семи лет, когда речь идет о новых высокоурожайных семенах, и более пяти лет, когда имеются в виду химические удобрения. При этом 69 из 270 крестьян вообще не перешли к использованию новых семян в течение 18 лет после первого случая их внедрения, а 140 крестьян не захотели или не смогли использовать минеральные удобрения за 14 лет, прошедших со времени их внедрения в передовых хозяйствах [22, 42—43]. Показатель подверженности новой технологии — очень емкий, поскольку он отражает воздействие на развитие производительных сил деревни ряда гетерогенных факторов, как природных (климатические условия, рельеф местности), так и экономических и социальных (цена рабочей силы, темпы роста сельского населения, размеры хозяйств, степень развития товарных отношений, удаленность от рынка сбыта, уровень индустриализации сельского хозяйства, цены на машины и оборудование и даже привычки и традиции населения данной местности).

Показатель подверженности новой технологии объясняет нам, почему даже в районах, обладающих орошаемыми землями и относительно развитым товарным хозяйством, требуется определенное время для перехода к новым сортам и новым методам производства. В то же время консерватизм среды в какой-то мере способствует сохранению известного равновесия между развитием сельскохозяйственного производства и смежных отраслей, так как позволяет смягчить те отрицательные последствия «зеленой революции» для переработки, хра-

нения и сбыта сельскохозяйственной продукции, которые будут рассмотрены ниже.

Согласно подсчетам ФАО, в ближайшие десятилетия будет продолжаться развитие «зеленой революции» вширь: если в 1968 г. около 5% всех площадей зерновых в развивающихся странах было занято «чудо-сортами» пшеницы и риса, то в 1985 г. этими сортами будет занято уже около 30% всех площадей зерновых в «третьем мире». В будущем, по-видимому, нельзя исключать дальнейшего поступательного развития «зеленой революции» (хотя пути технического прогресса в сельском хозяйстве могут оказаться неожиданными), которое может привести к созданию новых, высокопродуктивных сортов других сельскохозяйственных культур (в этом направлении действуют такие факторы, как сохраняющаяся нехватка ряда сельскохозяйственных культур и «цепная реакция» технологического сдвига). Уже сейчас селекционные центры, созданные в развивающихся странах в ходе «зеленой революции», ведут работы по созданию высокоурожайных сортов ряда других сельскохозяйственных культур. В частности, в Мексике и в Индии выведен новый высокопродуктивный сорт кукурузы, в Индии созданы новые разновидности сорго и проса.

После покрытия с помощью новых разновидностей зерновых дефицита в калориях, присущего диете населения большинства развивающихся стран, «зеленая революция», возможно, будет развиваться вглубь — в направлении выведения высокопитательных сортов сельскохозяйственных культур для покрытия недостатка в протеинах и аминокислотах, характерного для рациона населения стран «третьего мира». Однако этому процессу будет препятствовать ограниченность платежеспособного спроса, связанная с низкими абсолютными показателями национального дохода в большинстве развивающихся стран и (что особенно важно) с крайней неравномерностью его распределения, с низкими доходами большинства населения, которые и образуют основу платежеспособного спроса на продукты питания, в том числе на зерновые.

В настоящее время начаты работы по улучшению белкового содержания зерновых культур — пшеницы, кукурузы и риса. По мнению Нормана Борлауга, весьма перспективными в этом отношении являются близкие к

завершению работы над выведением тритикаля — гибрида пшеницы и риса, сочетающего высокую урожайность с насыщенностью питательными веществами. Ведутся также работы по созданию высокоурожайных сортов пшеницы и других сельскохозяйственных культур, пригодных для выращивания в условиях суходольного земледелия без использования орошения, необходимость применения которого при выращивании мексиканской пшеницы и филиппинского риса ставит предел расширению посевных площадей под этими культурами. Эти усилия научно-исследовательских станций и видных селекционеров, несомненно, имеют большое значение в деле развития новой технологии сельскохозяйственного производства, но реальные возможности внедрения создаваемых высокоурожайных сортов будут определяться в решающей степени экономическими и социально-экономическими факторами — платежеспособным спросом, порождаемым существующим распределением доходов, т. е. осуществлением или неосуществлением глубоких социально-экономических преобразований, индустриализацией и ходом экономического развития, степенью товарности сельских хозяйств или же перехода на рельсы некапиталистического хозяйствования.

С технологической точки зрения дальнейшее развитие «зеленой революции» может привести к распространению технологического сдвига на животноводство и к общему подъему технологического уровня сельского хозяйства. По мнению экспертов Организации экономического сотрудничества и развития, в животноводстве развивающихся стран наиболее важными являются три вида нововведений:

1. Выведение высокопродуктивных пород скота и птицы, дающих больше мяса, молока и яиц при одинаковых с местными породами затратах кормов.

2. Адаптация к условиям тропического климата высокопродуктивных пород скота из развитых стран.

3. Разработка способов получения большего количества фуража с тех же площадей, иначе говоря — «зеленая революция» в производстве кормов [14, 84].

«Зеленая революция» привела к росту механизации, использования удобрений в производстве зерновых культур. В дальнейшем возможно развитие этого процесса в зерновом хозяйстве и распространение на другие куль-

туры. В какой-то степени такое развитие происходит в настоящее время. В ходе работы по внедрению новых семян Норман Борлауг обратил внимание на то, что нередко сельскохозяйственные производители, освоившие новую технологию на производстве пшеницы, начинают использовать те же методы на производстве других культур. Это приводит к непрямому эффекту «зеленой революции» — росту технологического уровня и урожайности других сельскохозяйственных культур.

Общий механизм (логика развития) процесса повышения технологического уровня таков: одно нововведение, если оно действительно внедряется в жизнь, может повлечь за собой другое. Так, резкое увеличение применения удобрений делает затруднительным их равномерное распределение по всей обрабатываемой площади прежними методами; строительство и использование оросительных установок (резко возросшее в Индии и Пакистане в процессе «зеленой революции») требует так называемой малой механизации. Однако подобное развитие происходит в пределах, определяемых социально-экономическими факторами: каждое хозяйство имеет возможность использовать лишь тот максимум технологических нововведений, который позволяет ему абсолютный размер его доходов и рентабельность новых технических средств при данных размерах хозяйства. «Зеленая революция» создает условия для более быстрого технологического развития крупных хозяйств, что делает их более конкурентоспособными. Таким образом, технологический сдвиг, происходящий в условиях капитализма, несет в себе угрозу разорения для тех мелко-товарных хозяйств, которые сегодня получают от него ощутимые выгоды.

В настоящее время «зеленая революция» там, где она действительно получила существенное развитие, изменила сложившиеся в сельском хозяйстве внутриотраслевые пропорции. Нарушилось соотношение ряда отраслей, например производства пищевых и кормовых культур, продовольственных и экспортных, и распределение производственных ресурсов между ними. Так, в Мексике при росте производства пшеницы наблюдалась стагнация производства кукурузы, вызванная тем, что теперь часть пшеницы (она стала дешевле и ее больше!) направлялась на корм скоту; место кукурузы в рационе

крестьянских семей заняла пшеница и т. д. Это порождает кризис роста в определенных отраслях, который может быть преодолен по-настоящему лишь посредством распространения «зеленой революции» на все основные сельскохозяйственные культуры и животноводство.

Однако исторически сложившиеся во многих развивающихся странах социально-экономические условия (различия в платежеспособном спросе на разные сельскохозяйственные товары, общая ограниченность ресурсов, в том числе в руках государства, наличие натурального уклада, тормозящего развитие внутреннего рынка, ограниченность площадей, пригодных для орошения, и др.) могут привести к сохранению образовавшейся в ходе «зеленой революции» диспропорциональности, которая, в свою очередь, отрицательно скажется на развитии самой «зеленой революции», или к замене существующей диспропорциональности, новой, быть может еще более резкой. По-видимому, далеко не во всех странах «зеленой революции» удастся преодолеть те социально-экономические преграды на ее пути, которые созданы всем предшествующим развитием этих стран. Именно этим объясняется тот факт, что «зеленая революция» охватила пока лишь ограниченное число развивающихся стран.

Отмеченное выше повышение технологического уровня относится также к процессу механизации, несмотря на то что последний наталкивается на значительно большие социальные препятствия, чем другие технологические нововведения. К ранее существовавшим факторам, способствовавшим механизации, таким как экономическая рентабельность использования тракторов в ряде мест (например, во многих странах Латинской Америки), «социальная рентабельность» — стремление хозяев к замене бригады низкооплачиваемых голодных и недовольных сельскохозяйственных рабочих ручного труда одним-двумя высокооплачиваемыми квалифицированными механизаторами, «зеленая революция» добавляет новые стимулы. Важнейшим из них является объективная необходимость строгого соблюдения агротехнических норм и сроков посева, обработки и сбора урожая, что достигается значительно легче на основе использования машин, чем ручного труда. Парадоксально, что, например, в Индии и в ряде других

стран при общем избытке рабочей силы в деревне механизация растет в связи с нехваткой рабочей силы в периоды посева и сбора урожая. Наиболее ярко этот процесс проявляется в Пенджабе, где в апреле — мае ощущается большая нехватка рабочей силы.

Эти факторы будут способствовать в ближайшие десятилетия росту технологического уровня сельского хозяйства Азии, Африки и Латинской Америки. По мнению экспертов ФАО, технологическое развитие сельского хозяйства стран «третьего мира» будет характеризоваться следующими показателями (табл. 4). Как можно видеть, оно и впредь будет происходить неравномерно по регионам.

Таблица 4
Некоторые показатели роста технологического уровня сельского хозяйства развивающихся стран в ближайшем будущем*

Район	Степень интенсивности использования обрабатываемых площадей, %		Потребление удобрений на 1 га посевных площадей, кг на га, действующее вещество		Число тракторов, применяемых на 1 тыс. га посевных площадей	
	1962 г.	1985 г.	1962 г.	1985 г.	1962 г.	1985 г.
Африка к югу от Сахары	42	52	0,8	6,7	0,3	0,6
Азия	100	121	6,0	79,5	0,4	4,1
Латинская Америка	54	60	11,6	64,2	5,0	8,0
Ближний Восток . .	51	59	11,9	55,4	1,2	3,4
Северо-Западная Африка	67	81	9,2	42,2	2,8	4,2

* [18, 17].

Несмотря на рост технической оснащенности, сельское хозяйство стран, охваченных «зеленой революцией», в технологическом отношении еще сильно отстает от сельского хозяйства развитых капиталистических стран. Во-первых, приблизившись к развитым странам по уровню урожайности зерновых культур (при многократном превосходстве первых в количестве сельскохозяйственных земель на душу сельского населения), сельское хозяй-

ство развивающихся стран еще во многом уступает развитым странам по урожайности других сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства; во-вторых, сами проблемы, стоящие перед сельским хозяйством стран «третьего мира», качественно иные, нежели те, которые решает эта отрасль общественного производства в развитых странах. В странах «третьего мира» речь идет о такой интенсификации производства, которая направлена на борьбу против абсолютной нехватки продовольствия (т. е. нехватки при существующем низком платежеспособном спросе), тогда как в развитых странах главная проблема сельского хозяйства — проблема сбыта (при достигнутом обеспечении высокого платежеспособного спроса), здесь основное направление развития производства — рост производительности труда для удешевления продукции, а тем самым для увеличения сбыта, иначе говоря, речь идет о борьбе против «перепроизводства» сельскохозяйственной продукции.

«Зеленая революция» в первом приближении близка к решению проблемы самообеспечения зерном наиболее населенных и наиболее страдавших от его нехватки развивающихся стран, таких, как Индия, Пакистан, Филиппины, однако она достигает этого, во-первых, при общем относительно низком потреблении продовольствия (по калорийности), которое определяется низким платежеспособным спросом населения, во-вторых, при продолжающейся нехватке протеинов (особенно животных), при растительной по преимуществу диете, т. е. при низком общем потреблении зерна на душу населения. Это значит, что зерно идет на приготовление пищи непосредственно, а не в виде мяса, получаемого в результате использования зерна на корм скоту.

Нельзя переоценивать и воздействия «зеленой революции» на сельскохозяйственное производство развивающихся стран, взятых в целом. Так, например, в 1970 г. производство продовольствия в развивающихся странах возросло, за исключением стран Юго-Восточной Азии, в той же пропорции, что и население. «1970 год в этом отношении не был исключительным, — отмечал генеральный директор ФАО А. Х. Боэрма. — В течение всего десятилетия, начиная с 1960 г., движение уровня производства продовольствия на душу населения не показывало заметного увеличения в некоторых из развиваю-

щихся регионов, а в настоящее время обнаружило падение кое-где в Африке» [11, 10]. Неурожаи в Индии в 1971—1972 гг. показали с достаточной очевидностью, что зерновую проблему в этой стране еще рано считать полностью решенной даже при существующем относительно невысоком уровне потребления зерна.

Рост товарности сельского хозяйства в результате технологического сдвига открывает дорогу дальнейшему развитию «зеленой революции». Однако этот процесс в современных условиях имеет своим пределом так называемый барьер слаборазвитости, выступающий в данном случае в виде узости внутреннего рынка продовольствия, порожденной ограниченностью платежеспособного спроса населения. На него обречена натолкнуться «зеленая революция» сразу же после того, как будет покрыт все еще существующий в ряде развивающихся стран дефицит продовольствия и выявится резерв увеличения потребления мексиканской пшеницы и филиппинского риса, порожденный снижением цен на эти культуры.

Этот барьер, как уже отмечалось, прежде всего социально-экономический. Исторически сложившееся в большинстве развивающихся стран имущественное неравенство, низкая цена рабочей силы, вызванная безработицей, огромным относительным перенаселением, нищета широких масс населения, выражающая отсталость производительных сил и производственных отношений ставят предел внутреннему росту спроса на продовольствие: богатые, составляющие меньшинство населения, не могут потреблять больше определенного максимума, а бедные, образующие основную массу населения, не обладают достаточными средствами, чтобы нормально питаться.

До сих пор на земном шаре около 1 млрд. человек постоянно недоедает [19, 29]. Почти треть всех глав семейств в странах Азии, Африки и Латинской Америки не занята в производстве и не может содержать свои семьи [20, 14.IX.1971]. Получается, что на одном полюсе — голод и недоедание, а на другом — относительное перепроизводство продовольствия, которое не находит покупателя. Это глубокое противоречие может быть разрешено только путем радикальных социально-экономических преобразований и последующего ускорения

экономического развития. Большинство населения развивающихся стран предъявляет крайне низкий платежеспособный спрос на продукты питания. А замедленный рост спроса служит тормозом развития сельскохозяйственного производства.

Рост производства пшеницы и риса, производимых на основе относительно высокой агротехники, при снижающихся издержках производства, приводит в силу ограниченности платежеспособного спроса к стагнации или даже падению производства других продовольственных культур. Это явление оказывает порой отрицательное влияние на пищевой рацион развивающихся стран. Так, в Индии увеличение производства пшеницы и риса привело к некоторому снижению производства бобовых и к уменьшению их потребления; это означало качественное ухудшение диеты населения в связи с тем, что бобовые содержат ряд ценных питательных веществ, которых нет в пшенице или в рисе.

Изменяя структуру производства продовольствия, «зеленая революция» оказывает определенное воздействие и на структуру его потребления, поскольку на рынке появились в больших количествах и по более низким ценам новые сорта пшеницы и риса. Но процесс изменения структуры потребления отстает от изменения в структуре производства. На этом этапе развития системы производство — потребление в действие вступили факторы, которые лишь в конечном счете поддаются экономическим расчетам и воздействию экономических рычагов. Речь идет об устоявшихся, многовековых привычках и традициях, в самой высокой степени присущих потреблению продовольствия в развивающихся странах. Как ни парадоксально это звучит, именно в странах, страдающих от голода и недоедания, введение в рацион новых, дешевых пищевых продуктов наталкивается на большое сопротивление — результат длительного экономического, политического и религиозного застоя. Как оказалось, новые сорта пшеницы и риса по своим вкусовым и питательным качествам отличаются (и не в лучшую сторону) от привычных для населения, традиционных сортов.

Мексиканская пшеница обладает непривычным для жителей Индии и Пакистана красноватым цветом, в то время как традиционные для этих стран сорта имеют

янтарный цвет. Филиппинский рис обладает привкусом мела и легко разваривается, слипается, что усложняет процесс еды, поскольку в ряде азиатских стран едят палочками. Спрос и цены на новые сорта в результате этого ниже, чем на традиционные. Так, на Филиппинах цена на «чудо-рис» на 30% ниже, чем на традиционные сорта; в Пакистане оптовики и мельники вообще отказываются покупать рис ИР—8 из-за его низких вкусовых качеств и из-за того, что он сильно разрушается при помоле. В Турции мексиканская пшеница стоит на 10% дешевле местных сортов [8, стр. 93]. Для того чтобы новые сорта завоевали рынок, необходимо улучшить их вкусовые и питательные качества. В настоящее время уже предпринимаются усилия для повышения содержания протеина в пшенице с 7 до 12%.

Созданные в Мексике высокоурожайные сорта пшеницы обладают большой сопротивляемостью по отношению к болезням растений; однако перенесенные в новые для них экологические условия Азии, они оказались подвержены местным заболеваниям, что снижает их эффективность. Ныне в Индии и Пакистане ведутся работы по созданию на основе мексиканских сортов собственных высокопродуктивных разновидностей, устойчивых против местных болезней. То же самое относится к филиппинскому рису.

Развитие «зеленой революции» натолкнулось на ряд трудностей, которые нередко называют проблемами «второго поколения» (Фалькон и др.). Это — проблемы хранения, транспортировки и сбыта произведенного зерна. Проблемы «второго поколения» достигли большой остроты в тех развивающихся странах, где «зеленая революция» получила наибольший размах. В этих проблемах нашла свое яркое выражение экономическая отсталость названных стран. Если концентрация усилий правительств и погоня частных предпринимателей за высокой прибылью позволили в относительно короткие сроки обеспечить сельскохозяйственное производство достаточными капиталовложениями (по масштабам этих стран), то смежные отрасли — хранение, транспортировка, переработка — оказались «узким местом». Решение этих проблем требует огромных дополнительных капиталовложений, которых в развивающихся странах все еще недостаточно именно в силу их отсталости. Поэтому

му наибольшим вкладом в решение этих проблем, так же как и проблем общеэкономического развития, является индустриализация, учитывающая конкретные условия стран «третьего мира». Только всемерное развитие промышленного производства, увеличение экономического потенциала позволят найти соответствующие нашему времени пути и формы решения проблем «второго поколения». Однако насущный характер этих проблем требует их немедленного решения при тех силах и средствах, которыми располагают развивающиеся страны. В частности, сельскохозяйственные производители в связи с нехваткой денежных средств у государства и недостаточным притоком частного капитала в строительство хранилищ и перерабатывающих предприятий прибегают к созданию кооперативов по хранению и переработке сельскохозяйственной продукции.

Проблемы «второго поколения» в широком смысле включают в себя вопрос сбыта произведенной продукции. По мере развития «зеленой революции» сбыт приобретает все большее значение. «Зеленая революция» при ограниченности платежеспособного спроса охваченных ею стран приводит к резкому изменению их положения на международном рынке продовольствия. Если раньше они испытывали потребность в импорте продовольствия, то в не столь отдаленном будущем они могут испытать потребность в его экспорте, прежде всего в экспорте зерновых. До «зеленой революции» в ряде развивающихся стран, где продовольственная проблема стояла крайне остро, в первую очередь в Индии, сложилась ситуация, с каждым годом ухудшавшая положение сельского хозяйства этих стран, а вместе с ним и всей экономики: возростающая иностранная (главным образом американская) продовольственная помощь способствовала подрыву внутреннего производства зерновых культур, что приводило к новому росту иностранной продовольственной помощи. «Зеленая революция», способствовавшая закату американской продовольственной помощи, стала началом ее конца. Американская продовольственная помощь служила и служит тормозом развитию «зеленой революции», поскольку ее наличие снижает стимулы для внутреннего производства зерна и продовольствия вообще. Эта помощь означает выбрасывание большого количества дешевого зерна на внутрен-

ний рынок ряда развивающихся стран, в то же время последние не могут использовать средства такой помощи для импорта удобрений, тракторов и других машин в связи с тем, что она предоставляется исключительно в натуральной форме. Иначе и не может быть, ибо в конечном счете она для Соединенных Штатов служит средством сбыта американских залежалых, нереализованных запасов продовольствия. Вот почему ряд развивающихся стран стремится как можно скорее избавиться от продовольственной помощи, опираясь на достижения «зеленой революции». В частности, Пакистан заявил о своем намерении отказаться в ближайшие годы от американской помощи. Индия отказалась от помощи после того, как в период индо-пакистанского конфликта в декабре 1971 г. США приостановили ее предоставление. Однако в настоящее время в Индии из-за двух неурожаяев страховые запасы зерна почти полностью исчерпаны.

Снижение объема американской продовольственной помощи, связанное с развитием «зеленой революции», привело к сокращению в США посевных площадей под зерновыми. Площади, занятые пшеницей, по сравнению с 1967 г. уменьшились в 1968 г. на 13%, в 1969 г. — еще на 12 и в 1970 г. — опять на 12%. Посевные площади под рисом сократились в 1969 г. на 10% [8, 172]. (Сдвиг в производстве риса начался позднее.)

«Зеленая революция» ухудшила положение таких развивающихся стран, как Бирма и Таиланд, являющихся экспортерами риса. Этим странам значительно труднее нейтрализовать отрицательные последствия сокращения их экспорта в связи с зерновой специализацией его (и экономики вообще) и нехваткой ресурсов для диверсификации сельскохозяйственного производства.

Увеличение производства зерновых в развивающихся странах при узости внутреннего рынка в ближайшие годы может привести к обострению проблемы их сбыта на мировых рынках. Согласно подсчетам американского департамента сельского хозяйства, производство пшеницы в Азии увеличится с 69 млн. т в 1970 г. до 98 млн. т в 1980 г. (Ожидается, правда, рост внутреннего потреб-

ления, но отстающий от роста производства.)¹ При этом импорт могут увеличить лишь некоторые страны Африки, Латинской Америки и Япония. Остальные, и в первую очередь азиатские страны, прекратят импорт или превратятся в чистых экспортеров пшеницы [21, 18.V.1971]. Дальнейшее развитие «зеленой революции», приведя к усилению конкурентной борьбы на мировом рынке зерна, в возрастающей степени будет определяться реакцией развитых стран — экспортеров зерна на рост экспорта пшеницы со стороны стран «третьего мира». Сопrotивление развитых стран — экспортеров зерна с их высокой конкурентоспособностью увеличению экспорта развивающимися странами может стать одним из наиболее серьезных препятствий развитию технологического сдвига в странах «третьего мира».

В ряде стран «зеленая революция» — особенно это относится к экономически наименее развитым странам — может не только не улучшить, но даже ухудшить валютно-финансовое положение страны, так как для ее поддержания и углубления требуется ввозить все больше удобрений и сельскохозяйственных машин, а эти страны не смогут сбывать зерно на внешнем рынке, поскольку не находится покупателей на перенасыщенном зерном мировом рынке на «чудо-пшеницу» и «чудо-рис».

Ситуация на мировом рынке зерна такова², что главным потребителем прироста производства в развивающихся странах должен стать внутренний рынок, который, если учесть низкое общее потребление зерна в этих странах, обладает большими потенциальными резервами. Но для расширения внутреннего рынка необходимо преодоление «барьера слаборазвитости», о котором говорилось выше. Этот барьер, препятствующий

¹ Существуют и другие прогнозы, по которым увеличение потребления будет обгонять рост производства. Согласно одному из них к 1980 г. спрос превзойдет производство пшеницы на 18,4 млн. т. Таким образом, развивающиеся страны, которые будут иметь избыток пшеницы, смогут продать его тем странам, в которых будет ощущаться нехватка зерна. А дефицит пшеницы в развивающихся странах в целом должны будут покрыть развитые страны. Таков подсчет сотрудника Института мировой экономики в Киле (ФРГ) Р. Банерджи [15, 22].

² В настоящее время в связи с неурожаем в Индии и Западной Африке, а также с некоторым снижением урожая риса на Филиппинах из-за вирусных заболеваний спрос на зерновые на мировом рынке значительно увеличился.

росту внутреннего платежеспособного спроса, может быть устранен лишь на путях глубоких социальных преобразований, которые перераспределят национальный доход в обществе и значительно увеличат платежеспособный спрос масс. Такие преобразования, в первую очередь глубокая аграрная реформа и национализация важнейших отраслей промышленности, открывают возможность индустриализации и общего ускорения экономического развития при значительно более быстром росте доходов и уровня жизни большинства населения, чем в условиях эволюционного развития. Радикальные преобразования даже при капитализме создают твердую основу для «зеленой революции», ибо растет платежеспособный спрос населения, способствующий также промышленному развитию.

Индустриализация в условиях замедленного капиталистического развития упирается в ограниченность платежеспособного спроса на промышленные товары, порожденную в конечном счете теми же факторами, что и узость внутреннего рынка продовольственных товаров. В этих условиях возможен экономический рост, который будет распространяться лишь на современный сектор хозяйства, в первую очередь на промышленность и капиталистические и частично мелкотоварные хозяйства деревни, охваченные «зеленой революцией», а также на привилегированные классы традиционного общества, уровень потребностей которых будет приближаться к уровню потребностей состоятельных классов развитых капиталистических стран и определять развитие сектора услуг и отраслей, производящих предметы роскоши. При таком развитии большинство или часть сельского населения, связанного с ведением потребительского хозяйства, и значительная часть населения города (люмпен-пролетариат и лица, занятые в сфере мелких личных услуг) практически исключены из современного общества и образуют значительную часть населения, которая является инородным телом в современной экономике. Наличие этого сектора препятствует росту заработной платы в современном секторе, и в результате замедляет механизацию, особенно в сельском хозяйстве, на долгие годы сохраняет нищету и неграмотность. В некоторых странах товарное производство крайне ограничено. Европейские бизнесмены говорят, например,

что экономический потенциал Боливии (объем товарного производства и рынка) равен потенциалу среднего европейского города.

Многие западные ученые видят выход из тупика слаборазвитости в сокращении роста населения, что должно увеличить подушевой доход. Однако сокращение роста населения само по себе ни в коей мере не способствует росту национального продукта, оно лишь уменьшает знаменатель в показателе национального дохода на душу населения. А дело в том, что он распределен неравномерно. Снижение численности населения может лишь уменьшить число голодных, но не приводит к ликвидации голода.

Недоедание рождает свой порочный круг в условиях отсталости, свою проблему, которую нельзя решить иначе, чем выйдя за пределы существующей в недрах слаборазвитой экономики социально-экономической триады производство — доход — потребление или радикально изменив само это соотношение путем перераспределения богатства и дохода в обществе. Отсталость производительных сил и социального строя во многих развивающихся странах не позволяет разорвать эту цепь воспроизводства голода.

Подлинное решение проблемы, как уже отмечалось, состоит в глубокой социальной перестройке, в изменении социального строя, в проведении радикальных структурных преобразований, в первую очередь глубокой аграрной реформы, которая независимо от дальнейшего социально-политического развития соединила бы огромное число незанятых или неполностью занятых рабочих рук с землей и привела бы к резкому увеличению потребления продовольствия в деревне и к росту внутреннего рынка промышленных товаров не только широкого потребления, но в первую очередь производственного назначения (в связи с ростом доходов прежде всего крестьянства).

Проведение глубокой аграрной реформы в этом смысле можно считать условием широкого и быстрого распространения «зеленой революции» на новой социальной основе. Радикальная аграрная реформа, выкорчевывая отсталые производственные отношения, создает благоприятный климат для развития технологического сдвига. Характерным примером служит его развитие в Мексике,

где на основе проведения относительно радикальной аграрной реформы было достигнуто значительное повышение сельскохозяйственного производства. При этом в Мексике, несмотря на социально-экономические преобразования, или, вернее, в силу буржуазного характера этих преобразований наряду с современным сектором экономики все еще сохраняется полунатуральное «болото», крайне медленно «рассасываемое» в ходе капиталистического развития страны; это относится в первую очередь к эхидатариям, которые лишены права продавать или закладывать используемый ими участок. Искусственная иммобилизация земли поддерживается правительством, которое стремится таким образом сохранить результаты аграрной реформы.

Наиболее успешной является «зеленая революция», происходящая на основе значительных аграрных преобразований и идущая параллельно с процессом индустриализации. Однако технологический сдвиг в сельском хозяйстве сам по себе несет определенный заряд энергии, способствующий приведению в движение «спирали экономического роста». «Зеленая революция» стимулирует рост внутреннего рынка и, следовательно, процесс индустриализации. Она даже увеличивает приток денежных средств из деревни в город. Ральф У. Каммингс, советник Гарвардской группы консультантов в Индонезии, отмечал, что в Индии «зеленая революция», увеличивающая мобилизацию средств для капиталовложений в сельское хозяйство, происходит при изымании или, лучше сказать, при переливании денежных средств из деревни в город, из сельского хозяйства в несельскохозяйственные секторы экономики, что способствует общему ускоренному экономическому росту [9, 3]. В то же время из города происходит перемещение средств в деревню через посредство государства, которое экономически стимулирует внедрение новой технологии в сельскохозяйственное производство.

Способствуя росту доходов сельскохозяйственных производителей, использующих новые сорта, технологический сдвиг повышает спрос на промышленные товары. Это особенно относится к товарам производственного назначения. Например, сделав в высшей степени рентабельным орошение богарных земель, «зеленая революция» резко увеличивает спрос на оросительные установ-

ки, а также на удобрения, машины, ядохимикаты. Это приводит к определенному расширению промышленного производства. В то же время рост производства не всегда успевает за ростом спроса, что приводит к росту цен и, в свою очередь, затрудняет переход к новой технологии мелкотоварных хозяйств, сужая в еще большей степени возможные пределы распространения технологического сдвига.

Технологический переворот не может не привести к ряду существенных изменений в аграрном строе развивающихся стран. Сегодня для развивающихся стран характерна отсталая, архаичная аграрная структура, характеризующаяся (в ряде районов Азии и Африки) причудливым сочетанием докапиталистических и капиталистических (а в некоторых местах уже и некапиталистических) черт и укладов. Даже в наиболее развитых районах «третьего мира» — в Латинской Америке и на Ближнем Востоке — все еще широко распространены полуфеодалские отношения и пережитки.

Для большинства стран трех континентов характерна весьма резкая поляризация в распределении земельной собственности — главного средства производства в сельском хозяйстве развивающихся стран: обширные площади земли концентрируются в руках помещиков и сельских богачей, а широкие массы крестьянства либо владеют мелкими участками, либо совсем лишены земли.

Рост сельскохозяйственного производства в результате распространения «зеленой революции» приходится исключительно на капиталистические хозяйства. Выборочная анкета, проведенная в ряде районов наибольших агротехнических преобразований в Индии, показала, что средний размер хозяйств, участвующих в производстве новых сортов, превосходит средний размер хозяйств, не участвующих в нем. На основе анкеты индийские специалисты пришли к выводу, что «размер землевладения является важным фактором, определяющим участие фермеров в программе по распространению высокоурожайных семян» [17, 54].

В условиях, когда многие сельские хозяйства слабо реагировали на рост платежеспособного спроса, повышение технологического уровня производства и рост урожайности позволили некоторому числу наиболее

крупных хозяйств резко увеличить производство. Этому способствовали высокие цены на продовольствие, порожденные растущим спросом и часто гарантированные государством. Установленные государством относительно высокие закупочные цены, например, в Индии позволили части сельской буржуазии накопить деньги для приобретения новых сортов семян, машин и удобрений, что послужило экономической основой технологического сдвига. Несмотря на увеличившиеся общие издержки производства, рост объема продукции в хозяйствах, охваченных «зеленой революцией», привел к значительному возрастанию их доходов, что создает возможность дальнейшего совершенствования в них технологии производства.

В связи с «зеленой революцией» было бы наивно ожидать наступления в деревне развивающихся стран «эры процветания», «благодатных времен» или думать, что она может стать панацеей от экономических недугов или социальных зол. Напротив, в условиях капитализма этот сдвиг, так же как и любые нововведения в экономике, сопровождается обострением социальных противоречий. «Ни одного улучшения в крестьянском хозяйстве не может быть, которое бы не усиливало эксплуатацию наемного труда улучшающимися хозяйствами», — указывал В. И. Ленин [1, 329].

«Зеленая революция» стала могучим рычагом усиления имущественного и социального неравенства в деревне развивающихся стран. Увеличив объем урожая в два-три раза, «зеленая революция» повысила прибыли сельскохозяйственных производителей, охваченных ею, в три-четыре раза, сразу же создав пропасть между теми в деревне, кто воспринял новые семена и технологию, и теми, кто продолжает оставаться в лоне традиционных культур и методов производства. Механизация обходится значительно дешевле и более выгодна крупным производителям. Так, например, в Индии затраты на орошение для тех сельскохозяйственных производителей, которые могут использовать более мощный электрический двигатель, на треть ниже, чем для тех, кто использует дизельный двигатель. Мелкому производителю значительно труднее получать льготный кредит из государственных или кооперативных источников. Индийские исследователи этого вопроса, иногда сами того

не желая, вынуждены признавать, подобно С. Мутхия, что «крупные и средние сельскохозяйственные производители получили большие выгоды от кредитного содействия и льгот, предоставленных кредитными кооперативами, чем мелкие. Верно и то, что арендаторы продолжают сталкиваться со многими трудностями и препятствиями в получении краткосрочного кредита и что долгосрочный кредит на цели капитального строительства (такие, как строительство водохранилищ, приобретение оросительного оборудования и т. д.) не является легкодоступным для мелких сельскохозяйственных производителей, как арендаторов, так и собственников, в соответствующих количествах и в приемлемое время» [17, 62].

«Зеленая революция» в перспективе влечет за собой снижение внутренних цен на пшеницу и рис высокоурожайных сортов. В Мексике, где технологический сдвиг начался раньше, цены на пшеницу снижались с 1940 до 1962 г. примерно на 1% в год [7, 21]. Это привело к росту спроса на пшеницу, что в определенной степени компенсировало для фермеров потери от снижения цен. Сокращение цен на пшеницу и рис стало логическим результатом ликвидации нехватки продовольствия и постоянного увеличения доли пшеницы и риса, производимых в условиях новой технологии, и снижения затрат общественного труда на единицу продукции. Снижение цен, выплачиваемых производителям, отражает также борьбу за дележ дополнительной массы прибыли, порожденной технологическим сдвигом, стремление оптовых и розничных посредников, частных кредиторов, владельцев складов, магазинов и т. д. урвать для себя часть этой прибыли.

Рост производительности труда в ходе развития «зеленой революции», видимо, будет способствовать снижению цен на продовольствие, чему, однако, будет противостоять государственная политика гарантированных цен. В дальнейшем, когда новая технология производства распространится и продовольственная проблема потеряет остроту, возможно уменьшение государственной поддержки сельскохозяйственных производителей и снижение государственных гарантированных цен в связи с тем, что индустриализация остается важнейшей заботой развивающихся стран. Снижение закупочных цен

может привести к недовольству сельского населения, к новым столкновениям, к усилению давления на правительства с целью добиться сохранения (или установления) гарантированных цен.

Несмотря на падение цен, сельскохозяйственные производители, использующие новые сорта и новую технологию, получают возрастающие доходы в связи со снижением издержек производства на единицу продукции. Это в наибольшей степени относится к высокотоварным капиталистическим хозяйствам. Мелкое и среднее крестьянство чаще всего не в состоянии применять новые сорта из-за отсутствия орошаемых земель, недостатка средств на приобретение удобрений и машин или лишено возможности использовать эти сорта в оптимальных условиях, т. е. с применением машин и удобрений. Мелкие крестьянские хозяйства зачастую используют новые сорта на основе прежних, традиционных, рутинных систем агротехники, что само по себе уже ухудшает конкурентные возможности этих хозяйств и приводит к их разорению. «Зеленая революция» резко ускорила рост цен на землю (особенно ярко это проявилось в Индии, в частности в районе Пенджаба), а это, в свою очередь, привело к продаже земли некоторыми мелкими крестьянами; земля стала во все большей мере концентрироваться в руках крупных капиталистических производителей.

Распространение «зеленой революции» тесно связано с развитием товарно-денежных отношений в сельскохозяйственном производстве: с одной стороны, оно происходит на основе этих отношений, а с другой — прокладывает путь их дальнейшему развитию и упрочению. При товарном хозяйстве в отличие от натурального и особенно в связи с началом «зеленой революции» большую и все возрастающую роль начинает играть оптимальный размер хозяйства, при котором рентабельно (или максимально рентабельно) применение машин, оросительных сооружений и удобрений.

«Зеленая революция», как было отмечено выше, происходит легче и быстрее в странах и районах с более развитыми товарными отношениями, служащими основой и залогом ее распространения. «Зеленая революция» была вызвана к жизни реальными факторами, воздействие которых на производство в значительной степени

происходило через посредство стоимостных рычагов (рост цен на рис и пшеницу). Поэтому она в относительно меньшей степени затронула страны социалистической ориентации, где товарные отношения играют меньшую роль. Разумеется, сыграло роль и то, что исследования осуществлялись на американские деньги и под американским руководством; при этом Соединенные Штаты преследовали и определенные политические цели.

Укрепление позиций товарно-денежных отношений приводит к дальнейшему разложению натурального и полунатурального потребительского хозяйства, которое все еще широко распространено в развивающихся странах. На определенном этапе натуральное хозяйство становится значительным препятствием для дальнейшего распространения «зеленой революции» на новые территории, так как в таком хозяйстве не действует или действует слабо стоимостный фактор. Наличие натурального уклада в сельскохозяйственном производстве наряду с рядом других факторов (например, распространение «зеленой революции» на орошаемых площадях) определили «очаговый» характер распространения технологического сдвига. «Зеленая революция» ускоряет размытие натурального потребительского хозяйства, но в то же время сама она замедляет свой ход, наткнувшись на преграду в виде натурального уклада.

Подрыв натуральности крестьянских хозяйств, происходящий в связи с технологическим сдвигом в сельском хозяйстве, означает, что оно превращается из традиционной формы существования для больших масс сельского населения в отрасль современной экономики, хотя все еще далеко отступающую от промышленности по уровню технической оснащенности. Падение удельного веса натурального хозяйства увеличивает спрос на промышленные и сельскохозяйственные товары и одновременно предложение рабочих рук, вызываемое разорением мелких крестьянских хозяйств. Прогрессивный в целом процесс возрастания товарности сельского хозяйства в развивающихся странах особенно мучителен для крестьянства, в массе своей часто не имеющего возможности приспособиться к рыночному производству, разоряющегося и остающегося без средств к существованию из-за ограниченности спроса на рабочую силу.

«Зеленая революция» приводит к упрочению поло-

жения крупных, в значительной степени помещичьих по происхождению, хозяйств, открывая перед ними широкие возможности роста и превращения в большие высокоомеханизированные капиталистические экономии.

Объективно прогрессивная как средство и форма ускорения развития производительных сил «зеленая революция» в конкретных условиях ряда развивающихся стран в социальном плане выражает классовую позицию помещиков и сельской буржуазии против радикальной аграрной реформы, за второстепенные преобразования под знаменем совершенствования технологии сельскохозяйственного производства. Помещики и сельская буржуазия стремятся использовать «зеленую революцию» как средство решения аграрного вопроса по-помещичьи, на основе сохранения (при некотором ограничении) крупного, помещичьего землевладения и разорения и пролетаризации широких масс крестьянства. «Зеленая революция» преобразует сельское хозяйство ряда развивающихся стран; значительно усиливается воздействие на сельское хозяйство стоимостных факторов, но это нередко ухудшает положение основных масс крестьянства: очаги «зеленой революции» становятся очагами капиталистического сельского хозяйства, где всеобщий закон капиталистического накопления действует в условиях унаследованной от прошлого сильной поляризации в распределении земли, орудий труда и доходов. В результате помещичьи хозяйства выживают, превращаясь в крупные капиталистические хозяйства, а мелкое и в значительной степени среднее крестьянство разоряется и вытесняется из сельскохозяйственного производства. Таковы характерные черты социально-экономического развития «зеленой революции» в Индии, Пакистане и некоторых других странах Азии.

Следует отметить, что в Мексике «зеленая революция» сыграла несколько иную роль. Здесь внедрение новых сортов пшеницы, использование передовой технологии сельскохозяйственного производства основывались на фундаменте достижений относительно радикальной буржуазной аграрной реформы и технологический сдвиг охватил значительно более широкий сектор сельскохозяйственных производителей, чем, например, в Индии и Пакистане. Опорой и знаменосцем «зеленой революции» в Мексике стали не помещичьи хозяйства, а хозяйства

капиталистических предпринимателей и состоятельного крестьянства, так называемые «нейлоновые фермы».

На нынешнем этапе развития «зеленой революции» большая группа разоряющихся крестьян в значительной степени находит работу в крупных хозяйствах, поскольку интенсификация сельскохозяйственного производства пока, несмотря на рост использования машин, повышает спрос на рабочие руки. Однако в будущем неизбежно относительное сокращение спроса на рабочую силу в хозяйствах, внедряющих высокоурожайные сорта. Технологический сдвиг приводит к тому, что в связи с интенсификацией производства увеличивается количество труда, применяемого на единице площади, но снижается количество труда, идущее на производство единицы продукции. В настоящее время в Турции, Индии и Пакистане количество живого труда, затраченного на производство одной тонны зерна новых высокоурожайных сортов, примерно на 20% меньше, чем затрачиваемое на производство того же количества зерна традиционных сортов [7, 24]. Это свидетельствует о том, что уже сегодня технологический сдвиг несет в себе угрозу сокращения занятости в сельском хозяйстве, угрозу безработицы для сотен тысяч сельских тружеников.

В настоящее время в сельском хозяйстве развивающихся стран имеют место оба процесса: с одной стороны, увеличение применения рабочей силы в связи с более интенсивным использованием земли, в связи со сбором двух-трех урожаев, с другой — сокращение применения рабочей силы в связи с ростом производительности труда, вызванным механизацией. Сегодня оба процесса в определенной мере нейтрализуют друг друга, хотя первый пока преобладает. В будущем нельзя исключать того, что возобладает второй. Но существующее ныне подвижное равновесие этих процессов приводит к тому, что на поверхности влияние «зеленой революции» на проблему занятости не кажется слишком большим. Это влияние прежде всего находит свое выражение в движении заработной платы в деревне. В большинстве штатов Индии, например, страны, где «зеленая революция» получила наибольшее распространение, реальная заработная плата осталась почти без изменения, а иногда даже сократилась (табл. 5).

Отмеченное подвижное равновесие существует, не-

Таблица 5

Изменения в уровне заработной платы
в десяти штатах Индии с 1959—1960
по 1968—1969 гг.*

Штат	Индекс уровня заработной платы в 1968—1969 гг. (1959—1960=100)	Изменение реальной заработной платы, %: увеличение (+), уменьшение (—)
Пенджаб	213	+ 10
Махараштра	174	— 15
Майсур	199	+ 6
Западная Бенгалия	189	— 22
Гуджарат	158	— 1
Тамилнад (Мадрас)	219	+ 27
Керала	218	+ 26
Ассам	176	— 19
Андхра Прадеш	212	+ 32
Бихар	297	+ 19

* [23, 27].

смотря на уменьшение предложения рабочих рук для строительства оросительных сооружений в зимние месяцы, в связи с более равномерной занятостью в сельском хозяйстве, вызванной сбором двух урожаев. Усиление второй тенденции может привести в будущем к дальнейшему увеличению относительного перенаселения в деревне. Ускорение процесса механизации в развивающихся странах в условиях большого аграрного перенаселения, относительно медленного роста спроса на рабочие руки в городе и сохранения высоких темпов роста населения в будущем, возможно, обострит социальные противоречия в деревне.

В ряде стран Азии, с точки зрения правящих классов, стремящихся избежать резкого столкновения социальных противоречий, предпочтительнее малая механизация. В Индии, например, считают, что страна нуждается в постепенной, «сбалансированной» механизации в связи с продолжающимся ростом сельского населения. Однако реальная действительность нередко развивается вразрез с расчетами и пожеланиями политиков. Автоматизм развития капиталистической экономики при низкой

эффективности многих административных мер, важная роль стоимостных и вностоимостных (вспомним «социальную рентабельность» машин) факторов и преобладание крупных хозяйств в среде реципиентов новых семян и технологии приводят в ряде случаев к тому, что большая механизация обгоняет малую.

Рост числа хозяйств, выходящих из состояния застоя натуральной экономики, повышение товарности уже товарных хозяйств, усиление конкуренции в сельскохозяйственном производстве не оставляют в среде сельскохозяйственных производителей места для каких-либо других соображений и интересов в вопросе о механизации, кроме рентабельности, погони за прибылью. Альтернатива — ручной труд или механизация — решается бесспорно в пользу механизации, если последняя делает производство дешевле или сулит большую прибыль. Примером может служить развитие орошения в Индии, где все чаще используются механические и электрические системы орошения, вытесняющие ручной труд. Согласно подсчетам, в Индии орошение участка в 10 акров при помощи ручного труда стоит 495 рупий, при использовании нории («персидского колеса») на животной тяге орошение того же участка обходится в 345 рупий, применение дизельного двигателя снижает стоимость орошения этого участка до 60 рупий [8, 105]. Даже в том случае, если в подсчетах не учтена амортизация и, следовательно, разрыв будет меньшим, большая рентабельность механического орошения едва ли может вызвать сомнения. Это значит, что механизация будет прокладывать себе путь, несмотря на то что это приведет к снижению занятости в сельском хозяйстве. Попытки административным путем помешать росту механизации могут привести лишь к замедлению или деформации процесса «зеленой революции».

К моменту развертывания «зеленой революции» в деревне развивающихся стран существовало большое относительное перенаселение — неполностью занятые, сезонные рабочие, члены их семей, батраки с наделом, которых участок привязывал к месту жительства. Технологический сдвиг ускоряет процесс ухода представителей этих слоев из сельского хозяйства.

Рост прибыльности товарного производства в развивающихся странах под влиянием «зеленой революции»

имел своим результатом повышение арендной платы, что ухудшало условия, а иногда делало невозможным для крестьян-арендаторов ведение хозяйства на арендованной земле. Мелким арендаторам значительно труднее, чем владельцам земли или крупным капиталистическим арендаторам, переходить к новым семенам, так как они несут бремя высокой денежной или издольной арендной платы. Это задерживает развитие «зеленой революции» в районах, где преобладает мелкое, преимущественно потребительское арендаторское хозяйство. Крестьянская аренда затрудняет распространение «зеленой революции», и последняя стихийно создает механизм, устраняющий эту аренду, делая для крупных землевладельцев неизмеримо более прибыльным непосредственное ведение хозяйства и тем самым ускоряя сгон мелких арендаторов с земли. В Индии, в районах распространения «зеленой революции», резко возросло число крестьян, сгоняемых с земли помещиками и капиталистическими предпринимателями. Так, в штате Бихар только в 1969 г. рассматривалось более 40 тыс. дел о выселении издольщиков, в штате Майсур в том же году число подобных дел было в два раза больше [7, 44]. Этот процесс, по-видимому, будет развиваться и далее в связи с распространением технологического сдвига.

В ряде стран, где распространена аренда, место арендатора начинает занимать так называемый контрактант, который подражается за определенную плату или долю урожая вспахивать, засеивать или собирать урожай во владениях того или иного крупного земельного собственника. Среди этого социального слоя немало и мелких подрядчиков, владеющих в лучшем случае одним трактором (иногда арендованным), а подчас лишь буйволами и некоторым инвентарем. Они являются нередко, в сущности, наемными рабочими с собственными орудиями труда. Наряду с этим отдельные контрактанты владеют значительным числом сельскохозяйственных машин и являются, по существу, довольно крупными предпринимателями. В связи с тем что контрактант возникает там, где исчезает арендатор, в предстоящий период увеличение числа контрактантов будет идти одновременно со сгоном арендаторов с земли, с пролетаризацией арендаторских масс.

Сгон мелких арендаторов, несмотря на «защищающее» их законодательство, порожден технологическим сдвигом, происходящим в существующих ныне социальных формах, и в силу этого неизбежно будет продолжаться в той мере, в какой будет происходить реализация, внедрение в производство передовой технологии. Он будет иметь своим результатом неизбежное дальнейшее обострение социальных противоречий в деревне.

Проводимая на основе половинчатых аграрных преобразований (Индия, Пакистан, ряд стран Латинской Америки и Ближнего Востока) «зеленая революция» постепенно разрушает пережитки докапиталистических способов производства при сохранении экономического могущества феодалов и тем самым создает возможность капиталистической эволюции этих стран без радикальных изменений в аграрном строе. Однако сам процесс развития такой «зеленой революции» противоречив, замедлен, ограничен при всей прогрессивности его технико-экономического содержания и на определенном этапе приводит к огромному обострению социальных противоречий, свойственных капитализму вообще и капиталистической эволюции консервативного типа в частности (усиление пролетаризации крестьянства, сгон арендаторов, сельское население в «болоте» чувствует себя беднее на фоне процветания товарного сектора в деревне и т. д.).

Чем быстрее идет процесс механизации, тем острее социальные противоречия, тем выше напряжение в «котле» политической борьбы, тем сильнее борьба крестьянства за землю. «Зеленая революция» объективно усиливает потребность в преобразовании аграрного строя, в коренной аграрной реформе.

Технологический переворот обнажает все социальные противоречия, существовавшие ранее в сельском хозяйстве. Характерные черты технологического сдвига особенно ярко проявляются при сравнении с уровнем производительных сил на сходных этапах в развитых странах. В Европе это развитие происходило значительно более плавно, чем в странах «третьего мира». Особенности развития сельского хозяйства освободившихся стран в настоящее время и в еще большей мере в предстоящий период (это относится главным образом к «очагам» распространения «зеленой революции») состоит в

скачкообразном развитии производительных сил, созданных преимущественно в развитых странах, в непосредственном переходе от ручного труда или примитивной допотопной механизации к современной тракторной обработке. Это лишает занятости огромное количество рабочих рук. Считается, что рабочая сила человека равна $\frac{1}{10}$ лошадиной силы. Следовательно, теоретически один трактор мощностью в 50 л. с. может вытеснить 500 работников. Однако в действительности нередко вытесняется меньшее число работников в связи с тем, что в ряде крупных, средних и даже мелких хозяйств трактор заменяет не ручной труд, а труд, основанный на тягловой силе животных.

Воздействие растущей механизации на объем и характер используемой в производстве рабочей силы не однозначно. Механизация в Индии, как отмечают наблюдатели, привела к сокращению использования семейного труда и постоянно занятых рабочих. В то же время она не привела к уменьшению численности сезонных и временных рабочих. Напротив, в настоящее время из-за роста механизации увеличился спрос на временную рабочую силу в связи с увеличением интенсивности производства и выращиванием двух и более урожаев в год. В то же время возросла занятость на предприятиях и в мастерских, изготавливающих или ремонтирующих машины и оборудование для сельского хозяйства.

Сокращение занятости наряду с ускоренным ростом населения приводит к увеличению относительного перенаселения в деревне, которое выражается, в частности, в снижении показателя площади сельскохозяйственных земель на душу сельского населения. Этот объективный процесс, по-видимому, будет происходить и в обозримом будущем. В последней трети XX в. площадь сельскохозяйственных земель на душу сельского населения в развивающихся странах, по подсчетам, уменьшится в два раза.

Обострение социальных противоречий в деревне и усиление борьбы крестьянства за землю неизбежно приведет к «политизации» широких масс крестьянства и увеличению политической роли его в жизни развивающихся стран. Значение этого фактора особенно велико в связи с тем, что до сих пор крестьянство составляет

свыше половины всего населения в Азии и Африке и около половины в Латинской Америке.

Обострение классовых противоречий в развивающихся странах неразрывно связано с ускорением разложения крестьянства на класс сельской буржуазии и класс сельского пролетариата, с разорением большинства крестьянства, сегодня в значительной степени обусловленном «зеленой революцией», или, правильнее сказать, теми социальными формами, в которых эта революция происходит. Особенность данного процесса в странах, где сохраняется господство помещиков, состоит в том, что лишь крайне незначительному числу крестьян удастся «выбиться в люди», стать сельской буржуазией, которая в значительной мере формируется за счет помещиков, превращающихся в капиталистических предпринимателей. Крестьянство же в массе своей обречено на разорение и пролетаризацию. Этому способствует то обстоятельство, что в силу концентрации земли в руках помещиков крестьянство уже сегодня лишено земли или владеет карликовыми наделами. Классовая структура стран «третьего мира» характеризуется наличием широкого слоя полупролетариата, составляющего иногда большинство сельского населения. Этот слой пролетаризируется особенно быстро.

Разорение и пролетаризация крестьянства развивающихся стран приводят к возрастающему уходу разорившихся крестьян и сельскохозяйственных рабочих в города. Рост городского населения свидетельствует часто скорее о разорении, о пролетаризации крестьянства, о вытеснении избыточных рабочих рук из деревни, чем об индустриализации. В город уходит значительно большее число людей, чем это необходимо для работы на новых промышленных и других предприятиях города. Это значит, что около городов разрастаются кварталы нищеты — фавелы, что разбухает сфера услуг, в том числе мелкорозничная торговля и личные услуги, представляющие на деле лишь форму нищенства. Увеличивается слой городских пауперов.

Перемещение огромных масс сельского населения в города в условиях невозможности при существующем общественно-политическом строе обеспечить его занятостью приводит к обострению социальных противоречий в городах. По существу, происходит перенесение (в «до-

бавление» к уже имеющейся) социальной напряженности из деревни в город.

В странах социалистической ориентации проблема относительного перенаселения решается путем осуществления глубоких социально-экономических преобразований: аграрных реформ, создания государственных хозяйств и производственных кооперативов, национализации наиболее крупных промышленных предприятий и ускоренной индустриализации.

Обострение социальных противоречий в городе увеличивает возможность социальных взрывов и народных восстаний, примером чего могут служить революционные события в ряде латиноамериканских стран. В странах Азии и Африки революционные события разворачиваются в несколько иных формах. В связи с обострением классовой борьбы вероятность политических преобразований в Азии и Африке возрастает.

1. Ленин В. И., Крестьянство и наемный труд, — Полное собрание сочинений, т. 24.
2. Васильева Е. В., Штильман П. М., О новых сортах высокоурожайной короткостебельной пшеницы, — БИКИ, приложение № 6, 1971.
3. Оспинникова Л. В., Обратная сторона «зеленой революции», — «США: экономика, политика, идеология», № 12, 1970.
4. Растянников В., Проблемы сельскохозяйственного роста в развивающихся странах Азии, — «Мировая экономика и международные отношения», № 1, 1971.
5. Растянников В. Г., Аграрная эволюция в развивающихся странах Востока, — «Деревня современного Востока: основные пути эволюции» (Материалы к конференции в Институте востоковедения АН СССР, 3—4 мая 1973 г.), М., 1973.
6. Borlaug Norman E., No Time to Relax, — «Eastern Economist», 1971, № 19, 7/V.
7. Brown Lester R., The Social Impact of the Green Revolution, New York, 1971.
8. Brown Lester R., Seeds of Change, New York — Washington — London, 1970.
9. Cummings Ralph W., Long range agricultural adjustment analysis, — «Indian Journal of Agricultural Economics», January—March 1971, vol. XXVI, № 1, Bombay-1.
10. Falcon Walter P., The Green Revolution: Generations of Problems, — «American Journal of Agricultural Economics», December 1970, vol. 52, № 5.
11. «FAO Study Cites 2 — Percent Gain in World Food Output in 1970»; Far East Leads, — «Foreign Agriculture», 1971, № 36.
12. FAO. «Production Yearbook, 1971», Rome, 1972.

13. FAO. «Production Yearbook 1972», Rome, 1973.
14. «The Food Problem of Developing Countries», Organisation for Economic Cooperation and Development, Paris, 1968.
15. «The „Green Revolution“ and the Trade Prospects in Selected cereals for the Developing Countries», Kiel, 1971.
16. «Indian Economics. Year Book. 1972—73», Kitab Mahal, Allahabad, 1973.
17. Muthiah C., The Green Revolution-participation by small versus large farmers,— «Indian Journal of Agricultural Economics», January—March 1971, vol. XXVI, № 1, Bombay-1.
18. «Provisional Indicative World Plan for Agricultural Development», FAO, Rome, 1970.
19. Surplus and Shortage. The Paradox of World Food Supplies,— «Barclays Bank Review», May 1971, vol. 46, № 2.
20. «Times», 1971.
21. Wilson Barry, Is the World trying to grow too much Wheat? — «East African Standard».
22. M. Yudelman, G. Butler, R. Banerji, Technological Change in Agriculture and Employment in Developing Countries, Paris, 1971.
23. Zubeida Manzoor Ahmad, The Social and Economic Implications of the Green Revolution in Asia,— «International Labour Review», Geneva, 1972, vol. 105, № 1.

Ж. Д. Смиренская

«ЗЕЛЕНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» И ПРОБЛЕМА РАЗРУШЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ СВЯЗЕЙ

(на примере трех районов Индостана)

Исследование социальных последствий той специфической формы модернизации сельскохозяйственного производства, которая получила название «зеленой революции», имеет первостепенное значение для определения путей эволюции азиатских стран. Будучи детищем научно-технической революции, «зеленая революция» вторглась в наиболее консервативную сферу азиатских обществ — аграрную. От результатов этого «вторжения» зависит и будущее аграрной экономики этих стран и судьбы многомиллионных масс сельского населения.

Многочисленные исследования по «зеленой революции», опубликованные как советскими, так и зарубежными учеными, позволяют довольно четко определить линии социальных сдвигов, связанных с этим процессом: растущую имущественную дифференциацию, потерю частью мелкого крестьянства земли, наступление на арендаторов-издольщиков, разрушение традиционных связей, рост социальной напряженности и т. д. [13; 17; 6; 20; 25; 38; 47]. В целом объективность этих выводов несомненна. В то же время более детальное знакомство с конкретными проявлениями процесса «зеленой революции» в отдельных районах Азии показывает, что указанные выше закономерности могут специфически преломляться в зависимости от местных социальных условий и — что особенно важно — вести к далеко не единообразным социальным последствиям. Именно этот момент делает, на наш взгляд, полезным сравнение различных по уровню социально-экономического развития районов в процессе их «приобщения» к «зеленой рево-

люции». В данной статье сопоставляются два штата Индии — Пенджаб и Западная Бенгалия — и район Комиллы в Бангладеш. Все три района являются в той или иной степени типичными для Азии и сохраняли на рубеже 50—60-х годов — к периоду начала «зеленой революции» — многие черты традиционных структур.

При выборе двух районов Индии мы исходили из того обстоятельства, что накопленные в научной литературе материалы выявляют существенные различия в социально-экономическом развитии и в системе общественных связей в сельской местности Пенджаба и Западной Бенгалии на рубеже 50—60-х годов и, следовательно, наличие неодинаковых предпосылок для развертывания «зеленой революции» в этих двух штатах. Более того, новейшие исследования советских аграрников¹ позволяют говорить о двух существенно различающихся вариантах «модели» процесса сельскохозяйственного воспроизводства в рамках традиционных структур развивающихся стран, в частности в Индии: о варианте, более приближающемся к «нормальному» по типам товарных связей, по роли свободнорыночных отношений в земледелии (Пенджаб, некоторые районы Махараштры, Раджастхана, Гуджарата), и о другом, специфическом варианте аграрной эволюции, характеризующемся сильнейшим проявлением внеэкономических факторов (Орисса, Бихар, ряд районов Западной Бенгалии) [см. 12, 187—192, 195, 352; 14, 290—292, 285]. Причины существенных различий в процессах аграрной эволюции связаны в значительной степени со спецификой общины и особенностями кастового состава населения в тех или иных районах Индии². Хотя в Индии в целом влияние кастовой системы на характер общественной и экономической жизни было на рубеже 50—60-х годов еще значительным, однако уже тогда можно было условно выделить «более традиционные» и «менее тради-

¹ Мы имеем в виду прежде всего работу В. Г. Растянникова «Аграрная эволюция в многоукладном обществе. Опыт независимой Индии», М., 1973.

² Разработка вопроса о локальных вариантах индийской общины в средние века и новое время в связи с ее кастовым составом и правами основной массы общинников была начата и продолжается в настоящее время Л. Б. Алаевым [см. 5]. Особенно интересен вывод автора об устойчивости взаимосвязи между кастой и землевладением в Северной Индии на протяжении XIX в. [см. 3].

ционные» районы, причем в основе различий лежал, по-видимому, один решающий признак: характер доминирующей прослойки земледельцев с точки зрения соединения труда и собственности, точнее, доминировали ли представители землевладельческо-земледельческих каст (труд и собственность выступают в нерасчлененном виде) или землевладельцы из «высших» (или торгово-ростовщических) каст, не занимающихся, как правило, непосредственной обработкой земли (собственность противостоит социально приниженному труду).

В отличие от двух избранных для исследования районов Индии, в которых специфические черты традиционного кастового общества проявляются с разной интенсивностью, Комилла в Бангладеш представляет интерес как периферийный район доминирования нищенствующего мелкого и мельчайшего собственнического крестьянства при значительно ослабленных традиционных связях архаического типа.

Советскими аграрниками уже поставлен вопрос о том, что «зеленая революция», там, где она действительно имела место, означала, по сути дела, формирование новой «модели» аграрной эволюции в странах Азии, с принципиально новыми законами функционирования, причем этот процесс оказался локально строго ограниченным [13]. Интересно, однако, выяснить, как соотносится успех «зеленой революции» с различными типами традиционных структур, смогла ли она осуществиться на базе более архаического варианта и существенно изменить в соответствующем районе всю структуру сельскохозяйственного производства: перестроить тип потребления хозяйств в пользу производственного потребления, активно содействовать разрыву всех традиционных типов связей, и в частности превращению «вертикальных» связей³ традиционного типа (с сильны-

³ Мы употребляем термин «вертикальные» связи для характеристики специфических отношений между представителями групп с различным социальным статусом и экономическим положением, прежде всего — между землевладельцем и непосредственным производителем; в странах Востока эти отношения выступали в основном как отношения господства — подчинения. Термин «горизонтальные» связи применяется нами для характеристики отношений, складывающихся между лицами с равным социальным статусом и относительно сходным социально-экономическим положением, прежде всего — между непосредственными производителями.

ми элементами личной зависимости производителя от землевладельца) в отношении чисто экономического типа, свободные от всех форм личной зависимости.

Основное внимание в данной статье мы уделяем сдвигам в системе общественных связей и социальной психологии сельского населения — в том их проявлении, в котором они непосредственно оказывают воздействие на производство. Сами общественные связи в их «производственном» аспекте можно рассматривать двояко: как реальные, непосредственные контакты, т. е. производственные и иные отношения, и как «идеальные», опосредствованные в общественном сознании и в социальной психологии населения. В этих «идеальных» связях, зафиксированных в стереотипах отношения человека к производству и потреблению, отражается зависимость его от норм, выработанных данной социальной общностью. При исследовании традиционных обществ, где эта зависимость выражена особенно ярко, изучение стимулов к производству и форм потребления имеет первостепенное значение. Введение в советскую научную экономическую литературу применительно к развивающимся странам марксовской категории «система потребностей» как особой формы духовных производительных сил [см., например, 1, 28—30], впервые осуществленное В. В. Крыловым [8, 9] (а вслед за ним и рядом других экономистов), дает определенный ключ к исследованию специфики функционирования традиционных структур.

Известно, что в обществах, где традиционные связи играют большую роль (а именно таковым в значительной мере продолжало оставаться до 60-х годов XX в. индийское сельское общество), система потребностей индивида определяется нормами, выработанными общностью в прошлом, и направлена к накоплению различных символов социального престижа (как вещных, так и иных). Можно отметить ряд традиционных установлений индийской деревни, все еще оказывающих большое влияние на ее хозяйственную жизнь. Сохранение высокого кастового статуса землевладельца в районах распространения индуизма находилось в значительной зависимости от следования религиозным предписаниям: от соблюдения ритуальной чистоты (в том числе отказа от физического труда), следования системам

джаджмани⁴ и т. п. Реализация высокого социального статуса носила публичный, «демонстрационный» характер и проявлялась, в частности, в ведущей роли представителей данной касты или подкасты в религиозных праздниках и церемониях деревни, в доминировании их в общедеревенских учреждениях, в распространении их влияния на возможно большее число местных жителей. Унаследованная от прошлого система потребностей сельского жителя, ориентированная на укрепление социального престижа в его традиционном понимании, обусловила в ряде районов искусственное разделение труда и собственности, трату значительных средств на обряды, ритуалы, «духовные» нужды⁵.

Факт особой направленности накоплений состоятельных групп индийской деревни уже отмечен советскими исследователями [12, 65, 66, 205].

Таким образом, курс на «зеленую революцию» как государственная стратегия, направленная на модернизацию сельскохозяйственного производства, встретил в Азии довольно устойчивые структуры с разнообразными типами традиционных связей. Конечный результат, успех или неуспех «зеленой революции» в конкретном районе — в смысле существенных социальных сдвигов — зависел от взаимодействия, от «соотношения сил» этих двух факторов.

Предпосылки и ход «зеленой революции» в пенджабской деревне. По-видимому, ни один район Индии не фигурировал в последнее время столь часто в качестве примера при анализе процесса «зеленой революции» в Азии, как Пенджаб. Действительно, процесс интенсификации сельскохозяйственного производства в этом штате шел быстрыми темпами и имел очевидные успехи

⁴ Особенности функционирования системы джаджмани как особой формы обмена услугами и общественное значение этого явления рассматриваются в работах А. П. Колонтаева, М. И. Кудрявцева, а также Л. Б. Алаева.

⁵ Материалы новейших обследований некоторых районов сельской Индии с мало разрушенной системой традиционных связей (например, Восточный Уттар Прадеш) свидетельствуют о сохранении специфической направленности использования доходов, поступающих в хозяйство: об огромных тратах (нередко разорительных для сельского производителя) на религиозные церемонии, на путешествия к святым местам, на устройство праздника для всей деревни [65, 27].

(по крайней мере в отдельных дистриктах). В то же время, хотя Пенджаб представляет собой интегральную часть Индии, с ее кастовым строем и специфическими формами социально-экономической и общественной жизни, ряд черт экономического и исторического характера в какой-то мере ставит этот штат на особое место в Индии. Важнейшая из них — относительно крупные (по индийским масштабам) размеры землепользования: 11,83 акра в среднем на хозяйство в 1951 г. при общеиндийском показателе 7,53 акра [14, 283]. Удельный вес безземельного сельского населения был здесь самым низким по стране.

В рамках самого штата можно выделить два в значительной степени различающихся района. Для центральной и западной частей Пенджаба характерны некоторые исторически сложившиеся особенности, оказавшие в конечном счете решающее воздействие на судьбы штата в современную эпоху. Среди этих особенностей — доминирование на большей части этой территории представителей земледельческих каст, прежде всего джатов, являвшихся полноправными общинниками-землевладельцами, а также распространение в этом районе сикхизма с его формальным провозглашением равенства, отвержением ряда индуистских догматов и упрощением религиозных обрядов [см. 15; 16]. Преобладающим типом хозяйства от средневековья до 50—60-х годов XX в. в этой части штата было хозяйство непосредственного производителя — джата, сайни, — в котором труд и собственность выступали в нерасчлененном виде. Труд представителей «неприкасаемых» (рамдасья, мажби сикхи), работающих в качестве батраков и сельскохозяйственных рабочих в хозяйствах землевладельцев, играл вспомогательную роль, дополняя крестьянский, семейный труд [14, 282—286]. В восточной и северной частях Пенджаба сложился иной тип хозяйства; здесь получил гораздо большее распространение труд «неприкасаемых» — батраков и сельскохозяйственных рабочих [14, 226—227], и вся система связей деревенского общества носила ярко выраженный традиционный характер [14, 277; 31, 460].

В данном случае большой интерес для нас представляют дистрикты развитых частей Пенджаба (Лудхiana, Джалландар, Фирозпур), где «зеленая револю-

ция» приняла более четкие, приближающиеся к «классическим» формы. Наличие в этих районах широкой прослойки непосредственно хозяйствующих землевладельцев при значительном (по индийским масштабам) среднем размере площади землепользования создавало предпосылки для определенного экономического прогресса. Уже в 20—30-х годах XX в. здесь довольно ярко проявлялись тенденции к «капитализации» [см. 14, 276—277]. После достижения Индией независимости в сельскохозяйственном производстве штата в целом начинается вначале медленный, но затем все более ускоряющийся процесс вовлечения хозяйств в рыночные связи, увеличения товарной продукции, обновления технической базы производства [см. 62]. По ряду показателей экономического развития Пенджаб уже на протяжении 50-х годов занимал ведущее место в Индии; аграрный капитализм здесь получил значительный импульс [14, 276, 288—296].

Экономический прогресс оказал сильное воздействие на всю структуру общественных отношений в более развитых районах штата, обусловив сдвиги в нормах внутрикастовых и межкастовых связей под влиянием новых, социально-экономических факторов, концентрацию власти в руках представителей различных каст, объединенных экономическими интересами, а также определенные изменения в самих критериях лидерства в деревне [64, 13—17, 44, 74]. Тем не менее в начале 60-х годов здесь продолжали сохраняться такие черты, как непропорционально высокие траты на нужды, связанные с религией и поддержанием кастового престижа (на празднества и церемонии по поводу рождения ребенка, свадеб, похорон и т. п. [26, 60, 104]), высокий удельный вес оплаты в натуре труда постоянных, а также временных работников хозяйств, традиционные формы оплаты деревенского плотника, кузнеца, горшечника и др. [26, 61; 64, 25]. Между землевладельцами и их постоянными работниками нередко сохранялись на протяжении многих лет и даже поколений «дружеские» отношения [26, 61].

Еще ярче эти черты были выражены в восточной и северной частях штата. На рубеже 50—60-х годов здесь еще не был нарушен «деликатный баланс» (по выражению Р. Критчфилда), который существовал в деревне

испокон веку. Характерной чертой хозяйств была «ответственность главы семьи за обеспечение пищей, кровом и одеждой всех, кто работает на его полях... неотъемлемое право безземельных пасти скот и собирать хворост для огня, наследственная обязанность взаимной поддержки, практика беспроцентных займов» и т. п. [31, 460—461].

Что же касается особенностей общественной жизни в штате на рубеже 50—60-х годов, то нужно отметить, что Пенджабу были присущи такие специфические для индийского сельского общества явления, как стремление экономически наиболее сильных групп к доминированию во всех административных органах и институтах «социального контроля» (типа панчаятов), широкое распространение в сельской местности влияния консервативных, коммуналистских партий. Здесь, однако, чаще, чем в других штатах, традиционные деревенские организации занимались вопросами, связанными с хозяйственной деятельностью (в дополнение к традиционным функциям разрешения религиозных и морально-бытовых вопросов).

Если существенные сдвиги в сторону модернизации сельскохозяйственного производства наблюдались в Пенджабе и до начала 60-х годов, то курс на «зеленую революцию» как бы развернул все скрытые пружины замедленного действия, предоставив — в основном за счет государства — «балансирующим между старым и новым» хозяйствам кредиты, семена, удобрения и т. п. и со всем этим — возможность быстрого обогащения. И пенджабское сельскохозяйственное производство сделало выбор в пользу «нового».

Об успехах «зеленой революции» в этом штате свидетельствуют многие статистические данные. Так, если в 1966/67 г. высокоурожайными сортами было засеяно 4% пшеничных полей, то в 1968/69 г. — 60, а в 1969/70 г. доля соответствующих посевов составила около 90%. Количество трубчатых колодцев выросло с 7500 в 1960/61 г. до 110 тыс. в 1968/69 г., потребление удобрений — с 230 тыс. т в 1966/67 г. до 880 тыс. т в 1968/69 г. [46, А-73—А-74]. Данные по штату показывают, что практически все хозяйства Пенджаба, в том числе мелкие, в конце 60-х годов перешли к культивированию новых сортов пшеницы. Менее массовый ха-

раактер носило применение удобрений⁶, еще менее — механизация сельскохозяйственного производства [47, 763].

Ряд материалов выборочных и иных обследований хозяйств Пенджаба показывает, что в этом штате именно крупные хозяйства стали лидерами «зеленой революции» [61, А-34]. Особенно интересны материалы обследования в 1968 г. крупных ферм Пенджаба (свыше 20 акров каждая), опубликованные Ашокой Рудра, А. Маджидом и Б. Талибом [58]. Выборочное обследование 261 крупного хозяйства в 11 дистриктах штата выявило, что основной капитал этих хозяйств вырос за период с 1960/61 по 1967/68 г. более чем в два раза (с 710 тыс. до 1994 тыс. рупий), преимущественно за счет роста технической оснащенности хозяйств [58, А-145].

Мнение всех исследователей относительно роста доходов по группам хозяйств в Пенджабе сводится к одному: наибольшие прибыли в период распространения «зеленой революции» получили именно крупные, зажиточные хозяйства. Интересны данные П. Деба и Б. Агарвала, собранные в 1969/70 г. среди фермеров Лудхьяны. Выборочное обследование 145 хозяйств, из которых 78 составляли мелкие (до 15 акров включительно), 37 — средние (16—27 акров) и 20 крупные (свыше 27 акров), выявило в основном прямую зависимость между размерами хозяйства и уровнем дохода⁷. Размер дохода в группе крупных хозяйств составлял около 29,2 тыс. рупий, а в средних — лишь 12,7 тыс. рупий [34, 3, 4]. По размеру прироста доходов за 1968/69—1969/70 гг. первое место также занимали крупные хозяйства (прирост составил 29,63%), затем шли мелкие (10,55%), и совсем незначителен был прирост в средней группе (2,30%) [34, 3]. Сопоставление этих данных позволяет сделать вывод, что значительную часть крупных хозяйств и относительно небольшую группу средних составляли фер-

⁶ По мнению экспертов Пенджабского сельскохозяйственного университета, в 1968/69 г. лишь 30% хозяев, использующих новые сорта, применяли полную норму азотных удобрений; норма применения других удобрений была еще ниже [60, 297].

⁷ В группу с самым высоким уровнем дохода (свыше 40 тыс. рупий) в 1969/70 г. входило 15% крупных по землепользованию хозяйств, 13,51% всех средних и лишь 1,28% всех мелких; в группу с «низким» доходом (до 20 тыс. рупий) входило 84,62% мелких хозяйств, 51,35% средних и 30% крупных хозяйств [34, 4].

мы с исключительно высоким уровнем дохода и высокими темпами его прироста.

Представляет интерес вопрос об изменениях в социальном составе землевладельческих слоев в связи с модернизацией сельскохозяйственного производства. Как показали материалы обследований, пока наиболее типичной фигурой в группе крупных и модернизирующихся хозяйств остается представитель традиционной земледельческой касты. Так, по данным А. Рудры, для 92% хозяев крупных ферм земледелие являлось единственным занятием в прошлом, 96,7% из них не имели в момент обследования никакого дополнительного занятия [58, А-145]. Другое обследование фермерских хозяйств, проведенное П. Бланкенбургом в Пенджабе (Лудхияна и Джалландар) и Майсуре (Колар и Мандья) в начале 70-х годов, также выявило, что для абсолютного большинства обследованных фермеров единственным источником дохода было земледелие⁸ [24, А-103].

В то же время, по свидетельству некоторых социологов, в сельской местности Пенджаба в связи с «зеленой революцией» появились «новые фермеры» — выходцы из военнослужащих, государственных служащих, бизнесменов. Как правило, это лица, недавно купившие землю (10—15 акров) и рассматривающие сельскохозяйственное производство как новый выгодный (ввиду практически полного отсутствия налогообложения) источник доходов. Для новых фермеров характерны интенсивное земледелие, высокая степень механизации, стремление расширить хозяйственную площадь [см. 46, А-75]. Материалы полевых обследований свидетельствуют о том, что группа новых фермеров волилась в основном в средние и мелкие, а не крупные хозяйства⁹. По-видимому, именно за счет этой категории наблюдались высокие темпы роста доходов в обследованных Дебом и

⁸ Лишь 17% общего числа опрошенных фермеров по обоим обследованным районам (Пенджаб и Майсур) имели дополнительные источники дохода вне данной деревни, в их числе 9% получали доходы из источников, не связанных с сельским хозяйством (торговля, переработка сырья, временная служба в правительственных учреждениях, пенсии) [24, А-103].

⁹ Как отмечает А. Рудра, удельный вес этих фермерских хозяйств в группе крупных хозяйств (более 20 акров) составлял около 3% [58, А-145].

Агарвалом мелких хозяйствах (до 15 акров — по их классификации).

Довольно ярко выражен в Пенджабе процесс концентрации земли в крупных хозяйствах. По данным обследования А. Рудры, за период с 1955/56 по 1967/68 г. земельные площади в этой группе хозяйств выросли примерно на 9,5%, причем в хозяйствах с площадью 20—25 акров — на 4%, с площадью 100—150 акров — на 40% [58, А-145].

Одним из следствий превращения сельскохозяйственного производства в бизнес и расширения крупных хозяйств было изменение арендных отношений в штате.

Для Пенджаба начала 60-х годов был характерен самый высокий в Индии удельный вес площадей, обрабатываемых арендаторами. Однако необходимо различать две категории арендаторов в штате: зажиточных хозяев, приарендовывающих землю для расширения хозяйственных операций, и бедных земледельцев, имеющих, как правило, участок, недостаточный для обеспечения семьи средствами существования, и нанимающихся в качестве издольщиков в хозяйства крупных землевладельцев, в том числе абсентеистов¹⁰. Судьба этих групп арендаторов в условиях «зеленой революции» оказалась различной. В связи с удорожанием аренды наблюдалось абсолютное сокращение арендаторов второго типа, либо сведение их практически к положению сельскохозяйственных рабочих. Если сгон арендаторов и переход землевладельцев к непосредственной обработке земли, развернувшийся со второй половины 50-х годов, объяснялись принятием в Пенджабе Акта о защищенной аренде 1953 г., то с началом «зеленой революции» в том же направлении стали действовать новые, экономические закономерности: исключительная выгод-

¹⁰ Факт существования в Пенджабе зажиточных хозяев, приарендовывающих землю, уже отмечен советскими исследователями [12, 76—77]. Показательно, что, по данным Ф. Фрэнкель, обследовавшей в конце 60-х годов хозяйства Лудхияны (где 80% земледельческих хозяйств располагали площадями 10 акров и более), 46% сельских хозяев арендовали землю, однако «чистые», безземельные арендаторы составляли всего 4% [39, 16—18]. Среди обследованных П. Бланкенбургом пенджабских фермеров (а обследовались хозяева, имеющие не менее 10 акров земли) 42% составляли собственники, приарендовывающие землю (в том числе 20% — на условиях издольщины) [24, А-99].

ность для землевладельцев непосредственной организации производства пшеницы, с одной стороны, и неспособность арендаторов-бедняков выплачивать повысившиеся ставки арендной платы — с другой. Размер арендной платы во второй половине 60-х годов вырос в денежном выражении в два раза. Доля арендатора-издольщика снизилась до 30 и даже 20% урожая [39, 34; 47, 765; 46, А-77].

Иначе сложилась ситуация для арендаторов первого типа — зажиточных хозяев. Обладание средствами, необходимыми для модернизации сельскохозяйственного производства, сделало выгодным для них аренду земли даже при высоких ставках арендной платы¹¹. Обследование, проведенное П. Бланкенбургом, выявило любопытное явление, а именно прямую связь между «прогрессивностью»¹² и «арендой»: если среди всех обследованных фермеров Пенджаба (напомним, что обследовались хозяйства свыше 10 акров) хозяева-арендаторы и полуарендаторы составляли всего 46%, то в группе «прогрессивных» и «умеренно прогрессивных» хозяев этот процент составлял 65 и 67 соответственно [24, А-99].

Важно подчеркнуть еще одно любопытное явление, отмеченное Ф. Фрэнкель в Лудхияне: многие мелкие собственники, имеющие 2—4 акра земли, сдают свои участки в аренду крупным фермерам, получая от них половину урожая [39, 34].

По-видимому, можно говорить об экспансии прогрессивных, т. е. модернизирующихся хозяйств, о том, что расширение масштабов производства с целью получения больших доходов становится для них законом. В данном случае оно происходит за счет сокращения мелкокрестьянской аренды и перехода части исконно

¹¹ Показателен пример, приведенный В. Ладежинским, проводившим полевые обследования в Пенджабе в 1970 г.: собственник 50 акров чрезвычайно интенсивно используемых земель (снямающий 5—6 урожаев овощей с акра) арендует еще 20 акров, которые он пересдает издольщикам, взимая с них 70% урожая [46, А-77].

¹² В группу «прогрессивных» включались фермеры, вкладывающие больше, чем другие, средств в производство в расчете на акр площади, более широко применяющие новые сорта и новую технологию производства, стоящие выше других по формам организации производства [24, А-95].

крестьянских земель в распоряжение зажиточных хозяев.

Выше уже отмечалось, что потребителями новых, растущих доходов были в основном старые группы землевладельцев. В связи с этим важно выявить, наблюдались ли существенные сдвиги в формах общественных связей в сельской местности и в социальной психологии землевладельцев.

Если в начале 60-х годов в штате еще преобладал традиционный тип хозяйствования, то к концу 60-х — началу 70-х годов уже намечаются существенные изменения: основанное на детальных расчетах хозяйствование, имеющее целью получение максимальных экономических выгод, стало правилом в ряде «пшеничных районов» Пенджаба. По выражению В. Ладежинского, средний и зажиточный крестьянин вооружился карандашом и начал скрупулезный учет всех издержек производства; «для собственника с 10—20 и более акрами орошаемой земли увеличение продукции и делание денег становится новым способом жизни»; зажиточный крестьянин превратился в фермера [46, А-75]. Насколько, однако, подтверждается этот вывод данными конкретных обследований по Пенджабу?

Прежде всего встает вопрос о составе рабочей силы, занятой в модернизирующихся хозяйствах. Как уже указывалось, для хозяйств Пенджаба в целом был характерен довольно низкий удельный вес наемного труда по отношению к семейному: соотношение, выраженное в человеко-днях, составляло во второй половине 50-х годов 1:3,5 [44, А-111]. Несмотря на значительную интенсификацию сельскохозяйственного производства, к концу 60-х годов затраты чужого труда на гектар пшеницы, занятой высокоурожайными сортами, составили в штате 20 человеко-дней вместо ранее затрачиваемых 15 — прирост наименьший в Индии [44, А-111, А-112]. Материалы обследований выявляют тенденцию к доведению до минимума чужого труда и максимальному использованию семейного труда. По данным обследования А. Рудры, количество постоянных рабочих на одно крупное хозяйство составляло в среднем 1,65 [59, А-89, А-91]. Если принять во внимание относительную многочисленность членов семей, занятых в производстве, то можно предположить, что соотношение меж-

ду удельным весом наемного и семейного труда в хозяйствах штата изменилось в пользу труда семейного¹³.

Очевидно, что для пенджабских хозяйств сокращение чужого труда составляет один из важнейших способов удешевления производства. В этом штате и до начала «зеленой революции» наблюдался один из самых высоких уровней в оплате труда сельскохозяйственных рабочих, причем значительная часть заработной платы выплачивалась в натуре. Данные обследований конца 60-х годов свидетельствуют о том, что к тому времени существенных изменений в формах оплаты труда как постоянных, так и временных рабочих не произошло [24, А-101—А-102; 59, А-91]. По материалам А. Рудры, соотношение натуральной и денежной долей заработной платы постоянного работника крупной фермы составляло в 1969/70 г. 1 : 0,97 [59, А-91].

Однако сохранение старых форм оплаты труда крупными фермерами Пенджаба являлось для них в значительной мере вынужденным. Экономическая конъюнктура в штате складывалась пока благоприятно для сельскохозяйственных рабочих. Специальные исследования выявили в Пенджабе прямую зависимость между распространением высокоурожайных сортов и ростом заработной платы временных сельскохозяйственных рабочих [41, А-24, А-27, А-28]. Как правило, в пору жатвы фермеры не могут противостоять непременному требованию сельскохозяйственных рабочих получать часть заработной платы в натуре. Борьба идет вокруг доли урожая, получаемой рабочими. В Лудхияне, например, благодаря нажиму рабочих эта доля во время жатвы составляла в конце 60-х годов $\frac{1}{30}$ валового сбора [39, 36].

Не вызывает сомнения обоснованность выводов ряда социологов о том, что высокий уровень механизации сельскохозяйственного производства в Пенджабе — следствие относительной дороговизны рабочей силы.

¹³ Так, например, на пенджабской ферме в 60 акров орошаемой земли занято в работе 17 членов семьи фермера, 3 постоянных работника и 15—20 рабочих в сезон пик [46, А-74]. Другой прогрессивный фермер с 60 акрами благодаря интенсификации производства вдвое увеличил чистую засеваемую площадь; при этом количество постоянных работников увеличилось с двух до трех (с помощником — «боем») [46, А-78].

Важнейшим критерием при анализе сдвигов в структуре социальных связей является, несомненно, вопрос о характере потребления в модернизирующихся хозяйствах, о степени обусловленности потребления традиционной системой ценностей, требующей чрезвычайно высоких затрат семьи на всякого рода ритуалы — в качестве гарантий сохранения за ней высокого социального положения. Показательно само по себе то обстоятельство, что социологи и экономисты, обследовавшие Пенджаб, смогли установить детально все статьи расходов, связанных с производством, а в ряде случаев и с личным потреблением, что указывает на хорошо поставленный учет издержек производства.

Переход фермеров к строгому расчету в хозяйствовании, а также появление в сельской местности новых фермеров, гораздо менее обремененных традиционными обязанностями, должны были привести к сокращению доли расходов на престижные нужды. Данные упоминавшегося выше обследования 135 ферм Лудхияны, предпринятого П. Дебом и Б. Агарвалом специально с целью выявления структуры расходов в хозяйствах Пенджаба, в какой-то мере освещают этот вопрос. Авторы разделили все расходы хозяйства на производственные (направленные в производственный процесс, включая покупку земли, скота, сельскохозяйственные постройки и т. д.), потребительские (пища, одежда, жилище, электричество, лечение, образование) и социально-религиозные (расходы на рождения, свадьбы и религиозные церемонии, табл. 1).

Данные таблицы свидетельствуют об исключительно высоком удельном весе затрат на социально-религиозные нужды: немногим меньше трети общей суммы расходов во всех трех группах хозяйств. Тем не менее важно отметить, что удельный вес производственных расходов наиболее высок именно в группе крупных хозяйств, а расход на социально-религиозные нужды здесь ниже, чем в группе мелких хозяйств. В материалах, приводимых другими исследователями, фигурирует более высокий удельный вес затрат на производство в крупных хозяйствах — свыше 40% [58, А-146; 43, 11] и более низкий в мелких — 23,4% [43, 11].

Данные ряда обследований, в частности П. Бланкенбурга (особый интерес представляет его заключение, что

Таблица 1
Распределение расходов в трех категориях
обследованных хозяйств Лудхьяны (Пенджаб),
1969/70 г.*

Группа хозяйств по размерам площади	Количество хозяйств в группе	Расходы**, тыс. рупий						Всего на одно хозяйство
		производственные		потребительские		социально-религиозные		
		в среднем на одно хозяйство	%	на одно хозяйство	%	на одно хозяйство	%	
Мелкие (до 15 акров)	78	2,6	29,2	3,5	38,8	2,9	32,0	8,6
Средние (16—27 акров)	37	3,2	30,3	4,5	42,8	2,8	26,9	10,6
Крупные (свыше 27 акров) . . .	20	8,5	36,9	7,7	33,5	6,8	29,6	22,9

* [34, 4].

** Цифры приведены округленно.

«взаимосвязь между пропорцией расходов на семейные церемонии и прогрессивностью отсутствовала» [24, А-102]), позволяют сделать вывод, что для нового поколения сельских богачей традиционные формы повышения социального статуса — через организацию пышных празднеств и церемоний — теряют свою привлекательность и смысл. На смену демонстративному, публичному, щедрому расходованию накопленных средств приходит, с одной стороны, их экономия для расширения производства, с другой — их вложение в новые символы богатства, чаще всего — в новый особняк¹⁴. В планах на будущее на первом месте у фермеров упоминаются покупка земли, вложения в сельскохозяйственное производство и технику [24, А-109—А-111].

Представляет интерес отношение населения пенджаб-

¹⁴ «Иметь новую, двухэтажную виллу городского типа стало символом статуса новых сельских богачей в обследованных районах как Майсура, так и Пенджаба», — пишет П. Бланкенбург [24, А-102].

ских деревень к новаторам, лидерам модернизации. Как правило, влияние практики новаторов на остальное население является довольно значительным. Показательно, что в обследованных Бланкенбургом деревнях «большинство фермеров имели ясное представление о том, кого следует считать лучшим фермером деревни, и, похоже, внимательно следили за тем, что происходит в этих хозяйствах» [24, А-104].

В нашем распоряжении почти нет материалов, касающихся изменений в иерархии и административно-политической жизни сельского общества, происходящих под влиянием модернизации сельскохозяйственного производства. Однако некоторые данные обследования Бланкенбурга выявляют одно очень симптоматичное явление: в пенджабских деревнях участие «прогрессивных фермеров» в органах управления было намного меньше, чем в майсурских: 29 и 48% соответственно [24, А-104]. Бланкенбург видит в этом признак того, что «прогрессивных фермеров», по сути дела, уже мало заботит положение в сельском обществе; они предпочитают, пишет он, сосредоточивать усилия на улучшении собственного хозяйства — явление, которое может означать поворот прогрессивных фермеров от «публичных» к частным интересам, от забот о положении в социальной иерархии к заинтересованности в собственных экономических достижениях [24А-105]. Как мы видим, автор очень верно подметил совершенно новую тенденцию в Индии, где испокон веку борьба между различными кастовыми и внутрикастовыми группами за доминирование во всех сферах деревенской жизни составляла смысл общественной жизни в сельской местности. Эта новая тенденция показательна, по-видимому, пока только для очень немногих районов Пенджаба.

В связи с этим встает вопрос об изменениях в характере общественной борьбы в деревне. Выше уже упоминалось о возникновении в сельских районах штата Пенджаб — непосредственно в связи с модернизацией — конфликтов явно классового характера, связанных с оплатой труда долей урожая. Вынужденные уступить основному требованию рабочих, землевладельцы лишают их ряда традиционных льгот — права сбора с полей фуража для скота, беспроцентных ссуд и т. п. [39, 36—37]. Однако относительно малые масштабы так

называемого наемного труда в сравнении с трудом семейным обусловили то, что социальная напряженность в ряде развитых районов штата пока еще не приобрела драматического характера. Нельзя не учитывать мнение пенджабских фермеров, обследованных Бланкенбургом, что «отношения между основными различными деревенскими группами даже улучшились» [24, А-107]. Показательно и то, что в качестве причины снижения социальной напряженности фермеры назвали прежде всего то обстоятельство, что жители деревни стали вести себя «более рационально» и «больше заинтересованы в своих частных делах» [24, А-106]. На вопрос о том, увеличилась или уменьшилась общественная (социальная) напряженность в деревне по сравнению с тем, что было 10 лет назад, опрошенные Бланкенбургом пенджабские фермеры ответили: 71% — что она не изменилась, 26% — что уменьшилась и менее 3% — что увеличилась [24, А-106]. Очевидно, что речь идет о снижении конфликтов и социальной борьбы традиционного типа, развертывавшейся обычно между социально главенствующими группировками, т. е. среди элиты.

Необходимо отметить и то обстоятельство, что фермеры Пенджаба начинают проявлять все большую озабоченность в связи уже не с местными конфликтами на деревенской арене, а с меняющейся экономической конъюнктурой за пределами деревни. Опросы выявили, что неудовлетворенность фермеров своим положением была ярче выражена в Пенджабе, нежели в Майсуре, несмотря на значительно большую зажиточность пенджабских фермеров [24, А-109]. Проявляющаяся в Пенджабе тревога за завтрашний день относительно зажиточных хозяев, связанная с мыслями о конъюнктуре, о факторах, находящихся вне их хозяйств, тревога, столь характерная для капиталистических обществ, — признак чрезвычайно важных перемен в социальной психологии пенджабских фермеров в развитых дистриктах.

Что же касается «периферийных» частей штата (Восточный и Северный Пенджаб), находящихся в непосредственной близости к эпицентрам «зеленой революции» и втянутых в процесс модернизации, то здесь обострение социальной напряженности проявилось значительно сильнее. Перевод «неприкасаемых» на денежную оплату нарушил всю старую патерналистскую систему «взаимо-

помощи и взаимозависимости». В некоторых случаях «неприкасаемые» ответили бойкотированием хозяев и в процессе борьбы лишились ряда традиционных льгот [см. 31, 460—461].

Отмеченные выше социальные сдвиги, совершившиеся в пенджабской деревне в связи с «зеленой революцией», оказали существенное влияние на политическую обстановку в штате. Одна из заметных тенденций — падение в сельской местности штата влияния коммуналистских партий — «Акали» (партии сикхских коммуналистов) и «Джан сангх»; переориентировка зажиточных землевладельцев, получивших наибольшие выгоды от «зеленой революции», на Конгрессистскую партию; усиление доминирования крупных землевладельцев во всех административных и политических органах штата. Крупные земельные собственники Пенджаба, будучи мощной политической силой, оказались способными остановить осуществление аграрных реформ, отстоять высокий «потолок» землевладения, воспрепятствовать прогрессивному налогообложению в штате [48, № 31, 15; № 32, 17—18; № 33, 26; № 34, 19; № 35, 20]. На общенациональной арене крупные землевладельцы Пенджаба начали упорную борьбу за сохранение высоких закупочных цен на пшеницу. Наконец, необходимо отметить все большее выдвижение чисто экономических требований нижними слоями крестьянства в рамках Кисан сабхи, в том числе — требования повышения закупочных цен на пшеницу¹⁵.

Таким образом, применительно к Пенджабу, по-видимому, можно говорить о важном социальном сдвиге, сущность которого, пока еще не везде проявившаяся, — радикальная перестройка традиционных социальных связей, капиталистическая по своему направлению, медленное, но необратимое преобразование всей традиционной системы ценностей из престижно ориентированной в ориентированную на экономические выгоды; эта перестройка сопровождается преобразованием технической базы хозяйств в соответствии с современным уровнем развития капитализма.

Предпосылки для реализации «зеленой революции»,

¹⁵ По мнению обозревателей журнала «Линк», выдвижение этих требований — свидетельство давления прокулацких элементов на позицию Кисан сабхи [48, № 34, 19].

более того, отдельные «элементы» этой «революции» уже имелись в штате на рубеже 50—60-х годов.

Сама «зеленая революция» приняла здесь наиболее естественные с точки зрения экономического прогресса формы; ее лидерами (по уровню и темпам модернизации сельскохозяйственного производства, по расширению хозяйственной деятельности, по перестройке структуры потребностей) стали крупные хозяйства.

Социально-экономические сдвиги в штате имели «прямую проекцию» на политическую жизнь, что выразилось в усилении классового характера общественной борьбы на всех уровнях.

Система традиционных связей и особенности «зеленой революции» в западобенгальской деревне. В 60-х годах XX в. Западная Бенгалия представляла собой штат с исключительно низким уровнем развития сельскохозяйственного производства, занимая 12-е место среди 14 штатов Индии по ежегодным темпам прироста продукции растениеводства — 1,94% за 1952/53—1964/65 гг. (при общеиндийском показателе 3,01%) [12, 342].

В нашей научной литературе отмечен ряд специфических черт, присущих этому штату: относительно малая прослойка средних и зажиточных хозяйств (по размерам доходов от растениеводства) — 27,6% всех хозяйств; крайне низкий уровень валовых накоплений в вещественно-материальной форме, огромное значение непроизводственной сферы как источника накоплений для хозяйств и ряд других важных особенностей [12, 344, 354 и др.]. Эти специфические черты аграрного строя штата проявляются далеко не в равной степени в различных его частях.

В южной части штата можно найти дистрикты (24 Паргана, Хугли, некоторые территории Миднапура), где значительной является прослойка самостоятельно хозяйствующего крестьянства — представителей земледельческих каст (махишья, садгопы, гораи, кулу и др.). С другой стороны, ряд обследований деревень 30—50-х годов XX в. [51; 21] позволяет выделить территории с относительно слабой собственно крестьянской прослойкой: дистрикты Бирбхум, Бурдван, Банкура, частично — Миднапур, где специфические черты эволюции традиционного общества проявляются ярче. В данном случае имен-

но эти территории представляют для нас наибольший интерес.

В деревнях этих районов преобладают «полярные» по социальному статусу и экономическому положению касты. Прежде всего, в составе землевладельцев значительен удельный вес представителей высших индуистских каст — брахманов (жрецов, наставников, учителей), байдья (знахарей), каястхов (писцов) и других, которым традиция запрещала заниматься непосредственной обработкой земли; имеется также большая, значительно выросшая за 40—50-е годы прослойка землевладельцев — выходцев из «средних» неземледельческих каст — ремесленников, торговцев, ростовщиков, также нередко не занимающихся (как и брахманы) сельскохозяйственным трудом. Такой состав землевладельцев обусловил многочисленность в деревне бесправных непосредственных производителей, трудом которых обрабатывались земли представителей деревенской верхушки. Подавляющее большинство этих работников — представители социально приниженных каст и племен: «нечистых» (багди, баури, дом, байенс, санталы) и «неприкасаемых» (мучи и др.) [51, 94—96; 21, 14].

Материалы обследований отдельных деревень «традиционных» районов (Бирбхум, Миднапур) на рубеже 50—60-х годов показывают, что на полярные группы (на высшие и на низшие, включая «неприкасаемых») приходилось более половины (а иногда и до 80%) домохозяйств деревни¹⁶.

Таким образом, в исследуемых нами районах Западной Бенгалии доминирующим типом хозяйства в сельской местности является не типичное крестьянское хо-

¹⁶ Например, в деревне Гоалпара (Бирбхум, 1958 г.) соотношение домохозяйств представителей высших каст (из них 95% — землевладельцы), низших каст (из них 92% — безземельные) и средних каст (бывших ремесленников, торговцев — из них лишь 8% — безземельные) составляло 42:36:22 [21, 14, 20]. В других четырех деревнях Бирбхума (1957 г.) со значительным процентом мусульманского населения представители высших каст составляли 7%, низших каст и санталов — 44 (среди них удельный вес безземельных был равен 90% и 70% соответственно), средних каст (в том числе садгопов) — 24 и мусульман — 23% [21, 48, 54]. В описанной Г. Чаттопадхьяем деревне Ранджана (Миднапур, 1956—1960 гг.) на 110 «полярных» семей (25 брахманских и 85 багди) приходилась 71 типично крестьянская семья (66 семей садгопов и 5 семей мусульман) [28, 104].

зяйство, где труд и собственность выступают в нерасчлененном виде, а традиционное, в котором труд и собственность, будучи исторически разделены, объединяются на архаической основе, с помощью методов социального принуждения; в этих условиях сама земельная собственность в наибольшей степени сохраняет «традиционные придатки», о которых писал Маркс [см. 2, 167].

Западная Бенгалия относится к штатам с исключительно ярко выраженным аграрным перенаселением. Здесь абсолютно доминирует мелкое и мельчайшее землепользование. Средний размер площади на хозяйство составлял в штате в 50-е годы 4,7 акра [196, 23]. В Бурдване, например, на каждого взрослого, занятого в сельском хозяйстве, приходилось лишь 2,5 акра [39, 157]. Малые размеры землепользования характерны как для традиционных, так и для собственно крестьянских хозяйств. Примеры обследованных деревень показывают, что площадь брахманских хозяйств нередко колеблется в рамках 2—5—7 акров, а представителей средних каст — в рамках 3—5 акров [21, 55; 28, 104]. Значительная часть представителей высших каст в связи с дроблением хозяйств и обеднением давно перешла к земледельческому труду, влившись в прослойку крестьянских хозяйств. Специфической чертой этих мелких и мельчайших хозяйств представителей высших, а также средних неземледельческих каст является стремление их хозяев частично или полностью — насколько позволяют обстоятельства — не заниматься непосредственной обработкой земли, широкое привлечение в хозяйство чужого труда¹⁷.

Материалы по отдельным деревням исследуемого района свидетельствуют о распространенности в хозяйствах крупных землевладельцев таких традиционных форм обогащения, как торговля, сдача в наем рыболовных принадлежностей и т. п. [23, 105].

Именно хозяйства традиционного типа выступают основным потребителем рабочей силы безземельного населения в исследуемых нами районах. Можно выделить три группы безземельного и малоземельного населения,

¹⁷ По-видимому, именно это стремление лежит в основе того типичного для отсталых районов Индии явления, что главными потребителями чужого труда выступают в них мелкие и мельчайшие хозяйства [см. 12, 352].

обслуживающего хозяйства: 1) постоянные батраки (махиндары и нагары) и сроковые батраки (кришаны, мандеры); 2) поденные работники (муниш, нагда); 3) издольщики (баргадары). Наиболее архаические формы взаимосвязи и взаимозависимости между землевладельцами и работниками дольше всего сохранялись в хозяйствах с постоянными батраками. Оплата их труда осуществлялась преимущественно (до 62%) в натуральной форме и включала помимо питания ряд продуктов и предметов первой необходимости [23, 90; 39, 175; 19, а, 124; 27, 72]. Как явствует из материалов обследований 50-х годов, дети постоянных работников нередко использовались в качестве домашних слуг [19, а, 125]. Зачастую связь между семьей батрака из низшей касты или «неприкасаемых» и семьей землевладельца приобретала характер родственных отношений [42, 173].

Менее выраженный традиционный характер носили отношения между поденными рабочими и землевладельцами. Однако и в этом случае землевладелец брал на себя заботу об обеспечении их продуктами и предметами первой необходимости (вплоть до «биди» — дешевых сигар и керосина для рабочих — мигрантов) [39, 176—177]. По данным некоторых обследований, натуральная доля оплаты труда в этом случае составляла около 37% [23, 90].

Баргадары (арендаторы-издольщики) обрабатывали, как правило, собственными средствами участок и выплачивали в качестве арендной платы обычно половину урожая. Баргадары, не имеющие своего скота и инвентаря, получали лишь треть урожая, а после выплаты долгов издольщику нередко оставалось 12—15% урожая [39, 167]. Издольщина — барга являлась наиболее типичной формой арендных отношений в штате на рубеже 50—60-х годов [12, 164], причем в Западной Бенгалии именно районы «классической барги», где баргадары не были низведены до уровня сельскохозяйственных рабочих, стали очагами общественной борьбы, развертывавшейся вокруг вопросов, связанных с экономическими требованиями крестьянства [7, 150—151].

Что же касается исследуемых нами районов, то, в соответствии с данными обследований отдельных деревень (например, Сахаджапур, дистрикт Бирбхум, Райбагхини, дистрикт Банкура), нередко именно постоян-

ные, а следовательно, лично-зависимые работники являлись наиболее распространенным типом сельскохозяйственных рабочих [23, 55; 27, 74].

Традиционные отношения патерналистского типа особенно упорно держались в хозяйствах тех брахманов, которые сохраняли ритуальную чистоту и не перешли к земледельческому труду. Именно в отношениях между этими брахманами и представителями ряда низших кастовых групп деревни дольше всего сохранялись различные проявления системы джаджмани в ее ритуальной форме, при которой взаимный обмен услугами и продуктами труда осмысливается как ритуальные права и обязанности [см. 50, 143, 145].

Перечисленные выше особенности традиционных социальных связей, естественно, должны оказывать существенное воздействие на структуру расходов во всех группах хозяйств, и особенно в хозяйствах представителей высших каст. В нашем распоряжении имеются данные по четырем обследованным в 1958 г. деревням Бирбхума (табл. 2).

Таблица 2

Распределение расходов в четырех деревнях
Бирбхума в 1957 г.*,
%

Группы жителей в соответствии с ка- стовым положением)	Статьи расходов				
	Одежда и пища	Образо- вание	Социаль- ные функции	Разное	Всего
Высшие касты . .	64,7	6,6	1,4	27,3	100
Средние касты . .	68,5	3,2	1,3	27,0	100
Санталы	84,1	0,4	1,5	14,0	100
Низшие касты . .	88,4	0,4	1,3	9,9	100

* [21, 59].

Определенные сведения о структуре расходов можно почерпнуть из материалов детально обследованной в 1955—1956 гг. деревни Сахаджапур дистрикта Бирбхум [23, 101—102] (кастовый состав населения автором, к сожалению, не приводится). Расходы на одежду и пищу у всех выделенных категорий населения (землевладельцы-земледельцы, арендаторы, постоянные и поденные

сельскохозяйственные рабочие, рентополучатели и др.) составляли 80—85%; расходы на церемониальные нужды — 2,7% в группе рентополучателей, 0,9% — у землевладельцев-земледельцев, 1,2—1,8 — у арендаторов, 0,3—0,7% — в группе сельскохозяйственных рабочих [23, 101—102].

В приведенных данных зафиксирована, как мы видим, крайне низкая доля расходов на «социальные» и церемониальные нужды, особенно явная при сравнении с цифрами по Пенджабу. Между тем любое описание жизни западнобенгальской деревни свидетельствует о значимости и массовом характере многочисленных религиозных церемоний, требующих немалых затрат на ритуальную одежду, украшения, пищу и другие обрядовые нужды. Несоответствие пенджабских и западнобенгальских данных объясняется, на наш взгляд, следующими причинами: подавляющая часть трат на религиозные и обрядовые церемонии осуществляется в натуральной форме — это дополнительные расходы на питание, одежду, а также освещение, топливо. По-видимому, большая часть этих расходов попала при обследовании западнобенгальских деревень в соответствующие рубрики расходов (пища, одежда, разное). Сам по себе этот факт очень многозначителен: очевидно, те расходы, которые осознаются пенджабскими фермерами как социально-религиозные, как дань традициям общества, в западнобенгальской деревне все еще фигурируют среди потребительских расходов на нужды первой необходимости, являются для населения столь же естественными, как расходы на ежедневное питание.

Таким образом, курс на «зеленую революцию» не мог встретить в Западной Бенгалии благоприятных условий. Помимо раздробленности большей части хозяйственных площадей на неэкономичные мельчайшие участки, распространения издольщины, ничтожного объема товарной продукции у значительной части хозяйств, наконец, бедности и отсутствия денежных ресурсов у всех важнейших групп сельского населения меры по модернизации встретили серьезный тормоз в виде устойчивых традиционных связей и форм ведения хозяйства. Ряд общих статистических показателей, а также выводы обобщающих исследований свидетельствуют о том, что попытка сделать рывок в росте сельскохозяйственного

производства оказалась в этом штате в целом безуспешной [см. 60, 296]. Тем не менее меры по модернизации сельскохозяйственного производства принимались и здесь и привели к определенным социальным последствиям.

В качестве примера можно привести некоторые данные по дистрикту Бурдван, а также по отдельным деревням других дистриктов. В Бурдване экспериментальные работы по модернизации сельскохозяйственного производства начались в 1961 г. Полевое обследование, проведенное в 1968—1969 гг., выявило довольно удручающую картину в дистрикте. Землевладельцы, как отмечает автор обследования, не заинтересованы в нововведениях, они либо абсентеисты, либо слишком бедны, издолящики же абсолютно нищи для каких бы то ни было нововведений; почти ни один из них не является членом кооператива. Обычно их ссужает землевладелец либо ростовщик (из 36% годовых). Они применяют небольшие дозы удобрений, но ни один не перешел к введению новых сортов. Поскольку у них нет товарной продукции, они не могут извлечь выгоду из повышения цен на нее [39, 168—169].

Некоторые успехи в модернизации были отмечены на недавно орошенных площадях дистрикта, однако само орошение было доступно крайне незначительной прослойке землевладельцев — в основном владельцам, имеющим не меньше 5 акров компактно [39, 160—161]. Посевные площади в дистрикте выросли за период с 1962/63 по 1968/69 г. с 1258 до 1400 тыс. акров, орошаемые площади увеличились всего лишь на 100—150 тыс. акров, удельный вес площадей, дважды используемых под посевы, вырос с 7 до 20% [39, 160].

Во внедрении новых сортов и росте продукции риса также больших успехов достигнуто не было: прирост продукции за пять лет составил менее 10%, рост урожайности — немногим более 10% [39, 162].

Интересны материалы выборочного обследования, проведенного индийским социологом В. К. Чоудхури в 1969 г. в одном из блоков Бирбхума (для обследования был выбран «хороший блок», где 80% сельских хозяйств были участниками внедрения программы высокоурожайных сортов) [29]. Результаты обследования оказались в значительной мере неожиданными для самого

автора: в первую очередь мелкие и мельчайшие хозяйства (до 5 акров) наиболее интенсивно внедряли новые сорта риса, отведя под них четверть и более обрабатываемой в хозяйстве земли¹⁸; урожайность в этой группе хозяйств хотя и была высока, однако значительно ниже урожайности, полученной некоторыми группами средних и крупных хозяйств; однако самая низкая урожайность была получена в группе сравнительно крупных по площади землепользования хозяйств: 5—7,5 и 15—20 акров [29, А-95]. Интересно и то, что в соответствии с цифрами, приведенными Чоудхури, издержки производства были ниже, а окупаемость затрат выше в средних и мелких, а не в крупных хозяйствах [29, А-95] (автор, однако, не учитывал затрат семейного труда). Данные, полученные Чоудхури, позволяют предположить, что значительная часть обследованных Чоудхури хозяйств площадью от 5 до 20 акров представляла собой именно хозяйства традиционного типа.

Далее, переход к интенсивному земледелию являлся в штате скорее исключением, нежели правилом. Так, по данным обследования в Бурдване, в некоторых хозяйствах с площадью 8—10 акров под двух- и трехкратные посевы отведено 1—2 акра; лишь в группе хозяйств с 12—20 акрами значительная часть земель использовалась под двух- и трехкратные посевы [39, 174].

Что же касается роста доходов, то, как свидетельствуют данные обследований, в целом в Западной Бенгалии наблюдалась картина, типичная для всех районов Индии, в какой-то мере затронутых модернизацией: абсолютный доход неуклонно рос с увеличением размеров хозяйств [см. 29, А-90].

Сведения о кастовом составе участников «зеленой революции» в штате немногочисленны. Некоторые данные по отдельным деревням Западной Бенгалии, обследованным в первой половине 60-х годов, указывают на то, что первыми экспериментировали представители не

¹⁸ С этими данными Чоудхури согласуются результаты обследования хозяйств в рисовых зонах Западной Бенгалии, Западного и Восточного Годавари в 1967—1969 гг., проведенного М. Шултером и Дж. В. Меллором: «По прошествии экспериментального периода новые сорта принимаются в большей степени мелкими хозяевами, нежели крупными»; с ростом размеров хозяйств пропорция земель под новыми сортами падает [61, А32—А33].

высших каст, а разбогатевших ремесленных и торговых каст, так называемых средних деревенских слоев [см. 27, 69—70]. Интересно наблюдение авторов работы «Новшества в сельском хозяйстве в деревнях Индии» [37], основанной на выборочном обследовании 108 деревень Западной Бенгалии, Андхра Прадеша и Махараштры (1966 г.): зависимость между удельным весом доминирующей в численном отношении касты и масштабами распространения новой технологии в деревне является обратной [37, 68]. По-видимому, этот итог связан с тем, что в обследованных рисопроизводящих районах численно преобладают представители некрестьянских, безземельных каст, включенные в наиболее консервативный элемент аграрной структуры — в традиционные хозяйства; самостоятельно хозяйствующее крестьянство немногочисленно и бедно, а более динамичный элемент зажиточного землевладельческого населения образован выходцами из самых разнородных ремесленных и торговых каст.

Среди факторов, ослабляющих стремление к модернизации землевладельцев из высших каст, важное место занимает не только то обстоятельство, что главным источником дохода для них нередко является служба в городе и т. п., но и более тесная зависимость от системы традиционных отношений во всех ее проявлениях. Интересный пример из жизни западобенгальской деревни приводят А. К. Данда и Д. Г. Данда: в обследованной деревне скупщик отказался купить урожай риса нового сорта; вообще говоря, сам по себе переход зажиточных хозяев к культивации новых сортов риса явился в глазах деревни доказательством их «жадности» (это могло быть простительным лишь для нуждающихся, но не для благополучных хозяев). Осуждение всей деревни и поведение скупщика привели к тому, что «новаторы» вскоре отказались от нововведений и перешли к традиционным методам хозяйствования [32, 307—308]. Этот случай очень важен как пример отрицательного отношения всего деревенского общества к самой попытке материального обогащения, как свидетельство тормозящего воздействия традиционного общественного мнения деревни на ход модернизации производства.

В связи с определенным распространением в районах орошаемых земель Западной Бенгалии новых сортов

риса и других новшеств, связанных с модернизацией сельскохозяйственного производства, встает вопрос о том, произошли ли сдвиги в системе «вертикальных» связей и в формах организации труда в хозяйствах. Сведения по этому вопросу дают нам материалы упоминавшегося обследования в Бурдване.

Одной из тенденций, по наблюдениям автора, было укрепление традиционных форм найма и постоянных связей в модернизирующихся хозяйствах: «На деле, с введением интенсивного земледелия необходимость иметь гарантированный труд в сезон „пик“ в настоящее время содействовала усилению системы постоянных связей между землевладельцем и работником» [39, 175]. Далее, в системе оплаты труда как махиндаров, так и нагаров и поденных рабочих никаких изменений в последние годы не произошло: по-прежнему заработная плата махиндара состоит из определенной суммы денег и риса (в год 110—150 рупий и 6—7 маундов риса) и включает ежедневное двух-трехразовое питание и набор предметов первой необходимости [39, 176]. Труд нагаров, как и раньше, оплачивается некоторым количеством риса в год. Нагары и поденные рабочие, занятые в сезон „пик“ в хозяйстве землевладельца, получают помимо 1,5—2 рупий в день рис, растительное масло, „биди“ (общей стоимостью 3,5—4 рупии), причем натуральные компоненты дневной заработной платы поденных рабочих сохраняются и по прошествии сезона „пик“; рабочим-мигрантам землевладелец, как и раньше, предоставляет «полный комплект» продуктов и предметов первой необходимости [39, 176—177].

Было бы, по-видимому, неправильным приписывать сохранение старых форм оплаты труда лишь давлению традиции: несомненно, что в том же направлении действует общественная активность сельских низов (столь характерная для некоторых районов Западной Бенгалии), препятствуя разворачиванию «голых» форм эксплуатации, которым «зеленая революция», по сути дела, открывает дорогу. Однако нужно отметить следующее: по-видимому, пока, по крайней мере в Бурдване, это давление осуществляется не столько непосредственно — через прямое сопротивление эксплуатируемых, сколько опосредствованно — через другие механизмы общественной жизни. Во всяком случае, в пользу такого

предположения говорит сложившаяся в Бурдване ситуация: даже нагары и поденные рабочие, менее тесно, чем махиндары, связанные с землевладельцами, «настолько зависят от поддержания хороших отношений с крупными землевладельцами для гарантии даже этого минимального уровня существования, — ибо работников можно привлечь со стороны, — что усилия организовать сельскохозяйственных рабочих Бурдвана полностью провалились» [39, 177].

Материалы того же обследования позволяют получить определенное представление о формах потребления полученного в связи с «модернизацией» дохода. В хозяйствах от 3 до 6 акров дополнительные доходы пошли на непосредственное личное потребление: одежду, бытовые предметы длительного пользования; редкие хозяйства приобрели ручные насосы. В группе хозяйств 8—10 акров большая часть существенно выросших доходов, как отмечает автор, также пошла на непосредственное личное потребление: одежду, образование детей, приобретение часов, транзисторов, велосипедов; и лишь незначительное число хозяйств оказалось способным вложить часть доходов в мелиорацию, в том числе в небольшие трубчатые колодцы, усовершенствованные сельскохозяйственные орудия [39, 173—174]. Однако особый интерес представляют для нас сведения о способе потребления доходов в самых зажиточных хозяйствах, которые уже располагали в конце 60-х годов техническими предпосылками (в виде малых ирригационных сооружений, в ряде случаев в виде усовершенствованных плугов, сеялок и т. п.), достаточными для свершения скачка к капиталистическим формам производства и потребления, использовали значительную часть земель под двух- и трехкратные посевы и увеличили денежный доход с акра в 5—6 раз. Оказывается, и в этой группе хозяйств (12—20 акров) дополнительные доходы также имели тенденцию использоваться на непосредственное потребление: улучшение жилищ, приобретение предметов длительного пользования, образование детей. Некоторая часть доходов вкладывалась в улучшение земель, приобретение техники, наконец (что особенно симптоматично!), в основание новых «предприятий»: рыбные промыслы, молочное хозяйство, организацию лавок и мельниц-крупорушек [39, 174—175]. Нетрудно заметить

что через эти формы потребления как бы «просвечивает» наследственное кастовое занятие землевладельца: служба в государственном аппарате (образование — необходимое условие для этого), торговля и мелкое предпринимательство вне сельскохозяйственного производства (признак представителей торговых и ремесленных каст).

Объективно эти данные говорят о том, что новое, усовершенствованное сельскохозяйственное производство в исследуемых нами районах в значительной степени продолжает обслуживать традиционные потребности, что сельское хозяйство не стало здесь формой «бизнеса», а осталось средством удовлетворения потребностей первой необходимости либо катализатором усиления тенденций к старым формам обогащения (через владение лавкой, мельницей, лодками и другими орудиями рыбного промысла и т. п.).

Что же касается влияния модернизации сельскохозяйственного производства на судьбы общественной борьбы в исследуемых районах штата, то пока, на наш взгляд, рано говорить о существенных изменениях в этом отношении. Объективно (при данных устойчивых традиционных связях) некоторое улучшение экономического положения доминирующих в общественной жизни групп может привести к укреплению их влияния среди бедняцкой массы и как следствие — к более широкому использованию этими группами сельских низов (через так называемую «вертикальную мобилизацию») в борьбе за собственные интересы на политической арене как в деревне, так и на других уровнях.

Было бы, по-видимому, неверно выводить рост напряженности в некоторых районах Западной Бенгалии на рубеже 60—70-х годов непосредственно из «зеленой революции». Мы разделяем точку зрения тех социологов, которые усматривают зависимость между ростом социальной напряженности и удельным весом безземельного населения вообще и люмпенских слоев, выпадающих из традиционной системы связей, в частности [53].

Таким образом, в социально-экономической структуре «традиционной» западнобенгальской деревни преобразующая роль «зеленой революции» еще не проявилась, существенных, качественных сдвигов под влиянием модернизации пока не наблюдалось. Обогащение некоторых групп сельского населения, занимавших высокое

положение в кастовой иерархии, и рост их заинтересованности в новых способах извлечения дохода, которые открылись в связи с «зеленой революцией», служили в основном целям удовлетворения старых потребностей, обусловленных традицией, причем «модернизация» нередко осуществлялась также на базе ранее существовавших докапиталистических форм найма.

Сохранение традиционной системы «вертикальных» (в рамках хозяйств) и «горизонтальных» (в рамках кастовых и подкастовых групп) связей в исследуемых районах было и остается объективной основой для сохранения отсталых форм общественного поведения сельских масс; это способствует устойчивости религиозно-кастового сознания, сознания, принципиально отличающегося от сознания классового.

Что показал «эксперимент» в Комилле. Эксперимент по интенсификации сельскохозяйственного производства в тхане¹⁹ Комилла-Котвали, входившей в состав дистрикта Комилла Восточного Пакистана (ныне Бангладеш), также представляет значительный интерес для изучения взаимосвязи между социальными предпосылками модернизации и результатами целенаправленной и широко финансируемой политики по поддержке мелкого крестьянства.

Дистрикт Комилла относится к районам исключительно высокого уровня аграрного перенаселения, где абсолютно преобладают мелкие и мельчайшие самостоятельные крестьянские хозяйства. Можно отметить ряд исторически сложившихся особенностей социальной и экономической структуры этого района Восточной Бенгалии. Прежде всего, это относительная социальная однородность (в смысле иерархических градаций) основной массы сельского населения, мусульман в своем большинстве. Согласно предположению некоторых исследователей, мусульманское большинство Восточной Бенгалии является потомками одной индуистской земледельческой касты, возможно намашудра [52; 22]. Это обстоятельство определило слабость межкастового раз-

¹⁹ Т х а н а — низшее административное подразделение в Пакистане. Всего в Восточном Пакистане насчитывалось 411 тхан.

деления труда и отсутствие детально разработанной социально-кастовой стратификации в районе. Хотя в сельских поселениях проживали и до сих пор проживают представители индуистских каст (домашние слуги, прачки и др.), однако их удельный вес как в общем составе населения деревень, так и в особенности в экономической жизни практически ничтожен [22, 41; 54, 145]. В то же время существование в мусульманской Бенгалии определенных запретов (сходных с индуистскими кастовыми ограничениями — например, запрещение лицам, имеющим религиозный сан, и некоторым другим категориям населения заниматься непосредственным сельскохозяйственным трудом) обусловило более широкое применение в части хозяйств труда издолщиков [см. 54, 52—54].

Далее, несмотря на существование в этом районе системы заминдари, подавляющее большинство крестьян вело (на протяжении XIX и первой половины XX в.) свое хозяйство независимо и самостоятельно, не имея почти никаких личных и социально-политических отношений с номинальным собственником земли — заминдаром²⁰.

Следует также отметить рано сложившуюся (уже имевшуюся налицо в XVIII и XIX вв.) тенденцию к индивидуальному землепользованию, отсутствие совместной общинной собственности и самой общины как таковой (будь то кастовая или соседская), наконец, изолированность, экономическую разобщенность отдельных землевладельцев [54, 21; 22, 106, 107]. Распространение товарно-денежных отношений сопровождалось в условиях производства мизерного прибавочного продукта и засилья ростовщиков (в основном индусов) ростом задолженности и «отходничеством». Социальный статус жителей деревни был во многом связан с временем поселения в данной местности: более высоким статусом

²⁰ Нередко фискальные связи были прямыми, т. е. не через посредников. Так, в районе Комиллы в 90-х годах XIX в. до 90% сельского населения были самостоятельными землевладельцами, выплачивающими земельный налог непосредственно раджам Трипуры, которые практически не вмешивались в экономическую и социальную жизнь местности [22, 111]. «Отсутствие лендлордизма» в прошлом отмечает как одну из важнейших черт района С. А. Кадир, обследовавший от Пакистанской академии сельского развития деревню Дханишвар в тхане Комилла в конце 50-х годов [54, 33].

обладали потомки основателей деревни, имевшие, как правило, больше земли, постепенно превратившиеся во влиятельный слой сардаров. Семьи-роды сардаров также самостоятельно обрабатывали земли.

К 50—60-м годам XX в. мелкокрестьянские районы Восточной Бенгалии представляли собой конгломерат экономически обособленных мизерных хозяйств-семей (кула), почти не связанных друг с другом [22, 121, 113]. Исследователь П. Берточчи (сотрудник Оклендского университета), подробно описавший «социальную организацию» типичного восточнобенгальского поселения Хаджипур-Тинпара (дистрикт Комилла), обследованного им в 1960—1963 гг., отметил определенную экономико-социальную мобильность сельского общества, отсутствие жесткой социальной иерархии и ярко выраженной концентрации власти в рамках поселения. В то же время в поселении обычно главенствовали в общедеревенских вопросах (разрешение местных конфликтов, созыв собраний) два-три влиятельных рода сардаров, сосредоточивающих в своих руках значительную часть земли. Соответственно, все поселение неформальным образом было разделено на два-три сектора — рейайа. Основная масса мелкого крестьянства входила в один из этих секторов и находилась под покровительством главы рейайа. В некоторых случаях дом наиболее влиятельного сардара играл роль и центра религиозных собраний. Такой характер социальных связей позволял сардарам вовлекать определенную часть крестьянства в свои межгрупповые конфликты [22, 109].

При всем значительном сходстве этой системы связей с той системой, которая сложилась в традиционной индийской деревне, она обнаруживала и существенные отличия: формальное равенство всех жителей деревни в социальном отношении, значительную экономическую самостоятельность мелкого производителя, необязательность подчинения его во всех вопросах главе данного рейайа [см. 22, 109]. Показательно, что П. Берточчи, проанализировав полученные результаты обследования, пришел к выводу, что деревня не является социально-экономической ячейкой и структурной единицей восточнобенгальского сельского общества, и метко назвал сельское население «крестьянством без деревни» [22, 131].

К началу эксперимента в Комилле в восточнобенгальской деревне уже произошла важная перемена (в связи с бегством из района ростовщиков-индусов после отделения Пакистана от Индии): функции субсидирования крестьянства, частично оставаясь за перекупщиками сельскохозяйственной продукции, все более переходят к относительно небольшой прослойке зажиточного крестьянства (5—10% сельского населения) Восточного Пакистана, так называемым «surplus farmers», которые превращаются в паразитическую прослойку, частично прикупая землю и сдавая ее в аренду издольщикам (по системе барга) или вкладывая средства в городской бизнес [66, 67—68]. Неравноправное положение Восточного Пакистана в экономическом и социальном отношении до образования Бангладеш усугубляло застой в его экономическом развитии; меры правительства по стимулированию сельскохозяйственного производства, создание кооперативов и т. п. привели к усилению в деревне экономической роли паразитической прослойки²¹. Однако эту прослойку от традиционной азиатской элиты отличало отсутствие высокого, признанного традицией социального статуса и морального авторитета среди крестьянства.

В общественном сознании и социальной психологии сельских масс исследуемых периферийных мелкокрестьянских районов Бангладеш (мы не касаемся в данном случае районов распространения крупных хозяйств и издольщины, где все социально-экономические и политические процессы имели свои специфические формы) отразилась специфика положения изолированного мелкого крестьянина, который не столько был вписан в систему традиционных деревенских связей, сколько уже выпал из нее: социологи отмечают индивидуализм, фатализм, чувство обреченности перед лицом неминуемого надвигающегося разорения [57, 4, 10, 57, 223] — все это усугубленное сознанием коррумпированности местных административных и иных организаций и их руководителей). Эта апатичность была и причиной и следствием отсутствия в районе политических и классовых органи-

²¹ Ростовщики, проникнув в кредитные общества, нередко брали в кооперативах деньги из расчета 9% годовых и ссужали их мелким земледельцам из расчета 70% годовых [66, 71; см. также 30, 276].

заций, что, в свою очередь, облегчало сосредоточение административных функций в руках экономически господствующего слоя [66, 71, 242—245].

К концу 50-х годов мелкокрестьянские районы восточнопакистанской деревни находились на такой стадии развития, которую пакистанский социолог Р. Собхан охарактеризовал как постепенную «социальную дезинтеграцию, делающую сельское общество не способным к изменениям» [66, 71]. По-видимому, можно принять (хотя и с оговорками) вывод этого исследователя об именно экономической (а не традиционно-социальной) основе административной и политической власти на местах и о том, что изменение экономического «соотношения сил» смогло бы изменить и сам характер политической власти [66, 242].

Эксперимент в Комилле включал, по сути дела, серию проектов, организованных в основном Восточнопакистанским отделением Академии сельского развития и субсидированных «Фондом Форда» и пакистанским правительством²². Целью эксперимента было выяснение потенциальных экономических возможностей мельчайших и мелких крестьянских хозяйств. В качестве объекта был выбран район с чрезвычайно резко выраженным малоземельем (средний размер площади землепользования в хозяйстве составлял 1,7 акра), крайней раздробленностью участков и чересполосицей, район, где 75% домохозяев обрабатывали собственную землю; при доходе на душу населения в 250 рупий, задолженность составляла в среднем 100 рупий [55, 416—417].

Предпосылкой для интенсификации сельскохозяйственного производства должно было стать создание инфраструктуры в виде сети мелиорации, орошения, контроля над водными ресурсами и системы дорог. Однако центральное место в эксперименте занимал проект кооперирования крестьянства, начатый в 1960 г.

Можно условно выделить два этапа в развертывании

²² Восточнопакистанское отделение Академии возглавило организацию перестройки сельскохозяйственного производства в тхане Комилла и распространение опыта на другие районы дистрикта. «Эксперимент» был субсидирован «Фондом Форда» (с конца 50-х годов) и правительством Пакистана (с 1960 г.). К 1968 г. общая сумма финансовой поддержки составила 20 478 тыс. рупий, из которых 11 267 тыс. были представлены правительством Пакистана, 9211 — «Фондом Форда» [57, 317].

«Комиллского опыта»: первый — до 1962 г. — период широкой пропаганды работниками Академии новых методов сельскохозяйственного производства и стихийного вовлечения крестьян в процесс модернизации. Результаты систематических выборочных обследований, проводимых Академией, позволяют выявить некоторые закономерности, наблюдавшиеся на этом этапе: уровень и темпы распространения новых сортов семян и новых методов культивации риса, а также экономический эффект были чрезвычайно низкими²³, состоятельные земледельцы несколько раньше переходили к новым методам [67, 5, 16, 18]; как правило, это были крестьяне не только с большими размерами участков, но и с многочисленными семьями, дополнительными источниками доходов (учительство, торговля, служба), чаще прибегающие к использованию наемной рабочей силы [68, 46—61].

Второй этап начался с создания специального центра по кооперированию в 1962 г.²⁴. Массовому кооперированию предшествовала пропагандистская работа непосредственно среди крестьян, сам устав кооперативов содержал ряд демократических положений²⁵. Первичные кооперативы разрабатывали общий план производства продукции с учетом необходимого количества семян, удобрений и т. д., в некоторых случаях включавший устройство трубчатого насосного колодца и т. п.²⁶ [55, 419—421].

Тенденции, выявившиеся на этом этапе, по характеру несколько отличались от тенденций на первом этапе. По обследованию 1964 г., наибольшие сдвиги наблюда-

²³ Если средний надел крестьян-новаторов по посевам весеннего риса составлял 2,62 акра, то площадь земли, обрабатываемой новым методом, составила лишь 0,43 акра на хозяйство [67, 16, 18].

²⁴ Организованная в 1962 г. Центральная кооперативная ассоциация тханы Котвали стала центром по обучению кадров для первичных кооперативов, а также координатором деятельности всех правительственных учреждений в районе. В ее ведении находились тракторные пункты, электрические насосы и другие орудия, которые сдавались ею в наем первичным организациям [55, 417—418].

²⁵ Особое внимание уделялось инициативе самих крестьян в деле объединения, еженедельным собраниям членов кооператива, организации учета и контроля самими членами и т. п. [57, 49].

²⁶ Трубчатые колодцы оставались в ведении Центральной ассоциации, за каждый акр орошенной земли для первичных кооперативов была установлена весьма низкая плата [55, 422].

лись в группе самых мелких хозяйств (с площадью землепользования до 1 акра): именно в ней был отмечен более интенсивный рост затрат вообще и затрат, связанных с новыми методами обработки, в частности, по сравнению с контрольным районом — тханой Чандина; в средних (1—4 акра), а не в крупных хозяйствах наблюдалось особенно частое применение тракторов (вся техника поступала через кооперативы). В Комилле довольно ярко (по сравнению с Чандиной) обозначилось распространение товарно-денежных отношений, в частности рост товарной продукции, использование наемной рабочей силы, купля-продажа земли. Наконец, сравнение доходов на одного взрослого между тханами Комилла и Чандина позволяет сделать вывод, что изменения в этом показателе также ярче выражены в группе мелких земледельцев. При всем том доходы этой группы оставались намного ниже доходов двух других групп; оборотной стороной выигрыша был и рост задолженности [36, Appendix, E-8—E-14, D-2, D-9 etc]. Тем не менее уже к 1964 г. предоставление мелким и мельчайшим хозяйствам дешевых займов позволило значительно ослабить монополию ростовщиков в деревнях, где были организованы кооперативы: здесь в среднем лишь половина суммы старой задолженности в хозяйстве приходилась на долю ростовщиков, тогда как в прочих деревнях — почти вся сумма [55, 419]. Относительное экономическое ослабление именно верхней, перешедшей к ростовщичеству прослойки крестьянства обозначилось здесь довольно явно [66, 215, 217] ²⁷.

В то же время в первые годы кооперирования было отмечено отсутствие у крестьян энтузиазма в отношении затрат на новые методы сельскохозяйственного производства, нежелание многих землевладельцев участвовать в коллективных расходах на работы по ирригации [55, 420]. Как отмечал один из организаторов эксперимента, Саид Рахим, многие члены кооперативов еще на-

²⁷ Как показало обследование 1964 г., займы были использованы крестьянами на следующие цели, % [55, 419]:

погашение старых долгов	20	удобрения	16
покупка скота	15	затраты на труд	25
семена	3	затраты на жилище	12
домашние расходы	4	выплата подоходного налога с земли	3

ходились (в 1964 г.) в плену традиционной системы ценностей [55, 423].

Ряд объективных экономических показателей говорит о значительных сдвигах в сельскохозяйственном производстве Комиллы к концу 60-х годов, что выразилось в распространении ирригационной техники, расширении применения новых сортов семян, удобрений и ядохимикатов, значительном росте урожайности на территории, охваченной кооперированием. Так, например, количество насосов возросло от 0 в 1961 г. до 37 в 1968 г., количество трубчатых колодцев — от 2 до 81, а общая площадь орошенной земли — с 36 до 518 354 акров [57, 149, 150, 94; см. также 20, 32]. Само кооперирование приняло широкие масштабы. В 1968 г. уже 50% земледельцев Комиллы состояли в кооперативах. Количество сельскохозяйственных кооперативов выросло с 8 в 1961 г. (376 членов) до 261 в 1968 г. (11 518 членов), а их депозиты — с 38 500 рупий до 1 102 724 рупий [57, 96, Appendix. Table D].

Объединение и совместное использование техники и ирригационных сооружений дали возможность крестьянам не только повысить жизненный уровень, но и вернуть часть земель, заложенных у ростовщиков, а также ликвидировать часть долгов ростовщикам [57, 271]. Большое значение для увеличения доходов крестьянства имела организация общественных работ в районе, позволившая значительно увеличить занятость беднейшего крестьянства, особенно в «мертвый сезон».

Кооперирование, оживление работы местных административных органов оказали существенное влияние на социальную психологию крестьянства. Как отмечает американский социолог А. Пэйпер в монографии об эксперименте в Комилле, наиболее важным сдвигом было преодоление традиционной косности, изолированности и индивидуализма в сельских массах, появление на смену апатии и обреченности нового чувства взаимозависимости и необходимости коллективных усилий, особенно существенных для юношества [57, 97, 273—274]. Однако оппозиция крестьян каким бы то ни было попыткам ввести совместное землепользование к концу 60-х годов еще не была преодолена [57, 5].

При всей значительности отмеченных выше социально-психологических сдвигов было бы интересно проана-

лизировать процесс, развертывающийся в рамках самих кооперативов. В этом отношении показательны результаты обследования качества кооперативов (1966 г.), включающего такие критерии (помимо технико-экономического прогресса), как активность членов, частота собраний, отношение к руководству, социально-психологический «климат» в кооперативе. Треть кооперативов была признана плохими, треть — хорошими и треть — средними; в «плохих» кооперативах наблюдалось злоупотребление денежными фондами, автократические методы руководства, недоверие членов к председателю общества, наконец, сосредоточение руководства кооперативом в руках «клики» [см. 57, 88—89]. Факты чрезвычайно важные: объективно они говорят о том, что в значительной части кооперативов начинает верховодить зажиточная прослойка сельского населения, возможно, тот самый слой, от ростовщического гнета которого сумели частично освободиться бедняцкие слои именно благодаря кооперативам.

Успешность эксперимента в Комилле общепризнанна [20, 32]. Действительно, благодаря целенаправленным усилиям сверху и широкому субсидированию удалось, во-первых, стабилизировать экономическое положение катастрофически разорявшегося мелкого крестьянства; во-вторых, создать через кооперирование новые, более прогрессивные формы экономических и социальных связей; в-третьих, в определенной мере перестроить саму социальную психологию сельского производителя. Трудно делать какие-либо прогнозы, однако можно предположить, что создание политических организаций среди этого активизирующегося крестьянства — в новых условиях существования демократического государства Бангладеш — закрепило бы свершившиеся сдвиги и помогло бы стать мелкому крестьянству активной общественной силой и хозяином своей судьбы.

Сравнительный анализ некоторых особенностей развертывания «зеленой революции» в трех районах Южной Азии во второй половине 60-х годов показывает, что, по сути дела, пока не представляется возможным свести в едином резюме разнообразные социальные последствия этого процесса в различных районах. По-видимому, можно ставить вопрос о различных «моделях» развертывания так называемой зеленой революции на

различных территориях Азии в соответствии с имеющимися социально-экономическими предпосылками. Как приведенный выше материал, так и исследования по другим районам Азии в целом и Индии в частности позволяют сделать вывод о том, что субсидированные государством меры по перестройке сельскохозяйственного производства могут сыграть свою преобразовательную революционную роль как минимум при одном из двух условий: 1) наличии широкого слоя самостоятельно хозяйствующего собственнического крестьянства; 2) значительной ослабленности системы традиционных связей во всех ее проявлениях.

В соответствии со сложившимися предпосылками, а также формами участия государства в процессе модернизации сельскохозяйственного производства во второй половине 60-х годов можно выделить следующие местные варианты «зеленой революции» на Индостане:

I. Районы, где «зеленая революция» сыграла свою преобразующую роль. Это, прежде всего, эпицентры «зеленой революции» (например, Центральный и Западный Пенджаб), где она нашла себе более или менее подходящий базис и выступила в роли ускорителя уже существовавших в аграрном обществе тенденций, начав наступление на сферу наиболее консервативного и устойчивого проявления традиционных общественных связей — на систему потребностей и социальную психологию сельских хозяев.

Это, далее, примыкающие к эпицентру районы с широким распространением различных традиционных форм найма и издольной аренды (например, Восточный и Северный Пенджаб), где сдвиги в сторону капитализации системы производства сопровождались более жестким, резким и насильственным разрывом традиционных «вертикальных» связей, сгоном издольщиков и т. д. и как следствие — ростом социальной напряженности.

II. Районы, где преобразующее воздействие «зеленой революции» не проявилось. Это территории, где абсолютно доминировала традиция, проявляясь как в специфике «вертикальных» и «горизонтальных» связей, так и в характере потребностей сельского населения (некоторые дистрикты Западной Бенгалии). Здесь частичная модернизация сельскохозяйственного производства происходила при сохранении системы традиционных связей в ее

важнейших проявлениях и пока не наблюдалось в целом ослабления традиционного сектора. Объективно курс на модернизацию сельского хозяйства укрепил в этих районах уже существовавшую тенденцию к консолидации старых доминирующих групп с новыми «парвеню» в едином слое, под руководством традиционной элиты. Общественная борьба сельских масс здесь в большой степени носит печать традиционных связей.

Сюда же можно отнести территории, где наиболее архаические типы традиционных «вертикальных» связей были частично ослаблены, где получили распространение различные формы издольной аренды (барга и др.) (Андхра Прадеш, район Коши в Бихаре, районы барги в Западной Бенгалии). Тут под влиянием комплекса мер, направленных на модернизацию сельского хозяйства, резко усилилась имущественная дифференциация, наблюдается «территориальная экспансия» зажиточных хозяйств (без существенной перестройки кастовой психологии и традиционной системы потребностей доминирующих зажиточных групп населения), а также рост недовольства, особенно среди бывших баргадаров-издольщиков.

III. «Экспериментальные» районы мелкокрестьянского землевладения, получившие в централизованном порядке большую помощь извне, в основном со стороны государства (например, Комилла, ряд районов Индии). Опыт Комиллы показал возможность быстрого перевода крестьянства в русло новой жизни при условии ослабленности традиционной иерархии, жесткой «вписанности» крестьянина в архаическую систему связей, возможность стабилизации экономического положения мелкого крестьянства на путях его кооперирования и в некоторых случаях выхода его из состояния социальной апатии. В мелкокрестьянских районах Индии с сильными пережитками традиционных связей политика государства все время сталкивается с парализующим воздействием кастовой системы, с сопротивлением верхушки сельского общества. Дальнейшая судьба «мелкокрестьянских очагов» Индостана будет, очевидно, зависеть от экономических возможностей государства и от общего направления социально-экономического развития страны.

В целом нужно иметь в виду, что даже там, где «зеленая революция» выступила насильственным разруши-

телем старой системы производственных отношений, она положила лишь самое робкое начало сдвигам в более сложных и опосредствованных формах социальных связей — в общественном сознании и социальной психологии сельского населения. Следствием «зеленой революции» является то, что она способствовала в основном еще большему усилению существовавших различий в аграрном строе разных районов и усилению «мозаичности» аграрного общества стран в целом.

1. К. Маркс, Экономические рукописи 1857—59 годов, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 46, ч. I.
2. К. Маркс, Капитал, т. III, ч. II, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 25, ч. II.
3. Алаев Л. Б., Роль касты в землевладении и землепользовании в XIX в. (на материале Северо-Западных провинций и Ауда). Доклад, прочитанный на Рейснеровских чтениях в Институте востоковедения АН СССР в апреле 1971 г., (рукопись).
4. Алаев Л. Б., Соседская община и кастовая община, — «Народы Азии и Африки», М., 1972, № 4.
5. Алаев Л. Б., Типология индийской общины, — «Народы Азии и Африки», 1971, № 5.
6. Баграмов Л., Зеленая революция: свет и тени, — «Мировая экономика и международные отношения», 1972, № 8.
7. Классовая борьба в современной индийской деревне, М., 1968 г.
8. Крылов В. В., О некоторых особенностях общественного развития стран «третьего мира» на современном этапе. Доклад, прочитанный в ряде подразделений Академии наук СССР в январе—феврале 1972 г. (рукопись).
9. Крылов В. В., О социально-экономической природе наемного труда в городах афро-азиатских стран (тезисы), — сб. «Средние (городские) слои в развивающихся странах Азии и Африки. Материалы к симпозиуму Института востоковедения», ч. II, М., 1972.
10. Колонтаев А. П., Разложение сельского ремесла и возникновение новых отраслей мелкой промышленности в Индии, М., 1968.
11. Кудрявцев М. К., Община и каста в Хиндустане, М., 1971.
12. Растянников В. Г., Аграрная эволюция в многоукладном обществе. Опыт независимой Индии, М., 1973.
13. Растянников В. Г., Аграрная эволюция в развивающихся странах Востока (некоторые вопросы методологии исследования), — сб. «Деревня современного Востока: Основные пути эволюции (Материалы конференции в Институте востоковедения АН СССР)», М., 1973.
14. Растянников В. Г., Наемный труд в сельском хозяйстве Пенджаба, — «Ученые записки Института востоковедения», т. XVIII, М., 1957.
15. Семенова Н. И., Государство сикхов. Очерки социальной и

- политической истории Пенджаба с середины XVIII до середины XIX века, М., 1957.
16. Семенова Н. И., Сельская община и феодальное землевладение в государстве Ранджит сингха (Пенджаб первой половины XIX в.), — «Ученые записки Института востоковедения», т. XII, М., 1955.
 17. Скоров Г., «Зеленая революция» как проявление научно-технического прогресса, — «Мировая экономика и международные отношения», 1973, № 2.
 18. Aggarwal P. C., Impact of Green Revolution on Landless Labour, — «Economic and Political Weekly», Bombay, 1971, vol. VI, № 47.
 19. «Agricultural Labour Enquiry»: a) «Report of Intensive Survey of Agricultural Labour», Delhi, 1955, vol. II—III. b) «Rural Manpower and Occupation Structure», Delhi, 1954.
 20. Ahmad Z. M., The Social and Economic Implication of the Green Revolution in Asia, — «International Labour Review», Geneva, 1972, vol. 105, № 1.
 21. Amir Ali H., Then and Now (1933—1958). A Study of Socio-economic Structure and Change in Some Villages Near Visva-Bharati University Bengal, Calcutta, 1960.
 22. Bertocci P. I., Patterns of Social Organization in Rural East Bengal, — «Bengal East and West», Asian Studies Center, East Lansing, 1969.
 23. Bhattacharjee J. P., Sahajapur, Socio-economic Study of a West Bengal Village, Shantiniketan, 1958.
 24. Blanckenburg P. von, Who Leads Agricultural Modernization. A Study of Some Progressive Farmers in Mysore and Punjab, — «Economic and Political Weekly», Bombay, 1972, vol. VII, № 40.
 25. Byres T. G. The Dialectic of Indias Green Revolution, — «South Asian Review», London, 1972, vol. 5, № 2.
 26. «Census of India 1961», vol. XIII, pt VI, № 36, Village Survey Monograph of Punjab. Kurran, New Delhi, 1962.
 27. «Census of India 1961», vol. XVI, pt VI (4). Village Survey Monograph of West Bengal. Raibaghini, Delhi, 1966.
 28. Chattopadhyay G. Ranjana, A Village in West Bengal, Calcutta, 1964.
 29. Chowdhury B. K. Disparity in Income in Context of HYV, — «Economic and Political Weekly», Bombay, 1970, vol. V, № 39.
 30. Chandra N. K., The Class Character of the Pakistani State, — «Economic and Political Weekly», Bombay, 1972, vol. VII, № 5—7 (Annual Number).
 31. Critchfield R., «Green Revolution» — Most Significant of This Decade, — «Science and Culture», Calcutta, 1971, vol. 37, № 10.
 32. Danda A. K., Danda D. G., Adoption of Agricultural Innovations in a West Bengal Village, — «Man in India», Ranchi, 1972, vol. 52, № 4.
 33. Datta A. K., Politics in Village India: An Enquiry into the Structure of Power in Jagannathbarh, — «Tropical Man. Yearbook», Leiden, 1970.

34. Deb P. C., Agarwal B., Green Revolution and Expenditure Patterns in Rural Punjab, — «Society and Culture», Calcutta, 1972, vol. III, № 1.
35. Falcon W. P., The Green Revolution: Generation of Problems, — «American Journal of Agricultural Economics», Urbana, 1970, vol. 52, № 5.
36. Faruk A., Rahim S. A., Modernizing Subsistence Agriculture. An Experimental Survey, Dacca, 1967.
37. Fliegel F. C., Roy P., Sen L. K., Kilvin J. E., Agricultural Innovations in Indian Villages, Hyderabad, 1968.
38. Frankel F. R., Agricultural Modernization and Social Change, — «Mainstream», New Delhi, 1969, vol. 8, № 13, 15.
39. Frankel F. R., Indias Green Revolution. Economic Gains and Political Costs, Princeton, Bombay, 1971.
40. Frankel F. R., Indias New Strategy of Agrarian Development. Political Costs of Agrarian Modernization, — «The Journal of Asian Studies», Ann Arbor — Baltimore, 1969, vol. 28, № 4.
41. Herdt R. W., Baker E. A., Agricultural Wages, Production and the High-Yielding Varieties, — «Economic and Political Weekly», Bombay, 1972, vol. VII, № 13.
42. Indias Village. A Collection of Articles Originally Published in the «Economic Weekly» of Bombay, West Bengal Government Press, 1955.
43. Kahlon A. S., New Farm Technology — Its Implications in Agricultural Economics, — «Indian Journal of Agricultural Economics», Bombay, 1970, vol. 25, № 4.
44. Lahiri R. K., Impact of HYVP on Rural Labour Market, — «Economic and Political Weekly», Bombay, 1970, vol. 5, № 39.
45. Ladejinsky W., Green Revolution in Bihar, — «Economic and Political Weekly», Bombay, 1969, vol. IV, № 39.
46. Ladejinsky W., The Green Revolution in Punjab. A Field Trip, — «Economic and Political Weekly», Bombay, vol. IV, № 26, 1969.
47. Ladejinsky W., Ironies of India's Green Revolution, — «Foreign Affairs», New York, 1970, vol. 48, № 4.
48. «Link», Delhi, 1972, vol. 14.
49. Misra V. N., Vyas Y. S., Tyagi D. S., New Agricultural Strategy and Small Farmers, — «Economic and Political Weekly», Bombay, 1969, vol. IV, № 13.
50. Mudhopadhyay T., The Jajmani Relationship in Rural West Bengal, — «Bengal East and West», Asian Studies Center, East Lansing, 1969.
51. Mukherjee R., The Dynamics of Rural Society. A Study of the Economic Structure in Bengal Villages, Berlin, 1957.
52. Nicholas R. W. Ecology and Village Structure in Deltaic West Bengal, — «Economic Weekly», Bombay, 1963 (Special Issue Number).
53. Oomen T. K., Green Revolution and Agrarian Conflict, — «Economic and Political Weekly», Bombay, 1971, vol. VI, № 26.
54. Quadir S. A., Village Dhanishwar — Three Generation of Man-Land Adjustment in a East Pakistan Village, PAVD, Comilla, 1960.
55. Rahim S. A., The Comilla Programm in East Pakistan, — «Subsistence Agriculture and Economic Development», Chicago, 1965.

56. Ranim S. A., A Comparative Study of Improved and Country Methods of Paddy Cultivation, PAVD, Comilla, 1959.
57. Paper A. F., Rural Development in Action. The Comprehensive Experiment at Comilla, East Pakistan, Ithaca—London, 1970.
58. Rudra A., Majid A., Talib B. D., Big Farmers of Punjab. Some Preliminary Finding of a Sample Survey,—«Economic and Political Weekly», Bombay, 1969, vol. IV, № 39.
59. Rudra A., The Green and Greedy Revolution,—«South Asian Review», London, 1971, vol. 4, № 4.
60. Rudra A., Employment Pattern in Large Farms of Punjab,—«Economic and Political Weekly», Bombay, 1971, vol. VI, № 26.
61. Schuller M., Mellor J. W., New Seed Varieties and the Small Farm,—«Economic and Political Weekly», Bombay, 1972, vol. II, № 13.
62. Sen B., Capital Inputs in Punjab Agriculture 1950—1951 to 1964—65,—«Economic and Political Weekly», Bombay, 1970, vol. V, № 52.
63. Shastri B. D., Quickening the Pace of Agricultural Development,—«Economic and Political Weekly», Bombay, 1971, vol. VI, № 26.
64. Singh H. M. A., Village Leadership (A Case Study of Village Mohali in Punjab), Delhi, 1968.
65. Sinha D., Indian Villages in Transition (A Motivational Analysis), New Delhi, 1969.
66. Sobhan R., Basic Democracies Work Programme and Rural Development in East Pakistan, Dacca, 1968.
67. Zaidi W. H., Adoption of Improved Methods of Paddy Cultivation in Comilla Development Area II (Aus 1960), PAVD, Comilla, 1961.
68. Zaidi W. H., An Investigation into Factors Related to the Adoption of Improved Methods of Aman Paddy Cultivation in Comilla Development Area, PAVD, Comilla, 1960.

В. Р. Миньяр-Белоручев

«ЗЕЛЕНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» И ПРОБЛЕМА ЗАНЯТОСТИ

(на примере Индии)

В последние годы в экономике ряда развивающихся стран все более важную роль играет новое, быстро прогрессирующее и уже весьма значительное явление, получившее название «зеленая революция». Ее можно определить как начало научно-технического прогресса в сельском хозяйстве на базе новых высокоурожайных сортов зерновых. Влияние этого процесса не ограничивается сельскохозяйственным производством, оно отражается в важнейших областях экономической и социальной жизни.

Значительный интерес представляет рассмотрение воздействия «зеленой революции» на занятость — одну из самых серьезных и актуальных проблем современной Индии, где последние два десятилетия в результате действия ряда причин неуклонно увеличивалась безработица, возрастало аграрное перенаселение.

Первые результаты агротехнического переворота показали существенный рост использования живого труда. В определенной степени подтверждается точка зрения известного шведского экономиста Мюрдаля, подчеркивающего, что внедрение современной техники в земледелие Южной Азии не уменьшает, а увеличивает занятость, так как дополнительное число рабочих требуется для расширения посевных площадей и осуществления различных мероприятий, связанных с улучшенной сельскохозяйственной практикой [24, 1296]. Однако все это верно лишь для начального, трудоемкого этапа интенсификации земледелия (до перехода к широкой механизации). В большинстве районов «зеленой революции» в

Индии первый этап еще не пройден. Правда, спрос на современные сельскохозяйственные машины значительно повышается, но пока они используются в очень ограниченных масштабах, и поэтому на занятость в основном влияет внедрение новых сортов семян и соответствующих им методов земледелия без механизации. Все это увеличивает потребность в рабочей силе ввиду необходимости более тщательной обработки земли, лучшего ухода за посевами, дополнительного труда по внесению удобрений и пестицидов, орошению полей, прополке сорняков, по сбору возросшего урожая и т. п. Занятость повышается и в результате увеличения числа урожаев в год при благоприятных климатических условиях, так как новые сорта значительно быстрее созревают, чем старые.

Обследования в семи дистриктах семи штатов Индии в 1966/67 г. показали, что новые сорта зерновых в среднем требуют на 39% больше расходов на наемный труд, чем старые (71,1 рупий против 50,9 рупии на акр), причем максимальное превышение достигнуто в округе Каттак (штат Орисса) — на 144% (105,3 рупии против 43,0), а в двух районах результаты прямо противоположны, особенно в Танджавуре (штат Тамилнад), где расходы сократились на 15% (39,6 рупии против 45,7 рупии на акр) [27, 75]. В то же время, как указывается в обзоре Агентства международного развития (США), за 1969 г., высокоурожайные сорта риса требуют в два раза больше расходов на заработную плату сельскохозяйственным рабочим, чем традиционные сорта [9, 103]. Примерно такое же соотношение дают расчеты Р. Р. Лахири на основе обследований различных районов Индии. Так, в 1967/68—1968/69 гг. средняя занятость на 1 га посевов новых сортов риса составила 161 человеко-день в год, а старых — 82; по пшенице соответственно — 45 и 22 человеко-дней. В результате общий рост использования наемного труда в Индии оценивается в 446,1 млн. человеко-дней [23, А-112]. Если принять за полную занятость одного человека 300 дней в году, то увеличение числа сельскохозяйственных рабочих к середине 1969 г. в результате «зеленой революции» составит почти 1,5 млн., а к середине 1972 г. — 2,7 млн.

Все эти данные отражают в основном рост спроса на наемный труд в аграрном секторе и, следовательно, раз-

витие земледельческого капитализма, что далеко не соответствует реальному изменению занятости. Ведь одновременно «зеленая революция» ускоряет и обратный процесс: отмирание традиционных укладов, выталкивание из них беднейших крестьян в результате их разорения и, главное, в результате сгона арендаторов с земли, так как ее собственникам становится выгодней вести капиталистическое хозяйство, превращая арендаторов в наемных рабочих, а иногда и заменяя их тракторами и другими машинами. Для определения конечного результата следует воспользоваться наиболее точным показателем изменения потребности в живом труде — движением реальной заработной платы, которая лучше всего отражает соотношение спроса и предложения на рынке рабочей силы. По данным Джеймса Гауха, во всех районах Пенджаба и Харианы — главных штатах «зеленой революции» — этот показатель в конце 60-х годов существенно возрастает: в среднем с 2,36 рупии в день в 1956/57 — 1957/58 гг. и 2,41 в 1963/64 — 1964/65 гг. до 3,02 рупии в 1968/69—1969/70 гг. [17, А-19]. Следовательно, за семь лет до середины 60-х годов реальная заработная плата сельскохозяйственных рабочих увеличилась лишь на 2%, а за пять следующих лет, как раз с начала технологического сдвига в земледелии, более чем на 25%. Тот факт, что в настоящее время «зеленая революция» стимулирует существенный рост занятости в сельском хозяйстве, подтверждают все известные нам источники по данной проблеме.

Более спорным является вопрос о воздействии агротехнического переворота на изменение распределения занятости в году. По утверждению одного из руководителей ФАО (ООН), профессора Митчела Сэпида, здесь происходит определенное улучшение: наибольший рост спроса на рабочую силу приходится на период минимальной потребности в ней [12, 6]. Однако он ничем не аргументирует свою точку зрения. Как нам представляется, все это может быть верно преимущественно в тех случаях, когда «зеленая революция» позволяет повысить число урожаев в год. В большинстве же случаев реальный процесс идет в противоположном направлении. Например, обследование шести деревень в Райпуре — районе внедрения новых сортов и соответствующей им технологии — показало, что в период 1965/66—1968/69 гг.

число занятых рабочих увеличилось в три раза, а заработная плата возросла на 150% в пиковый период и на 100% в остальное время года [6, А-11]. Следовательно, неравномерность спроса на живой труд в течение года усиливается под воздействием агротехнического сдвига. Такое положение В. Ладежинский и З. Ахмад называют «ухудшением занятости при росте заработной платы» [22, 764; 7, 10].

В целом же современный этап «зеленой революции» является трудоемким, т. е. процесс производства требует больших затрат живого труда. Но уже на этом этапе возникают факторы, которые ведут к ограничению роста занятости. Дело в том, что внедрение современных средств и методов производства не может не повышать производительности труда. Поэтому, как показывают результаты деятельности опытных станций, хотя для максимальной урожайности и требуется дополнительная рабочая сила, производство растет быстрее, чем занятость. Последняя в результате «зеленой революции» увеличивается в расчете на 1 га, но на единицу продукции (1 т) снижается, например, в Турции, Индии и Пакистане — в среднем на 20% [10, 21].

Если учесть также и то, что возможности роста производства продовольственных товаров в конечном счете ограничены потребностями людей, а в конкретных условиях развивающихся стран еще и их низкой покупательной способностью, все факторы, указанные выше, должны привести на определенном этапе не только к относительному, но и к абсолютному уменьшению использования рабочей силы в сельском хозяйстве. Такая тенденция будет усиливаться по мере роста внедрения машин, сберегающих труд, что во многом является результатом и в определенной степени составной частью «зеленой революции». Ведь высокоурожайные сорта значительно повышают эффективность механизации земледелия, без которой нельзя достигнуть требуемого качества полевых работ. Кроме того, применение современных машин становится более выгодным в условиях роста занятости и заработной платы на первом этапе агротехнического сдвига. Недаром в Индии в последние годы наблюдается быстрое увеличение спроса на сельскохозяйственные машины, который удовлетворяется весьма слабо. Так, в 1970 г. производство и импорт

тракторов не достигли и 30 тыс. штук, потребность же в них оценивалась Плановой комиссией в 65 тыс., а к 1974 г. — уже в 385 тыс. (по другим оценкам — даже 780 тыс.) [15, 61; 29, 2.VII.1971].

Значительный рост механизации — важнейшее и незаменимое средство ускорения развития сельского хозяйства и достижения самообеспечения продовольствием даже при огромном избытке рабочей силы. Во-первых, расширение обрабатываемых площадей нередко возможно только с помощью тракторов (освоение целинных и залежных земель, распашка глинистых почв, бывших пастбищ и т. п.). Во-вторых, использование механической силы позволяет значительно быстрее проводить вспашку, сев и жатву, что сокращает потери зерна и увеличивает число урожаев в год, снимаемых с данного участка (особенно при выращивании новых, быстро созревающих сортов). В-третьих, применение машин улучшает качество сельскохозяйственных работ и тем самым повышает урожайность. В-четвертых, механизация позволяет значительно расширять орошаемые площади и улучшать качество ирригации (давать больше воды на 1 акр), резко удешевляя ее. Так, в Индии 10 тыс. л воды в случае доставки ее с глубины в 40 футов стоит 495 рупий при ручном орошении, 345 рупий при использовании рабочего скота и всего 60 рупий при применении дизельного двигателя [9, 105]. В-пятых, рост внедрения тракторов позволяет уменьшать число тягловых животных и, следовательно, увеличивать площади под продовольственными культурами за счет пастбищ и посевов кормов. В-шестых, это лучше сохраняет влагу в засушливых районах, так как более глубокая, тракторная вспашка задерживает дождевую воду в почве.

Кроме того, механизация сельского хозяйства ведет к уменьшению занятости лишь в конечном счете, при широком внедрении капиталоемких, сберегающих труд машин. При низком же производственно-техническом уровне земледелия в Индии влияние механизации на использование живого труда не однозначно, а многогранно и противоречиво. С одной стороны, современная машина намного производительнее традиционных орудий труда и потому часто заменяет нескольких рабочих. С другой стороны, механизация создает и новые виды более квалифицированного и лучше оплачиваемого тру-

да — управление машинами и организация их эксплуатации (уход за ними, ремонт и т. п.). Сельскохозяйственные машины, особенно тракторы, могут повышать занятость в тех случаях, когда они позволяют расширять обрабатываемые и орошаемые площади, снимать с данного участка дополнительный урожай (в результате ускорения основных сельскохозяйственных операций при выращивании новых, быстро созревающих сортов). Спрос на рабочую силу возрастает также благодаря увеличению объема работ по первичной обработке, сортировке, транспортировке и хранению зерна, так как его товарное производство резко повышается в результате механизации земледелия. Суммарный же эффект зависит от этапа, условий, форм и степени развития последней.

О важной роли условий и методов использования механизации свидетельствуют результаты изучения хорошо орошаемых земель на фермах в Пенджабе размером около 10 акров каждая с типичной посевной структурой. При применении традиционных методов земледелия на 1 акр требуется в год не менее 51 человеко-дня живого труда, а при использовании широкого комплекса современных машин — всего 25,6 человеко-дня, однако, если механизация позволяет увеличить число урожаев в год, спрос на рабочую силу возрастает почти до первоначального уровня — 49,4 человеко-дня [25, 1167].

В то же время местные особенности сельской механизации нередко приводят к весьма однозначному ее влиянию на изменение занятости. При этом результаты многих обследований порой позволяют делать диаметрально противоположные выводы. Так, организации, выражающие интересы беднейших слоев деревни, особенно бесправных арендаторов и сельскохозяйственных рабочих, стремятся заставить правящие круги принять меры по ограничению механизации, поскольку не без оснований опасаются, что рост использования современных машин в земледелии может привести к уменьшению занятости и, следовательно, к ухудшению положения мелкого крестьянства. Вместе с тем крупные капитализирующиеся землевладельцы, испытывающие нехватку современной сельскохозяйственной техники, которую очень трудно достать, поддерживают теорию

о положительном влиянии механизации земледелия на решение проблемы безработицы.

Например, по мнению Х. Бханона, ряд экономистов Пенджаба считает, что в настоящее время и даже в ближайшем будущем механизация ферм увеличивает использование живого труда. Это якобы подтверждается развитием их штата, в котором больше всего в Индии используется тракторов и механических насосов на 1 га, почти полностью механизированы молотильные операции и одновременно повышается занятость в сельском хозяйстве [8].

В действительности, однако, рост спроса на рабочую силу в Пенджабе — результат прежде всего трудоемкого этапа агротехнического сдвига, охватившего значительную часть штата, в то время как механизация полевых работ даже здесь получила развитие лишь в узкой группе зажиточных хозяйств и оказывает меньшее воздействие на занятость, чем новые сорта и другие первичные компоненты «зеленой революции».

Однако выводы о том, что внедрение современных машин повышает потребность в живом труде, подтверждаются результатом изучения ферм в Фирозпуре (штат Пенджаб): на тех из них, где используются тракторы, занятость на единицу площади на 7% выше, чем на остальных, где они отсутствуют [19, 399]. Подобная концепция весьма последовательно развита профессором Государственного университета штата Огайо (США) С. Джолом. В своем исследовании он подробно объясняет, каким образом рост использования тракторов и замена ими тягловых животных ведут к заметному повышению спроса на рабочую силу, подтверждая это цифровыми данными по прогрессивным фермам Пенджаба (табл. 1). С. Джолл приходит к выводу, что «в развивающихся странах «нет социальных препятствий для роста механизации сельского хозяйства, так как еще далеко до точки насыщения, после достижения которой начнется падение занятости» [20, 23].

Едва ли можно согласиться с таким категорическим заключением. Ведь автор без каких бы то ни было оговорок, на основании результатов обследований сравнительно небольшой группы ферм одного штата и лишь за три года делает вывод по всему «третьему миру», игнорируя не менее обоснованные данные ряда других

Таблица 1
Сельская механизация и занятость на современных
прогрессивных фермах Пенджаба*

	1966/67 г.	1967/68 г.	1968/69 г.	1969/70 г.	Прирост (+) или сокраще- ние (-) за 1966/67— 1969/70 гг., %
Количество часов работы в год на акр:					
тракторов	11,9	9,6	12,7	17,2	+ 44,3
тягловых животных . .	127,5	76,2	48,4	35,7	- 72,0
Отношение посевной пло- щади к обрабатываемой, %	126,7	132,1	135,4	144,3	+ 13,9
Затраты живого труда на акр за год, человеко- часы	346	408	443	490	+ 41,6

* [20, 8].

экономистов, которые свидетельствуют об обратном. Так, по подсчетам С. С. Гревала и А. С. Кахлона, в юго-восточных дистриктах того же Пенджаба средняя занятость на акр в человеко-днях при использовании тягловой силы составляет 47,2, а при применении тракторов — 38,5 [18, 337]. Следовательно, здесь механизация уменьшает потребность в рабочей силе на 18,4% (расчеты наши). Почти такие же результаты по развивающимся странам в целом дают обобщающие оценки группы экономистов во главе с М. Юдельманом: рост механизации земледелия в результате «зеленой революции» уменьшает использование живого труда в сельском хозяйстве на 17—27% на 1 га [28, 13]. Эта тенденция во много раз сильнее проявляется в пакистанском Пенджабе, в крупных хозяйствах которого уровень насыщения современной техникой весьма высок. Там занятость на 60 обследованных фермах в результате механизации уменьшилась с 2 тыс. до 340 человек, из которых 100 работают на тракторах [7, 23].

Таким образом, не только в различных районах «третьего мира», но даже в пределах одного индийского

штата — Пенджаба внедрение современных земледельческих машин в ряде хозяйств увеличивает, а в других — сокращает потребность в рабочей силе. К сожалению, не представляется возможным с достаточной степенью точности оценить общий итог развития этого процесса. Все же, видимо, пока преобладают трудоемкие элементы в процессе механизации сельского хозяйства, так как ее уровень в большинстве тех немногих хозяйств, где она вообще имеет место, весьма низкий. Ведь если в наиболее развитом штате современная техника в определенной группе ферм повышает занятость, то в остальных районах еще больше оснований ожидать аналогичных результатов. Правда, абсолютный прирост использования живого труда будет едва ощутимым: во многих хозяйствах происходит обратный процесс, да и сама механизация охватывает лишь ничтожную часть обрабатываемых земель.

Но и такое положение может сохраняться лишь в недалеком будущем (5—10 лет). Затем неизбежно все более отчетливое проявление общей закономерности современного научно-технического прогресса в сельском хозяйстве: вытеснение живого труда машинами. При этом еще значительный период, видимо, следующие 15—20 лет, в Индии абсолютное уменьшение спроса на земледельческий труд в результате механизации не примет больших размеров, так как оно будет в большой степени компенсировано ростом занятости благодаря развитию «зеленой революции» вширь: на ряд районов распространится ее первый трудоемкий этап. Однако в дальнейшем (лет через 20—30) неизбежно наступление этапа широкого, местами сплошного применения современных машин, что приведет к выталкиванию многих миллионов трудящихся из сельского хозяйства. Подтверждением служит опыт развитых стран. Например, в аграрном секторе США людей уже меньше, чем тракторов [5, 87]. Но это не обязательно влечет за собой значительный рост числа безработных: одновременно увеличивается занятость в городах — в промышленности и инфраструктуре. В Индии возможности этого пока очень ограничены. Несмотря на все усилия правительства, темпы индустриализации были недостаточны даже для того, чтобы сдержать повышение безработицы в результате естественного прироста населения.

Правда, в этой области «зеленая революция» может сыграть положительную роль. Прежде всего агротехнический переворот значительно ускоряет развитие сельского хозяйства и тем самым содействует существенно ослаблению основной внутривоспроизводительной диспропорции, тормозящей экономический рост в стране, — сильного отставания аграрного сектора от промышленности. В то же время интенсификация и модернизация земледелия способствуют ускорению развития товарно-денежных отношений и отмиранию докапиталистических пережитков. Все это несколько улучшает условия для экономического прогресса и роста занятости.

Кроме того, как всякий крупный технический переворот, «зеленая революция» стимулирует развитие смежных производств, в первую очередь агропромышленности и сельскохозяйственной инфраструктуры. Это происходит в результате быстрого повышения спроса на химические удобрения, пестициды, ирригационное оборудование (особенно электронасосы), тракторы и другие сельскохозяйственные машины. Рост производства зерна требует расширения и улучшения рыночного обслуживания (строительства современных торговых центров, складов для хранения зерна, удобрений, пестицидов и др.), а также развития транспортного хозяйства и особенно строительства дорог в сельской местности типа «ферма — рынок». Последнее является наиболее трудоемким производством, которое в условиях Индии почти не включает постоянного капитала.

Таким образом, «зеленая революция» создает значительные возможности для роста занятости в отраслях, прямо или косвенно связанных с сельским хозяйством и производством потребительских товаров, но из-за нехватки финансовых и технических средств (несмотря на иностранные займы) в настоящее время эти возможности реализуются в весьма ограниченных масштабах: в лучшем случае число рабочих мест может быть увеличено здесь на 300—500 тыс., что для Индии является каплей в море. В ближайшем будущем эти цифры едва ли существенно повысятся. Во всяком случае, если не произойдут коренные социально-экономические преобразования, то ожидать значительного роста экономики и занятости оснований мало.

В этой связи заслуживает внимания составленный

М. Л. Дантвалой прогноз изменения потенциальной рабочей силы Индии в возрасте 15—59 лет. Согласно этому прогнозу ее прирост в 1971—1981 гг. составит 60 млн. человек (с 201 млн. до 261 млн. против 162 млн. в 1961 г.), в том числе в городах лишь 13 млн., а 47 млн. — в деревне (со 168 млн. до 215 млн. против 138 млн. в 1961 г.) [113, 2461]. Следовательно, площадь обрабатываемой земли (ее существенно расширить уже нельзя) в расчете на одного занятого за эти 10 лет уменьшится на 20—25%. И это в условиях значительного недоиспользования трудовых ресурсов в земледелии. Так, по оценке Р. Кришнана, в начале 70-х годов число полностью безработных в индийской деревне составило 8,3 млн. человек, или 4,2% всего трудоспособного сельского населения, а частичная безработица охватила 26,2 млн. человек (13,1%), которые в среднем трудятся не более половины рабочего дня [21, 477].

В то же время к 80-м годам реальные возможности увеличения занятости в сельском хозяйстве за счет трудоемких элементов «зеленой революции» будут практически уже исчерпаны и едва ли смогут дополнительно обеспечить полноценной работой более 5—8 млн. человек (из 47 млн.). Десятки же миллионов будут перебиваться случайными заработками или обрабатывать клочки земли, что даст им возможность трудиться в среднем не более четверти — половины нормального рабочего дня и обеспечить лишь скудное пропитание. В дальнейшем (80—90-е годы) все более реальной становится угроза значительного ухудшения этого и так тяжелого положения в результате неизбежного ускорения широкого внедрения машин, сберегающих труд. Темпы индустриализации едва ли будут достаточны для поглощения огромного аграрного перенаселения. Видимо, не так далек от истины американский экономист В. Ладежинский, который пишет: «В перспективе, независимо от масштабов „зеленой революции“, — переполненный рынок сельскохозяйственной рабочей силы и низкая заработная плата» [22, 765].

Поэтому многие индийские экономисты и социологи, а главное, государственные и политические деятели выступают за значительное, а то и полное ограничение роста сельской механизации. Так, еще Дж. Неру говорил, что, конечно, тысяча Суратгархов (т. е. механизирован-

ных ферм) дадут в тысячу раз больше продукции, но мы таким образом не решим проблемы занятости [24, 1296]. В заявлении Плановой комиссии Индии отмечает-ся, что в настоящее время, кроме особых случаев, эконо-мические преимущества механизации земледелия мо-гут быть сведены на нет отрицательными социальными последствиями растущей безработицы, вызванной этой механизацией [25, 1166].

Более обоснованной является концепция частичной, выборочной механизации отдельных видов работ, кото-рая, по мнению американского экономиста Л. Брауна, может увеличивать потребность в рабочей силе, особен-но в случаях использования механических насосов для расширения орошения и тракторов для распашки новых земель и увеличения числа урожаев в год. При этом он указывает, что Индия и Пакистан дают хорошие при-меры того, как частичная механизация с интенсивным использованием земли увеличивает занятость [9, 104—105]. Аналогичные позиции занимают З. М. Ах-мад и Ханумантха Рао [7, 23; 19, 399]. В опре-деленной степени с этим схожи рекомендации совет-ского экономиста Г. Е. Скорова, подчеркивающего не-обходимость выборочной, постепенной механизации. По его мнению, в настоящее время быстрое и широкое внед-рение современных сельскохозяйственных машин в раз-вивающихся странах не оправдано ни с экономической, ни с социальной точек зрения, так как это ведет к ро-сту безработицы в условиях, когда четверть — треть трудовых ресурсов «третьего мира» не используется. Скоров отмечает, что не противопоставляя человека ма-шине и не допуская антимеханизаторского подхода нужно находить «оптимальные для данных экономиче-ских условий и ресурсов темпы, способы, сроки повы-шения производительности труда», учитывать диалекти-ческую связь между экономическими и социальными аспектами научно-технического прогресса [3, 90—92].

В основе подобных рассуждений — весьма обосно-ванное стремление к максимальному использованию тех-сторон механизации сельского хозяйства, которые спо-собствуют росту занятости и снижают до минимума противоположные результаты этого процесса. Однако на практике все эти рекомендации в значительной сте-пени повисают в воздухе, так как они могут иметь ре-

альный смысл лишь в условиях эффективного государ-ственного регулирования. В Индии фактические воз-можности этого весьма ограничены. Правда, ее аграр-ный сектор испытывает возрастающее воздействие со-стороны государства, особенно в области внедрения современной техники. Индийское правительство через государственный сектор и лицензионную политику кон-тролирует производство и импорт основных видов сель-скохозяйственных машин и в меньшей степени их рас-пределение. В отдельных случаях представляют интерес предложения одного из руководителей Международного банка реконструкции и развития, Стенлея Плиза, прово-дить политику повышенных налогов, импортных пошлин, цен, процентных ставок кредита и даже прямых ограни-чений в отношении техники, оберегающей труд, а для производства, импорта и внедрения машин, стимулирую-щих рост занятости, наоборот, установить соответствую-щие льготы [10, 59]. Однако такая политика практиче-ски очень трудно осуществима, так как нет четких гра-ниц между трудоемкой и капиталоемкой техникой. К то-му же их противопоставление может привести к разви-тию лишь на основе примитивных орудий труда и, сле-довательно, к длительному сохранению экономической отсталости.

Главное же в том, что все эти возможности государ-ственного регулирования в значительной степени иллю-зорны. Во-первых, непосредственное применение совре-менных машин — почти полностью прерогатива их соб-ственников. Во-вторых, государственные органы часто не способны противостоять давлению влиятельной груп-пы капитализирующейся сельской верхушки, неудовлет-воренный спрос которой на современные машины быстро растет. В-третьих, механизация земледелия — необрати-мый процесс, резко усиленный в результате «зеленой революции», которую активно поддерживает индийское правительство. В этих условиях существенно сдержать рост внедрения передовой техники едва ли возможно.

Не случайно, несмотря на многочисленные заявления ведущих государственных деятелей Индии о нежела-тельности значительного расширения сельской механи-зации, ее ускоренные темпы налицо. Так, в 1961 г. трак-торный парк страны составлял 31 тыс. штук, в 1966 г. — 54 тыс., в 1970 г. — 100 тыс., а в 1971 г. — уже 128 тыс.

штук [2, 68; 30, 1971, № 2, 47]. Следовательно, в первые пять лет прирост составил всего 23 тыс., или 74,2%, а в следующие пять лет — 74 тыс., или 137%. Правда, платежеспособный спрос на них намного больше, и повышается он значительно быстрее. Но сильное отставание предложения от спроса на рынке тракторов Индии — результат не столько государственной политики, сколько нехватки финансовых и технических средств.

В целом же осуществление различных рекомендаций о частичной, выборочной, постепенной, ограниченной и т. п. механизации в лучшем случае может лишь временно смягчить проблему безработицы, причем ценой замедления научно-технического прогресса. Злоупотреблять такой политикой весьма опасно, так как достижение полной занятости возможно в конечном счете только на путях быстрого экономического развития. Это подтверждается опытом Японии, где уровень безработицы значительно меньше, хотя сельское хозяйство механизировано почти полностью: на каждую тысячу гектаров обрабатываемой земли в среднем приходится 105 тракторов и 2040 фермерских работников против 0,3 тракторов и 900 работников в Индии [14, 298]. Следовательно, громадное аграрное перенаселение в стране нельзя считать абсолютным. Ведь применение японских стандартов может увеличить занятость в сельском хозяйстве Индии более чем в два раза. Тогда проблема безработицы будет полностью решена даже при увеличении населения на 40%. Но это требует быстрого и решительного преодоления экономической и социальной отсталости деревни, а также ускоренной индустриализации и модернизации всего народного хозяйства страны. По оценкам ООН, для достижения в ближайшие 20 лет полной занятости в «третьем мире» необходимы темпы роста экономики в 8% в год [4, 52]. В Индии уровень безработицы особенно велик, поэтому эти темпы должны быть еще выше, что можно достигнуть лишь в результате коренных социально-экономических преобразований, в первую очередь в сельском хозяйстве, сохраняющем наиболее архаичные производственные отношения.

«Зеленая революция» также значительно усиливает необходимость осуществления радикальных аграрных реформ, так как социальная отсталость индийской де-

ревни сильно ограничивает возможности технического прогресса. Он требует резкого увеличения капиталовложений в сельскохозяйственное производство, а это под силу лишь наиболее зажиточным крестьянам и крупным землевладельцам. По оценке Б. С. Пармер, даже в Пенджабе — центре «зеленой революции» в Индии — выгоды от нее к началу 1970 г. получало лишь 10—20% фермеров [25, 1165]. Основная же масса тружеников деревни остается в стороне от процесса модернизации земледелия, а значительная часть мелкого крестьянства, особенно в суходольных районах, где нет условий для успешного выращивания новых сортов зерновых, испытывает даже абсолютное ухудшение своего материального положения. Это — результат возникновения тенденции к постепенному снижению цен на их продукцию, особенно пшеницу, ввиду резкого повышения производительности труда в крупных хозяйствах — основных поставщиках товарного зерна — благодаря внедрению новой технологии. Положение арендаторов ухудшается в результате увеличения арендной платы, вызываемого ростом капиталовложений землевладельцев и повышением урожайности, а также ввиду угрозы сгона их с земли.

Все это увеличивает имущественное неравенство в деревне, обостряет социальные противоречия, усиливает классовую борьбу и делает еще более неотложным проведение прогрессивных аграрных преобразований. В этой области первоочередной задачей является радикальное перераспределение земли, искоренение докапиталистических форм эксплуатации, ограничение влияния сельской элиты, производственно-трудовое кооперирование мелкого крестьянства, рост числа государственных ферм и улучшение их производственной деятельности. Это должно способствовать скорейшему подъему сельского хозяйства на базе современной технологии и максимально возможному повышению использования рабочей силы в деревне и городе. Последнее, в частности, может быть достигнуто в результате вовлечения массы отсталых хозяйств в первый, трудоемкий этап агротехнического сдвига, чему в немалой степени содействуют прогрессивные аграрные реформы. Они в то же время улучшают социальные условия для роста экономики и занятости в целом и непосредственно через расширение базы «зеленой революции», ускоряя тем самым развитие

агропромышленности, сельскохозяйственной инфраструктуры и связанных с ними отраслей, что увеличивает там число рабочих мест.

Однако и это будет не окончательным, а лишь неполным и временным решением проблемы безработицы. В конечном итоге при любых условиях применение живого труда в сельском хозяйстве должно существенно уменьшиться. Поэтому в дальнейшем решающее значение для кардинальной ликвидации безработицы будет иметь создание материально-технических, организационно-хозяйственных и социально-политических предпосылок, обеспечивающих быстрый экономический прогресс и повышение занятости в городах.

1. Гурвич Р. П., Индия. Продовольствие — возможности и перспективы, М., 1970.
2. Растяников В. Г., Проблемы сельскохозяйственного роста в развивающихся странах Азии, — «Мировая экономика и международные отношения», М., 1971, № 1.
3. Скоров Г. Е., «Зеленая революция» как проявление мирового научно-технического прогресса, — «Мировая экономика и международные отношения», М., 1971, № 1.
4. Тягуненко В., А. Эльянов, «Третий мир»: некоторые тенденции экономического развития, — «Мировая экономика и международные отношения», М., 1973, № 4.
5. Шмелев Н., Новые участники капиталистических аграрных отношений, — «Мировая экономика и международные отношения», М., 1971, № 11.
6. Abel M. E., Agriculture in India in the 1970's, — «Economic and Political Weekly», Bombay, 1970, vol. V, № 13.
7. Ahmad Z. M., The Social and Economic Implications of the Green Revolution in Asia, — «International Labour Review», Geneva, 1972, vol. 105, № 1.
8. Bhanon H., Punjab Plan to Make Green Revolution Greener, — «Hindustan Times», Delhi, 13.9.1970.
9. Brown L. R., Seeds of Change. The Green Revolution and Development in the 1970's, New York, 1970.
10. Brown L. R., The Social Impact of the Green Revolution, New York, 1971.
11. Byres T. G., The Dialectic of India's Green Revolution, — «South Asian Review», London, 1972, vol. 5, № 2.
12. Cepede M., The Green Revolution and Employment, — «International Labour Review», Geneva, 1972, vol. 105, № 11.
13. Dantwala M. L., Approach to Growth and Employment, — «Economic and Political Weekly», Bombay, 1972, vol. VII, № 51.
14. Donde W. B., Impact of Farm Mechanisation on Employment, — «Agricultural Situation in India», Delhi, 1971, vol. XXVI, № 8.

15. Driberg T., «India's Agro-Industries is Trying to Catch up», — «Ceres», Rome, 1971, vol. 4, № 2.
16. Frankel F. R., Indian's Green Revolution. Economic Gains and Political Costs, New Jersey, 1971.
17. Cough J. W., Agricultural Wages in Punjab and Haryana, — «Economic and Political Weekly», Bombay, 1971, vol. VI, № 13.
18. Grewal S. S., Kahlon A. S., «Farm Mechanization and Labour Employment», — «Agricultural Situation in India», Delhi, 1972 vol. XXVII, № 5.
19. Hanumantha Rao C. H., Farm Mechanization in a Labour Abundant Economy, — «Economic and Political Weekly», Bombay, 1972, vol. VII, № 5—7.
20. Gohl S. C., Mechanization, Labour-Use and Productivity in Indian Agriculture, Occasional Paper, No. 23, Columbus, Ohio, 1971.
21. Krishna R., Unemployment in India, — «Economic and Political Weekly», Bombay, 1973, vol. VIII, № 9.
22. Ladejinsky W., Ironies of India's green Revolution, «Foreign Affairs», New York, 1970, vol. 48, № 4.
23. Lahiri R. R., Impact of HYVP on Rural Labour Market, «Economic and Political Weekly», Bombay, 1970, vol. V, № 39.
24. Myrdal G., Asian Drama. An Inquiry into the Poverty of Nations, New York, 1968, vol. II.
25. Parmar B. S., The Green Revolution: What it Means, — «Eastern Economist», New Delhi, 19.4.1970.
26. Rudra A., Employment Pattern in Large Farms of Punjab, — «Economic and Political Weekly», Bombay, 1971, vol. VI, № 26.
27. Yudelman M., Butter G., Banerje R., Technological Change in Agriculture and Employment in Developing Countries, Paris, 1971.
28. Yudelman M., La Revolution verte: Premiers Resultats et conditions D'un succes Durable, — «Problemes economiques», Paris, 1971, № 1241.
29. «The Journal of Commerce», Bombay.
30. «The Planter Journal and Agriculturist», Calcutta.

Ю. Н. Маслов

ПРОБЛЕМА МОДЕРНИЗАЦИИ МЕЛКОГО ПРОИЗВОДСТВА

(на примере механизации рисоводческого хозяйства в Республике Шри Ланка)

Многие из стран «третьего мира» уже достигли той стадии развития, на которой традиционный характер сельскохозяйственного производства становится серьезным препятствием экономического прогресса. Слаборазвитое сельское хозяйство не в состоянии решить проблему накопления, обеспечить население страны необходимым продовольствием, а промышленность сырьем. Отсталость данной отрасли производства сказывается и на замедленных темпах расширения внутреннего рынка — этого неперемennого условия успешного промышленного развития. Преодоление возникшего разрыва между сложившимся к сегодняшнему дню состоянием сельскохозяйственного производства и требованиями, предъявляемыми к нему развивающейся экономикой, может быть осуществлено лишь на путях модернизации или приведения сельского хозяйства в соответствие с общими задачами реорганизации национальной системы воспроизводства.

Модернизация сельского хозяйства — сложный, комплексный процесс, протекающий по следующим четырем внешне самостоятельным, но в действительности взаимосвязанным направлениям: изменение аграрных отношений; подъем материально-технической базы сельскохозяйственного производства; оптимизация отраслевой структуры сельского хозяйства; совершенствование сельскохозяйственного районирования. Второе направление включает развитие ирригации, усовершенствование сельскохозяйственного инвентаря, внедрение сельскохо-

зяйственных машин, использование улучшенного посадочного материала, рост применения удобрений и других агрохимикатов. Мы в этой статье остановимся лишь на одной стороне второго, технико-экономического направления модернизации сельскохозяйственного производства, а именно на механизации, главным техническим элементом которой в настоящее время являются тракторы¹. Хотя механизация сельскохозяйственного производства рассматривается нами на примере рисоводческого хозяйства такой сравнительно небольшой по численности населения и размерам территории страны, как Шри Ланка, многие из затрагиваемых в статье аспектов этого процесса имеют не специфический национальный, а общий для многих развивающихся стран характер.

Применение тракторов в рисоводческом хозяйстве зависит от ряда факторов, которые можно разделить условно на физические, экономические, социальные и политические.

Под физическими факторами мы понимаем размер рисового поля, его природные характеристики и климатические условия, влияющие на длительность полевых работ.

Для того чтобы трактор мог быть применен, площадь участка должна быть не ниже определенного минимума, поскольку на мизерном клочке земли ему негде даже развернуться. Таким образом, применение обычных тракторов на придомовых участках и небольших по размеру полях невозможно. Но малый размер участка отнюдь не означает, что работа на занятой под ним земле не может быть механизирована. Не говоря уж о возможности консолидации земельных участков в процессе кооперирования и т. д., которая фактически приводит к изменению рассматриваемого физического фактора, устраняя малый размер участка, эта земля может быть охвачена процессом механизации в результате применения маломощных, или малогабаритных, тракторов (ручных, или одноосных, трехколесных и даже четырехколесных). Следовательно, такой физический фактор, как небольшой размер участка, может рассматри-

¹ Везде, где это не оговаривается особо, речь будет идти об обычных, средней или повышенной мощности тракторах.

ваться не как препятствующий механизации трудовых процессов, а как фактор, воздействующий на характер механизации (вместо стандартной, мощной техники применяется маломощная).

К природным характеристикам участка, влияющим на применение тракторов, относятся рельеф местности и характер почвы. Например, в Шри Ланка на рисовых полях, расположенных на террасированных горных склонах в округах Нувара-Элия, Бадулла, Канди и Ратнапура и в заболоченных низинах в округах Калутара, Галле и Матара, использование техники практически невозможно. Данное обстоятельство, вероятно, в будущем отразится и на структуре земледелия в указанных выше районах: если доходность хозяйства станет решающим фактором при установлении целесообразности возделывания той или иной культуры, а цены на внутреннем рынке станут определяться стоимостью продукции, произведенной в механизированных хозяйствах, производство риса на участках, где работы не могут быть механизированы, может быть приостановлено, а земля занята под культуру, ставшую в изменившихся технических условиях более трудоемкой, чем рис.

Длительность полевых работ влияет на возможность применения техники, ибо эффективность ее зависит от сроков использования (чем большее число дней в году занята техника, т. е. чем выше степень ее загрузки, тем, естественно, будет выше — при прочих равных условиях — и ее экономическая отдача)². По мнению цейлонского ученого В. Е. А. Викраманаяке, рисоводческое хозяйство в Шри Ланка в этом отношении предоставляет благоприятные возможности для использования техники, так как в каждый из сезонов рисосеяния (а в настоящее время в этой стране на значительной части земли посадки риса производятся дважды в год, хотя теоретически возможно довести число сезонов рисосеяния до трех, как это было, судя по хроникам, в древности, и даже до четырех) предпосевная обработка почвы может производиться без отрицательных последствий для урожайности примерно в течение 40 дней [18,

² Мы здесь не рассматриваем возможности использования тракторов, занятых в сельском хозяйстве, для несельскохозяйственных работ, что в любом случае — независимо от длительности полевых работ — приводит к повышению эффективности их применения.

89]. Данное суждение нам кажется сомнительным хотя бы потому, что задержка с посевом приводит к непроизводительной потере воды, а это, в свою очередь, может сказаться на сокращении урожайности в текущем сезоне рисосеяния или сделать невозможной вторую посадку риса (угроза весьма реальная — особенно для сухой зоны). Чрезвычайно важно сокращение сроков предпосевной обработки почвы и проведения посевных работ и в том случае, если ставится задача — в ближайшем будущем вполне реальная — увеличения числа сезонов рисосеяния до трех (не говоря уже о четырех). Однако при этом сокращение сроков использования тракторов в каждый из сезонов рисосеяния может сопровождаться общим повышением степени загрузки тракторов в течение года.

К экономическим факторам, определяющим целесообразность или нецелесообразность применения тракторов, относятся степень обеспеченности рисоводческого хозяйства рабочей силой и тягловым скотом, цена рабочей силы, размер расходов на содержание тяглового скота и технику, замещающую рабочую силу или тягловый скот, и технические характеристики результатов ручного труда, применения рабочего скота и техники. Рассмотрим каждый из этих факторов в отдельности.

Казалось бы, в развивающихся странах, в которых проблема занятости имеет хронический характер, вопрос о степени обеспеченности рисоводческого хозяйства рабочей силой даже не может возникнуть: если для обработки участка недостаточно усилий членов семьи, всегда можно прибегнуть к использованию наемного труда. Но в действительности, как мы увидим на примере Шри Ланка, дело обстоит значительно сложнее.

Период независимого развития Шри Ланка характеризовался абсолютным и относительным возрастанием числа полностью безработных и лиц с неполной занятостью. По официальным данным на 1971 г., число только полностью безработных достигло 550 тыс., что составляет свыше 12% рабочей силы в стране [5, 21.XII.1971, 3; 7, II—III]. Особенно остро положение с занятостью в сельской местности. Целые деревни существуют на доходы, полученные от работы по найму. Сокращение спроса на рабочую силу со стороны хозяйств, нанимающих жителей этих деревень (это может

происходить или в результате отсутствия предпосевных или посевных работ из-за нехватки воды, или вследствие гибели урожая от засухи или наводнения, при которой, естественно, отпадают уборочные работы), ставит последних перед реальной угрозой голодной смерти³. В то же время даже в таком густонаселенном районе, как Канди, ощущается нехватка рабочей силы. Постоянные трудности с наймом рабочей силы в сезон полевых работ испытывают также округа Джафна, Баттикалоа и Анурадхапура [9, 87]. С этой же проблемой пришлось столкнуться государственной сахарной плантации в Канталаи и частным плантациям в Южной провинции [13].

Подобный парадокс — трудности с наймом рабочей силы при избытке ее — свойствен многим странам «третьего мира». Дело в том, что при наличии в стране избыточной, ищущей себе применения рабочей силы соотношение между предложением и спросом может быть неодинаково в различных районах: если в одних предложение превышает спрос, то в других наблюдается противоположная картина. Но перераспределение рабочей силы между различными районами страны затруднено в силу ряда причин. Во-первых, слабая мобильность рабочей силы объясняется отсутствием соответствующей информации о потребностях в рабочей силе или о предложении ее, вследствие чего потенциальный продавец рабочей силы и потенциальный покупатель ее не находят друг друга. Во-вторых, часть избыточной рабочей силы формируется за счет собственников мизерных земельных участков, недостаточных для обеспечения семьи прожиточным минимумом. Поскольку в Шри Ланка не только владение землей, но и занятие рисоводством на собственном и даже арендованном участке являются условием сохранения определенного, сравнительно высокого для традиционного общества социального статуса, не говоря уж о частнособственнической психологии, многие из лиц данной категории согласны работать за ничтожно малую плату, но только поблизости от своего дома, с тем чтобы иметь возможность возделывать соб-

³ Например, в начале 1972 г. только вмешательство местных представителей государственной власти, сумевших вовремя доставить продовольствие, спасло от смерти 69 семей в деревне Валава (округ Анурадхапура). Это были семьи поденщиков, которые в течение многих недель не имели регулярной работы [5, 17.I.1972, 1].

ственную землю. Тот же из них, кто психологически подготовлен к разрыву традиционных связей с земледелием, естественно, соглашается переехать в другое место только в том случае, если там его ждет постоянная работа, дающая устойчивый доход. Мелкий земельный собственник может пойти и на сезонную работу вдали от дома, если доход от нее компенсирует тот ущерб, который несет владелец земельного участка в результате его забрасывания или сдачи в аренду. Между тем земледельцу или фермеру, использующим наемный труд, требуется в основном рабочая сила лишь на страдную пору, и доход, полученный за кратковременную работу, не всегда окупает потери от прекращения работы на собственном участке. В-третьих, привлечение сезонных рабочих из других районов приводит к удорожанию рабочей силы по крайней мере в размере расходов на проезд. Однако данный фактор для Шри Ланка, несмотря на то что цены на рабочую силу в этой стране держатся на сравнительно высоком уровне⁴, не имеет большого значения как из-за небольших размеров государства, так и из-за субсидируемой государством низкой платы за проезд. В-четвертых, в такой стране, как Шри Ланка, характеризующейся сравнительно высоким уровнем развития народного образования, значительная часть ищущих работу — согласно обследованию, проведенному Центральным банком Цейлона, 69,4% безработных в сельской местности — отказывается от работы в качестве неквалифицированных рабочих, считая, что полученное ими образование дает им право на получение квалифицированной работы. Но даже из лиц, согласных заниматься неквалифицированным трудом, лишь небольшая часть изъявляет желание работать в сельском хозяйстве (то же обследование показало, что неквалифицированными сельскохозяйственными рабочими готовы стать только 0,6% безработных в сельской местности) [16, 18.I.1972, 1; 17, 16.I.1972, 1]. Данное обстоятельство объясняется не только особенностями социальной психологии, сформировавшимися еще в колониальный период, когда образование значительной частью

⁴ По данным токийского Института по изучению экономики Азии, в 1965 г. средний уровень заработной платы в Шри Ланка на 9% превосходил соответствующий уровень в Индии и на 12% в Пакистане [11, 30].

населения рассматривалось лишь как средство получения канцелярской и прочей «чистой» работы, но и жарким влажным климатом, делающим ручной труд в земледелии особенно тяжелым. По-видимому, по мере экономического и социального развития страны непопулярность неквалифицированной сельскохозяйственной работы еще более возрастет, между тем как отношение к механизированному труду под воздействием ряда причин, в первую очередь сравнительно высокой заработной платы рабочих, занятых на машинах (например, тракторист получает заработную плату примерно на 75% выше, чем школьный учитель), складывается иное. Данный факт уже сам по себе является важным доводом в пользу повышения уровня технической оснащенности земледелия.

Следующие экономические факторы — степень обеспеченности рисоводческого хозяйства тягловым скотом, использование которого приводит к сокращению затрат живого труда в результате повышения его производительности (применение пары буйволов при предпосевной обработке почвы увеличивает производительность труда почти в семь раз по сравнению с обработкой земли мотыгой [8, 445]⁵), и соотношение сложившегося уровня цены рабочей силы и расходов на эксплуатацию рабочего скота и техники.

Сельское хозяйство Шри Ланка характеризуется крайне низкой степенью обеспеченности земледелия рабочим скотом. По числу голов рабочего скота, приходящихся на единицу земельной площади, Шри Ланка занимает одно из последних мест среди стран Азии (в этом отношении она отстает от соседней Индии в 1,4 раза, от Непала — в 3,2 и от Таиланда — в 1,2 раза) [10, 23]. Кроме того, цейлонский скот отличается невысокими рабочими качествами. Низкий уровень развития рабочего животноводства в Шри Ланка объясняется несколькими причинами, из которых отметим лишь две: небольшие размеры подавляющего большинства ри-

⁵ Мотыга до сих пор находит широкое применение во время предпосевной обработки почвы в рисоводческом хозяйстве Шри Ланка. По данным сельскохозяйственной переписи, проведенной в 1962 г., в сезон «маха» (главный сезон рисосеяния) 1961/62 г. около 17,5% всей земельной площади, подготовленной к посеву риса, было обработано мотыгой [4, 34].

соводческих хозяйств, делающие экономически невыгодным содержание рабочего скота⁶, и ограниченность пастбищных земель в освоенных районах.

Что касается цены рабочей силы, то она имеет значение не только для хозяйства, использующего наемный труд и стоящего перед выбором между рабочей силой и трактором, но и для хозяйства, базирующегося на собственном труде (если владельцу такого хозяйства работа по найму в течение времени, высвобождаемого в результате применения техники, дает больший доход, чем затраты на оплату работ на тракторе, земледельцу выгодно прибегать к использованию машины)⁷. Даже сейчас, когда заработная плата в Шри Ланка держится на крайне низком по сравнению с развитыми капиталистическими странами уровне (средняя заработная плата рабочего в Шри Ланка в три с лишним раза ниже, чем в Японии [11, 30]), замена ручного труда машинами оказывается экономически целесообразной и для хозяйств, базирующихся на наемном труде, и для тех земледельцев, которые имеют возможность работать по найму в течение времени, высвобождаемого ими в результате применения машин на собственном участке. Об этом свидетельствуют следующие данные. Замена ручного труда механизированным (в результате использования обычного двухосного трактора) приводит в капиталистических хозяйствах к сокращению расходов на предпосевную обработку почвы в 2,7 раза [8, 445].

Мелкотоварный производитель, возделывающий свою землю лишь мотыгой, расходуя на оплату тракторной обработки почвы на площади в 1 га в среднем около 136 рупий [14, 56], высвобождает по крайней мере 48 рабочих дней — при условии, что он работает лишь по

⁶ Указанная причина могла бы быть устранена кооперированием крестьян, однако производственная кооперация даже в ее первоначальных формах в настоящее время находится в Шри Ланка в зародышевом состоянии.

⁷ В данном случае мы исходим из чисто экономических расчетов, отвлекаясь от такого важного социально-психологического фактора, как отношение к наемному труду. Между тем в Шри Ланка, как и во многих других развивающихся странах, часть населения отрицательно относится к работе по найму, считая ее признаком утраты высокого — по традиционным понятиям — социального статуса.

8 часов в день и что для наблюдения за работой тракториста у него уходит два рабочих дня (для тракторной обработки указанного участка необходимо от 5 до 12 часов) [8, 445]. Занимаясь в течение 48 дней неквалифицированным трудом на строительстве и ремонте дорог, осуществляемых Департаментом общественных работ, привлекающим к подобной работе поденных рабочих, он получит как минимум (из расчета 4,35 рупии в день [5, 24.XII.1971, 3]) 208,80 рупии, что, как мы видим, почти в полтора раза превышает его расходы на оплату трактора. Согласно другим нашим подсчетам, доход мелкотоварного производителя в рисоводческом хозяйстве на один рабочий день, затрачиваемый в своем хозяйстве, составляет при использовании трактора 12,6 рупии и при отказе от него — 9,5 рупии [см. подробнее: 1, 85]. При всей условности вышеприведенных расчетов (при недостатке тракторов плата за тракторную обработку земли может взиматься в несколько больших размерах, чем указано выше, работа на плантациях — этой важнейшей сфере притяжения поденных рабочих — оплачивается ниже, чем на строительстве и ремонте дорог, и т. д.) их можно принять за один из показателей преимуществ механизированного труда перед ручным.

Рабочий скот также оказывается экономически менее эффективным, чем трактор. Использование буйволов при предпосевной обработке почвы обходится в 1,3 раза дороже, чем трактора, в то же время оно требует от земледельца на 48—55 часов больше времени, чем расходуется при применении трактора [8, 445].

Кроме того, применение тракторов обеспечивает более высокое качество работ, чем ручной труд или вспашка с помощью буйволов. Таким образом, если бы господствовал принцип экономической целесообразности, то везде, где применение трактора технически возможно, он заменил бы рабочий скот (в некоторых районах Шри Ланка буйволы уже сейчас вытеснены тракторами [18, 89]) и привел бы к резкому сокращению потребностей в рабочей силе. При этом должны отсутствовать некоторые противодействующие факторы, такие, как нехватка тракторов на внутреннем рынке или трудности с нахождением работы по месту жительства, так как это — одно из главных условий, при которых земледельцу вы-

годно заменять личные трудовые затраты на своем участке наймом трактора.

Под социальными факторами, оказывающими воздействие на уровень механизации, мы подразумеваем положение с занятостью в стране или в отдельных ее районах, отношение населения к наемному труду вообще и к наемному труду различной квалификации в частности, уровень классового самосознания и организованности сельскохозяйственного пролетариата, восприимчивость земледельческого населения к производственным нововведениям и его способность к усвоению технических знаний, необходимых для овладения современной техникой, и, наконец, характер поземельных отношений.

При превышении спроса на рабочую силу над ее предложением механизация сельскохозяйственных процессов до известных пределов, пока она ограничена лишь задачей восполнения недостающей рабочей силы, не приводит к социальным конфликтам. Иное дело, когда речь идет о вытеснении машиной рабочей силы⁸. В этом случае и сами сельскохозяйственные рабочие, различные общественные организации и партии выступают против развития механизации. Например, в Шри Ланка отдельные политические деятели, ссылаясь на наличие в стране огромной армии безработных, считают необходимым ограничить применение тракторов в сельском хозяйстве.

Поскольку выше уже говорилось о таком социальном факторе, как отношение населения к наемному труду вообще и к труду различной квалификации в частности, здесь мы остановимся лишь на одном политическом аспекте этой проблемы. Молодежь — это самая многочис-

⁸ Применение машин, имеющее целью экономию живого труда, естественно, всегда приводит к сокращению потребностей в живом труде на осуществление механизированных процессов. Однако из этого вовсе не следует, что механизации неизбежно сопутствует уменьшение потребностей в живой силе на единицу земельной площади. Дело в том, что механизация отдельных процессов может сопровождаться ростом урожайности или внедрением других приемов и средств интенсификации рисоводческого хозяйства, требующих дополнительного приложения живого труда. Например, реплантация риса требует больших трудовых затрат, чем посадка этой культуры семенами, а новые сорта риса, нуждающиеся в более тщательном уходе, чем традиционные, являются соответственно и более трудоемкими.

ленная возрастная группа среди безработных, как показал апрельский мятеж 1971 г., представляет собой взрывной материал. В ее среде отсутствует пренебрежение к наемному труду, как таковому, и она в поисках работы устремляется из сельской местности в города, рассчитывая на канцелярскую работу или работу на фабриках и заводах. Данное обстоятельство, не решая проблемы занятости среди сельской молодежи, лишь усугубляет и без того острые социальные проблемы, присущие цейлонским городам. Между тем механизация земледельческих работ содействовала бы удержанию молодежи, точнее, части ее в сельской местности. Таким образом, и политический аспект рассматриваемого нами социального фактора требует, с точки зрения правящих кругов Шри Ланка, стремящихся к достижению «социального мира», развития механизации.

Уровень классового самосознания и организованности сельскохозяйственного пролетариата также оказывает стимулирующее или сдерживающее воздействие на развитие механизации. Чем выше сознание и степень организованности сельскохозяйственного пролетариата, тем сильнее стремление капиталистов заменить рабочих машинами, потому что с ростом сознательности и организованности пролетариата повышаются (при прочих равных условиях) его требования о заработной плате и тем вероятнее становится возможность возникновения трудовых конфликтов, ведущих, в частности, к задержке сельскохозяйственных работ. Но в Шри Ланка пролетариат, работающий по найму в рисоводческих хозяйствах, составляет наиболее отсталый, неорганизованный отряд рабочего класса, и поэтому цейлонские капиталисты, внедряющие машины, вышеизложенными социальными мотивами, как правило, не руководствуются.

Восприимчивость населения к производственным нововведениям связана как с его общим образовательным уровнем, так и со степенью ломки выработанного в течение многих веков консерватизма. В этом отношении Шри Ланка выгодно отличается от подавляющего большинства стран Азии. Например, процент грамотных среди населения в возрасте 15 лет и выше составляет в этой стране 75,1 (1963 г.) по сравнению с 27,8 в Индии или 8,8 в Непале [3, № 7, 1971, 31]. По охвату населения школьным образованием сельские районы Шри

Ланка лишь ненамного уступают городам. Сравнительно высокое развитие школьного образования, несомненно, является положительным фактором, не только стимулирующим тягу к усвоению новых агротехнических методов и т. п., но и облегчающим овладение специальными техническими знаниями, необходимыми для управления техникой. Подрыву консервативных взглядов на процесс земледельческого производства содействует и сравнительно широкая сеть государственных демонстрационных участков, разъяснительная работа, проводимая государственными чиновниками в деревнях, соответствующие передачи по радио.

Что касается характера поземельных отношений, то сложившаяся традиция, к тому же в определенной степени подкрепленная законом, препятствует переходу многих земельных собственников — рентополучателей на капиталистическое ведение хозяйства, что могло бы привести к использованию на землях, ныне сдаваемых небольшими участками в аренду, тракторов. Особенно это относится к землям, принадлежащим буддийским храмам и монастырям, которые по традиции сдают их крестьянам из близлежащих деревень на условиях издольной или отработочной ренты.

К политическим факторам, воздействующим на уровень механизации, мы относим государственную политику по вопросам, в той или иной степени связанным с механизацией, и соответствующие позиции различных партий и общественных организаций, оказывающих влияние на политику государства. Поскольку в Шри Ланка механизация неравномерно развивается в различных по экономическому и социальному уровню районах, постольку даже в рядах одной партии нет единства взглядов по вопросу механизации, и государство в своей политике вынуждено учитывать специфику отдельных районов. Оказывая содействие в развитии механизации, оно в то же время предпринимает и некоторые шаги по увеличению поголовья и улучшению качества рабочего скота.

О росте механизации рисоводческого хозяйства в Шри Ланка можно судить по увеличению обрабатываемых машинами площадей или по расширению тракторного парка. Еще в начале 60-х годов, когда уровень механизации рисоводческого хозяйства был значительно

ниже, чем сейчас, тракторная пахота использовалась во всех без исключения округах страны, а общая площадь рисовых полей, вспаханных тракторами, достигла в сезон «маха» 1961/62 г. 163 533 га, что составило свыше 36% всей площади (453 892 га), на которой была произведена предпосевная обработка почвы. Для сравнения укажем, что в 1946 г., когда тракторная вспашка применялась только в двух округах, тракторами было вспахано лишь 1698 га [4, 33—34]. Число тракторов мощностью не менее 8 л. с., применяемых в сельском хозяйстве Шри Ланка, выросло с 202 в начале 50-х годов до 9200 в 1969 г., или более чем в 45 раз [15, 119]. По степени оснащенности сельского хозяйства техникой, выраженной в лошадиных силах на единицу земельной площади, Шри Ланка, хотя и отстает от Японии в 24 раза, идет впереди других развивающихся стран Азии (в Шри Ланка на 1 га возделанной земли приходится в среднем 0,110 л. с. по сравнению с 0,008 в Индии, 0,004 в Непале, 0,054 в Таиланде, 0,01 в Индонезии и 0,023 л. с. на Филиппинах) [10, 23].

Но механизация в Шри Ланка — стране с резко выраженными порайонными географическими и социально-экономическими различиями — распространена по территории острова неравномерно. Наибольшее развитие она получила в сухой зоне, отличающейся, как правило, ровным рельефом и наличием в ней крепких в хозяйственном отношении рисоводческих хозяйств.

Механизация в Шри Ланка охватывает и мелкотоварные, и капиталистические рисоводческие хозяйства. Но из этого нельзя сделать вывода о том, в чьих в первую очередь интересах происходит процесс механизации, какие социальные группы населения получают наибольшую выгоду от нее. Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо знать характер собственности на сельскохозяйственные машины и формы соединения этой техники с землей.

В настоящее время собственниками сельскохозяйственных машин являются государство, частные капиталистические предприниматели и мелкие товаропроизводители (последние — в меньшинстве).

Принадлежащие государству тракторы, предназначенные для обработки рисовых полей, распределяются между государственными семеноводческими хозяйства-

ми и государственными тракторными станциями, в обязанности которых входит обслуживание близлежащих частных рисоводческих хозяйств на контрактных условиях и по твердым ставкам. В настоящее время число тракторов на этих станциях, находящихся в ведении Департамента сельского хозяйства, составляет 380, и государство уже в течение нескольких лет не расширяет тракторного парка этих станций, предпочитая стимулировать приобретение тракторов частным сектором [14, 56].

Хотя мы не располагаем точными сведениями, позволяющими судить о числе тракторов, находящихся в частной собственности, однако можно предположить, что частный тракторный парк в несколько раз превышает государственный, поскольку общая численность тракторов, используемых в сельском хозяйстве Шри Ланка, по данным на 1968 г., составляет по разным оценкам, от 8400 [15, 119] до 12 тыс. [2, 133]. Правда, не все они используются в рисоводстве.

Частные тракторы в рисоводческом хозяйстве Шри Ланка появились вскоре после окончания второй мировой войны. Первыми собственниками тракторов стала зажиточная деревенская верхушка, которая, приобретая их, приступила к обслуживанию менее состоятельных сельских жителей. Тракторы применялись для производства пахоты, перевозки груза и обмолота зерна (в последней операции произошло механическое замещение рабочего скота машиной: сжатый рис раскладывался на полу гумна и по нему прогоняли трактор — так, как это делали раньше с буйволами). Частные собственники тракторов даже в том случае, когда они обслуживают частные хозяйства по фиксированным государством ставкам, получают высокий доход [18, 89]. Этот фактор в значительной степени определяет государственную политику содействия развитию частного тракторного парка, поскольку он в отличие от государственных тракторных станций не нуждается в государственном субсидировании, а часть его — даже в организационном или техническом руководстве со стороны государственных организаций.

Подавляющая часть частного тракторного парка принадлежит капиталистическим предпринимателям и лишь незначительная — мелкотоварным производителям, представляющим собой верхушечный слой сельской мелкой

буржуазии. И это естественно, так как сама стоимость трактора — примерно 15 тыс. рупий [8, 445] — ограничивает его распространение наиболее состоятельным кругом земледельческого населения.

Частные лица, владеющие тракторами, могут быть разделены в зависимости от характера прав пользования этой техникой, на несколько групп. К первой группе относятся капиталисты, приобретшие трактора непосредственно у государства, которое распределяет среди капиталистов лишь машины, полученные им из-за границы по линии помощи. Условием же приобретения у государства тракторов является вспашка в дополнение к собственной земле участков, которые указываются местным государственным чиновником, по фиксированной ставке в 136 рупий/га. В эту же группу входят четыре главных импортера тракторов, которые по требованию правительства создали по одной тракторной станции, на каждой из которых насчитывается по 20 машин. Эти станции должны обслуживать поля земледельцев, не имеющих тракторов, по указанной выше ставке [14, 56]. Таким образом, капиталисты этой группы не обладают безусловным правом пользования принадлежащей им техникой. Во вторую группу частных собственников тракторов входят буржуазия и мелкие товаропроизводители, которые сами импортировали технику или купили ее у частных импортеров. Эти собственники обладают безусловным правом пользования своей техникой, и государство не устанавливает для них размера ставок за услуги, оказываемые ими другим лицам.

Непосредственный экономический выигрыш от государственного тракторного парка, призванного обслуживать частные хозяйства, получают исключительно владельцы этих хозяйств, но не государство, которое вынуждено субсидировать тракторные станции [14, 56; 18, 89], хотя они во многих случаях обслуживают рисоводческие хозяйства по тем же расценкам, что и частные владельцы тракторов первой группы (причины более низкой эффективности — с точки зрения финансовой отдачи — государственных тракторных станций по сравнению с частным тракторным парком, обслуживающим на контрактных условиях частные хозяйства, кроются в плохом руководстве, слабом контроле за работой стан-

ций со стороны государства, отсутствии материальной заинтересованности служащих станций в результатах своей работы и связанном с этим небрежном обращении с техникой). Следовательно, обслуживание государственными тракторными станциями частных хозяйств является одной из форм государственного субсидирования мелкотоварного производства. Однако не все мелкотоварные хозяйства, желающие произвести предпосевную обработку почвы с помощью тракторов, могут воспользоваться услугами государственных тракторных станций, поскольку государственный тракторный парк слишком мал для полного удовлетворения спроса на соответствующие услуги и, кроме того, распределен по территории страны крайне неравномерно.

Выгоду от частного тракторного парка, естественно, в первую очередь получают владельцы тракторов, которые или используют свою технику лишь на собственных полях (частные капиталистические предприниматели), или — через механизм цен на услуги — имеют в современных условиях возможность эксплуатировать обслуживаемых ими лиц.

Последнее обстоятельство объясняется следующим. При насыщении какого-либо района техникой или слабым спросе на нее плата за пользование ею будет приближаться к сумме от сложения расходов по амортизации, процента на сумму, израсходованную на ту стоимостную часть техники, которая подвергается амортизации при обслуживании данного участка, расходов на горючее и платы лицу, управляющему техникой. Если техника принадлежит капиталисту, то в плату за пользование техникой должна входить и капиталистическая прибыль (размер ее будет определяться многими факторами). В том же случае, когда владелец техники занимает монопольное положение или спрос на технические услуги значительно превышает предложение, плата за пользование техникой будет иметь тенденцию к возрастанию до уровня, при котором земледельцу уже невыгодно пользоваться ею. Этот же уровень равен в стоимостном выражении тому дополнительному доходу, который получает земледelec в результате применения техники. В настоящее время в Шри Ланка ощущается нехватка тракторного парка, и в результате в тех случаях, когда государственный контроль над ценами от-

сутствует, складывается высокий уровень платы за услуги.

Данное обстоятельство приводит к увеличению имущественного разрыва между владельцами тракторов и лицами, нанимающими их. В результате того, что часть прибавочного продукта, который создается в мелкотоварных хозяйствах, прибегающих к найму тракторов, изымается владельцами тракторов, происходит сужение возможностей накопления в этих хозяйствах. Происходит также разрыв между мелкотоварными хозяйствами, прибегающими к найму тракторов, и теми мелкотоварными хозяйствами, которые нуждаются в тракторах, но не могут их нанять ввиду их нехватки. Другими словами, в результате внедрения тракторов в рисоводческое хозяйство, сопровождаемого сосредоточением их в руках определенной группы капиталистов и мелкой буржуазии, и недостаточности тракторного парка для обслуживания всех хозяйств, нуждающихся в этом, происходит процесс ускорения концентрации капитала в рисоводческом хозяйстве и усиления социального расслоения мелких товаропроизводителей.

В связи с вышеизложенным перед государством в Шри Ланка, стремящимся к смягчению социальной напряженности в деревне и повышению эффективности рисоводческого хозяйства (в частности, с целью освобождения страны от необходимости импортировать рис), встает ряд задач. Одна из них — расширение тракторного парка, другая — оптимальное распределение его среди различных социальных групп. Решение этих задач наталкивается на ряд трудностей: нехватка иностранной валюты, необходимой для импорта тракторов, низкий уровень сбережений и небольшие размеры земельных участков в подавляющем большинстве мелкотоварных хозяйств, препятствующие росту числа собственников тракторов среди мелкой буржуазии.

Нехватка иностранной валюты в известной мере восполняется ввозом тракторов по линии помощи, о чем мы уже упоминали. Но тракторов, поступающих по этому каналу, недостаточно для удовлетворения спроса на них, и поэтому Шри Ланка вынуждена прибегать к их импорту на коммерческих условиях. В целях относительного сокращения расходования инвалютных средств на импорт тракторов в Шри Ланка была налажена их

сборка из импортных деталей и сделаны первые шаги по созданию отечественного производства некоторых из них.

Одним из путей увеличения числа собственников тракторов среди мелкой буржуазии является создание кооперативов по совместной обработке земли или приобретение тракторов существующими многоцелевыми кооперативными обществами. Однако на этом пути стоит много препятствий: ограниченность средств, которыми располагают многоцелевые кооперативные общества, низкий уровень доходов подавляющего большинства мелкотоварных производителей, препятствующий превращению их даже в коллективных собственников современной техники, наконец, трудности организационного характера (уже имеющийся опыт показал, что для кооперативов, которые приобрели технику, показательно небрежное обращение с ней, кроме того, ввиду ограниченности тракторного парка среди членов кооператива возникают разногласия по вопросу об очередности обработки участков [18, 89]). Поэтому со второй половины 60-х годов государство стало стимулировать внедрение маломощных тракторов, имеющих ряд достоинств перед стандартными: во-первых, они стоят примерно в пять раз дешевле, во-вторых, они проще в обращении, в-третьих, их использование приводит к снижению минимального размера участка, при котором становится допустимой механизация земледельческих работ. Вместе с тем, не отрицая преимуществ маломощного трактора, ряд цейлонских экономистов указывает и на присущий ему более низкий уровень издержек по осуществлению ряда процессов по сравнению с обычным трактором. Однако данные, приводимые авторами работ, имевшихся в нашем распоряжении [8; 18], не отличаются детализированным рассмотрением структуры издержек и поэтому представляются малоубедительными. Практика же свидетельствует об обратном: капиталистические предприниматели, имеющие возможность делать выбор между маломощными и стандартными тракторами, предпочитают последние, чего они не делали бы, если бы их экономическая эффективность была ниже.

Поскольку маломощные тракторы не пользуются популярностью у владельцев крупных капиталистических хозяйств, на этот вид техники практически распростра-

няется монополия собственностью мелких товаропроизводителей. Приобретению их представителями данной социальной группы содействует следующее обстоятельство: государство в целях стимулирования механизации мелкотоварных хозяйств предоставляет льготные условия для импорта маломощных тракторов, и это положительно сказывается на уровне внутренних цен на них. Однако размеры хозяйств, принадлежащих лицам, приобретшим маломощные тракторы, оказываются недостаточными для высокоэффективного использования даже такой малопродуктивной по сравнению со стандартными тракторами техникой. Поэтому и собственники маломощных тракторов, как и многие владельцы стандартных, вынуждены для повышения степени эффективности принадлежащей им техники обрабатывать поля в чужих хозяйствах.

Наиболее прогрессивной в нынешних условиях формой собственности на тракторы является, по мнению цейлонских коммунистов, государственная [6, 15.II.1969, 8]. Сосредоточение тракторов в руках государства служит некоторой гарантией того, что мелкотоварные производители смогут воспользоваться тракторами для обработки своих полей по умеренным тарифам. Кроме того, наличие государственных тракторных станций, выступающих конкурентами частного тракторного парка, является фактором, сдерживающим увеличение размеров платы, взимаемой частными владельцами тракторов за оказываемые ими услуги. Данная роль государственных тракторных станций была наглядно продемонстрирована во время нахождения у власти правительства Д. Сенанаяке (1965—1970). При этом правительстве, делавшем больший упор на частнокапиталистическое предпринимательство, чем предыдущее правительство, возглавлявшееся С. Бандаранаике, деятельность государственных тракторных станций была сокращена. В результате плата за услуги, оказываемые частными владельцами тракторов, в отдельных случаях возросла более чем в два раза. Крестьяне, желавшие получить трактор вовремя, были вынуждены платить завышенную по сравнению с установленным государством по толком плату, поскольку частные лица оказались в какой-то степени монополистами [6, 15.II.1969, 8]. Однако усилению государства в области технического обслу-

живания препятствуют два обстоятельства: во-первых, ограниченность государственных средств и, во-вторых, государственная политика стимулирования развития частного сектора в ряде отраслей производства и сферы обслуживания.

Таким образом, из-за преобладания в рисоводстве мелких хозяйств и слабого развития производственного кооперирования дальнейшее повышение уровня механизации неизбежно приведет к усилению зависимости земледельческого населения от собственников — государства или частных лиц — тракторного парка. Подобное обстоятельство имеет две стороны: положительную, заключающуюся в сравнительно высокой эффективности использования техники, и отрицательную, поскольку отделение средств производства (или части средств производства) от производителя ставит его в зависимость от владельца этих средств, что может сказываться отрицательно не только на материальном положении мелкого производителя, но и на эффективности представленного им сектора производства.

Механизация — неотвратимый процесс, и тормозить его, как это иногда делается в Шри Ланка, значит не признавать неизбежности прогресса, который, несмотря на все препятствия, медленно, но верно пробивает себе путь. Разная степень и форма охвата механизацией рисоводческих хозяйств только усугубит различия в индивидуальной стоимости продукции, создаваемой в хозяйствах различных социальных типов. Однако данное обстоятельство в условиях осуществляемого в Шри Ланка продовольственного протекционизма и действия системы государственных закупок риса-сырца, или падди, по твердым, фиксированным ценам, превышающим мировые и базирующимся на издержках производства в мелкотоварных хозяйствах, не приводит к вытеснению низкопродуктивных хозяйств экономически более эффективными и тем самым содействует консервации многоукладного характера рисоводческого хозяйства. Но не исключено, что при достижении Республикой Шри Ланка самообеспеченности в рисе — задача, давно уже поставленная государством и реально выполняемая, — правящие круги буржуазии попытаются ликвидировать систему государственных закупок или установят на падди такие цены, которые не будут отражать реальных де-

нежных и трудовых затрат низших слоев мелких товаропроизводителей. В этом случае будет происходить или вымывание не выдержавших конкуренции мелких хозяйств, или же дальнейший процесс пауперизации их владельцев.

В связи с вышеизложенным нам представляется важнейшей задачей государства, всех демократических сил страны наметить такое направление механизации, при котором трудовое земледельческое население (сельскохозяйственные рабочие и мелкотоварные производители) понесло бы наименьший экономический урон. Для ослабления удара, который в современных социально-экономических условиях неизбежно будет нанесен механизацией некоторым трудовым слоям деревни, необходимо развивать такие отрасли производства, которые смогли бы поглотить возникающую в процессе механизации избыточную рабочую силу, формирующуюся как из сельскохозяйственных рабочих, так и из разоряющегося или вытесняемого мелкого товаропроизводителя.

Как мы видим, процесс механизации — это не только технический процесс, но и процесс социального преобразования деревни. Как будет протекать этот процесс, каким слоям он принесет выгоду, а каким — ущерб, какое он окажет влияние на формирование социальной структуры общества, — ответ на эти и многие другие вопросы, связанные с развитием механизации, будет зависеть в первую очередь от характера государственной власти, расстановки классовых сил в стране, от уровня зрелости демократического движения.

1. Маслов Ю. Н., Продовольственная проблема Цейлона, М., 1971.
2. «Agricultural Mechanization in South East Asia», Tokyo, 1971.
3. «Asian Industrial Development News».
4. «Ceylon Census of Agriculture, 1962», vol. III. «Asweddumized Paddy Lands», Department of Census and Statistics, Colombo, 1966.
5. «The Ceylon Daily News».
6. «Forward», Colombo.
7. «Forward into the Future». An Information Department Supplement, — «The Times Weekender», 12.XII.1971.
8. Hewavitharana B., Choice of Techniques in Ceylon, — «Economic Development in South Asia». Proceedings of a Conference

Held by the International Economic Association at Kandy, Ceylon, London — Basingstoke, 1970.

9. «Matching Employment Opportunities and Expectations. A Programme of Action for Ceylon». The Report of An Inter-Agency Team Organised by the International Labour Office. ILO, Geneva, 1971.
10. McColly H. F., A Proposal for Agricultural Mechanization in the Developing Countries of Southeast Asia, — «Agricultural Mechanization in South East Asia», Tokyo, 1971.
11. Ozawa T., Transfer of Technology from Japan to Developing Countries, New York, 1971.
12. «Report of the Irrigation Program Review — Ceylon», FAO/IBRD Co-operative Program, January 1968, Colombo, 1968.
13. «Report to the Government of Ceylon on Rural Employment Problems», ILO, Geneva, 1965.
14. Richards P., Stoutjesdijk E., Agriculture in Ceylon Until 1975, Paris, 1970.
15. «Statistical Yearbook 1970», UN, New York, 1971.
16. «The Times of Ceylon».
17. «The Times Weekender».
18. Wikramanayake V. E. A., Ceylon — Mechanization of Agriculture, the Present Position and Future Development, — «Agricultural Mechanisation in South East Asia», Tokyo, 1971.

Этапы «зеленой революции». Филиппины были первой в Юго-Восточной Азии страной, где за сравнительно короткий срок на значительных площадях были успешно внедрены высокоурожайные сорта риса. Однако становление интенсивного производства в главной отрасли растениеводства и всего сельского хозяйства в целом не было плавным, постепенно усиливающимся процессом. Оно характеризуется взлетами и спадами. Действительно, несмотря на свою относительную непродолжительность, «зеленая революция» на Филиппинах к началу 1973 г. прошла два этапа: возникнув в 1966 г., она достигла апогея в 1968/69 г., а затем — в 1970—1972 гг. — обнаружила тенденцию к постепенному затуханию. В подобной кривой ее движения нашел свое отражение тот важнейший факт, что проведение реформы в области социально-экономических отношений в деревне стало насущной необходимостью, ибо только при этом условии возможен существенный подъем производства, производительной силы труда в сельском хозяйстве и, следовательно, повышение темпов экономического роста в целом путем широкого распространения новой агротехнологии.

«Зеленая революция» до настоящего времени коснулась главным образом культуры риса¹, значение кото-

¹ Помимо рисоводства некоторые результаты в выведении высокоурожайных сортов достигнуты в кукурузоводстве. На самой начальной стадии находится селекционная работа в отношении сахарного тростника, табака и кокосовой пальмы. Остальные культуры научно-технический переворот в сельском хозяйстве почти не затронул. Как более отдаленная перспектива рассматривается повышение продуктивности в животноводстве.

рого в жизни филиппинского общества трудно переоценить. Выращивание и переработка риса и торговля этим продуктом являются основным источником существования для более чем $\frac{2}{5}$ населения страны, а для 80% жителей Филиппин рис — основной продукт питания, в их рационе на него приходится 60% потребляемых калорий. Несмотря на это, в течение всех послевоенных лет собственное производство не удовлетворяло спроса на рис на национальном рынке. Проблема обеспечения страны рисом никогда не сходила с повестки дня в Филиппинской Республике. С конца 50-х годов государство приступило к осуществлению программы по повышению объема производства риса. Так, в 1958 г. был разработан комплекс мероприятий на 1958—1961 гг., которые охватили 200 тыс. га поливных рисовых и 50 тыс. га кукурузных полей. В последующие годы, вплоть до 1966 г., программа ежегодно продлевалась. Однако эти меры не принесли ожидаемых результатов.

В 1962 г. в Лос-Баньосе (пров. Лагуна) был открыт Международный исследовательский институт риса, ученые которого вместе с селекционерами Сельскохозяйственного колледжа Филиппинского университета и Отдела растениеводства министерства сельского хозяйства и природных ресурсов вывели к 1966 г. новые высокоурожайные сорта риса; среди них — «чудо-рис» ИР-8 [48, 9], получивший впоследствии распространение и в других странах, переживающих «зеленую революцию».

В осуществлении государством программ селекции высокоурожайных сортов зерна, подходящих к филиппинским условиям, существенную роль сыграл тот факт, что с начала 60-х годов основной фактор увеличения объема производства риса в прошлом — расширение обрабатываемых площадей — перестал действовать. Более того, площади под рисом стали сокращаться². Рост же объема производства в 60-х годах происходил благодаря некоторому повышению урожайности в результате

² Это явление отмечено в основном в старых рисоводческих районах; на рисовых полях Центрального Лусона стали высаживать сахарный тростник как более доходную культуру после отмены контроля над валютой и импортом в 1960—1962 гг.; особенно интенсивно смена культур стала происходить в связи с принятием Закона о земельной реформе 1963 г., который не касался земель под сахарным тростником.

интенсификации производства в рамках действия государственных программ по поднятию производства риса. Так, в 1960—1966 гг. средняя урожайность риса составляла 13 ц/га [48] против 10—12 ц в 1920—1960 гг. Тем не менее общий прирост производства до середины 60-х годов был незначителен, и страна продолжала испытывать острую нехватку основного продовольственного зерна. Положение было таково, что ввиду полного прекращения расширения площадей под рисом³ и незначительного повышения его средней урожайности (в 1955 г. — 100,4, в 1965 г. — 103,9 при 1954—1956 гг. = 100) [24, 197]. Все более зримой становилась угроза резкого ухудшения продовольственного баланса, вызываемая прежде всего высоким естественным приростом населения.

В этих условиях на Филиппинах с 1966 г., когда был выведен «чудо-рис», началось осуществление государственной «Программы распространения высокоурожайных сортов риса». Она предусматривала не просто внедрение новых сортов семян, но и использование новой технологии производства, обеспечение производителей кредитом, снабжение их средствами производства при одновременном проведении политики стабилизации цен и регулирования рынка [38, 334—335].

Филиппины стали лидером «зеленой революции» в Юго-Восточной Азии. На отдельных участках здесь были получены самые высокие урожаи риса среди развивающихся стран региона. Прошло всего два года после первых посадок гибридных семян непосредственно в поле (в 1966 г.), и Филиппины уже добились высоких, а главное, устойчивых темпов роста производства риса. За четыре года (1966—1969) сбор риса вырос на треть [48, 11]. Под новые семена отводятся все большие площади: за 1966—1969 гг. последние увеличились с нескольких десятков тысяч до нескольких сот тысяч гектаров⁴. Такому быстрому внедрению гибридных семян способствовали предшествовавшие изменения в техниче-

³ В дальнейшем в период «зеленой революции» за 1966/67—1969/70 гг. посевные площади под рисом выросли на 234 тыс. га за счет сбора второго урожая, но не за счет действительного прироста пашни [49, 85].

⁴ Точных данных нет. Оценки даже государственных учреждений существенно разнятся [48, 29; 49, 85].

ских, социальных и психологических факторах, создавшие благоприятную обстановку. Например, эксперты ФАО отмечали, что филиппинские рисоводы к принятию новой технологии и высокоурожайных сортов риса были психологически подготовлены предыдущими программами, в связи с которыми подверглись усовершенствованию многие службы, связанные с производством риса (сбыт, инфраструктура, кредит, служба информации и т. д.) [48, 19—24].

За короткий срок была решена проблема самообеспечения страны рисом (в пределах существующего платежеспособного спроса) — в течение двух лет (1967/68 и 1968/69 гг.) Филиппины отказывались от его импорта⁵. Более того, впервые за многие десятилетия они стали экспортировать рис (включая и семена высокоурожайных сортов). Экономисты уже приступили к подсчетам излишков риса в будущем, поднимали вопросы о строительстве дополнительных помещений для хранения риса, его транспортировке, поисках внешних рынков сбыта. Интенсификация производства риса стала оказывать существенное влияние на другие хозяйственные секторы — производство удобрений, распределение сельскохозяйственных машин, на очистку и торговлю рисом, банковскую систему и т. п. [48, 36]. Все это указывало на большие возможности, которые открывала научно-техническая революция в сельском хозяйстве перед развивающимися странами. «Зеленая революция на первых порах во многих вселила надежду, с ее помощью государство рассчитывало, что будет достигнуто самообеспечение зерновыми, крестьяне — что они примут в ней участие, миллионы тружеников деревни — мелкие крестьяне-землевладельцы, арендаторы и сельскохозяйственные рабочие — что у них повысится уровень жизни и они получат долю благ, обещаемых революцией», — констатировал доктор З. Ахмад, чиновник Международной организации труда [13, 83].

Но уже с начала 70-х годов энтузиазм, порожденный первыми успехами «зеленой революции», стремительно начал падать. В 1970 г. Филиппины перестали вывозить рис на внешние рынки: его хватало только

⁵ В предыдущие годы ежегодный импорт риса колебался от 108,0 тыс. т в 1965/66 г. до 559,6 тыс. т очищенного риса в 1964/65 г. [22, 48; 28, 3—4; 38, 334].

для удовлетворения собственных потребностей, а еще год спустя они были вынуждены вновь приступить к импорту риса, причем в количествах, невиданных ранее. Импорт риса с 1971 г. находится на уровне, характерном для первой половины 60-х годов. Так, в 1970/71 г. было ввезено 200 тыс. т очищенного риса, в 1971/72 г. — уже 460 тыс. т [28, 3—4; 29, 30; 52, 31—33]. Сбор риса в 1972 г. был ниже, чем в предыдущие два года⁶.

В начале 70-х годов стало очевидно, что «революция» буксует на месте: не только не ширится охват ею новых хозяйств и районов, но, наоборот, она стала свертываться в своих исконных районах. Страна вновь была отброшена к рубежам середины 60-х годов. О «зеленой революции» на Филиппинах стали говорить в менее восторженных тонах, вместо «торжественного шествия» все чаще появляются понятия «затухание революции», «тупик».

Материалы конкретных полевых обследований филиппинских аграрников [14; 16; 26] и международных сельскохозяйственных организаций, а также публикации государственных учреждений о ходе «зеленой революции» дают возможность выявить причины ее зигзагов на Филиппинах. Наиболее отчетливо взлеты и спады «зеленой революции» прослеживаются в Центральном Лусоне, рисовой житнице страны, где свыше $\frac{9}{10}$ посевных площадей заняты под рисом. Именно в этом районе она наиболее широко была развернута в период ее поступательного движения, в прочих же районах «зеленая революция» ограничивалась отдельными хозяйствами. Здесь же аграрниками из Сельскохозяйственного колледжа Филиппинского университета в течение ряда лет проводились полевые обследования непосредственно перед и в период «зеленой революции».

«Зеленая революция» началась прежде всего в Центральном Лусоне потому, что в техническом отношении он оказался более подготовленным к ней, нежели про-

⁶ Снижение сбора в начале 1972 г. на Лусоне оценивалось в 30—45% из-за вирусного заболевания нового высокоурожайного сорта ИР-5 и нашествия крыс, а в рисоводческих районах Минданао — в 70% из-за политической нестабильности (конфликт на религиозной почве между мусульманами и христианами-переселенцами с о-ва Лусон и Висайев вызвал бегство около 800 тыс. человек из провинции Котабаты) [30, 26.1.72].

чие районы. До начала «революции» продуктивность земли под рисом здесь была несколько выше общенационального уровня, поскольку использование орошаемых земель превышало средненациональный уровень в четыре раза, а удобрений — в три раза [43, 7—8]. Рисоводческие хозяйства отличались более высоким уровнем товарности. Однако уровень сельскохозяйственной технологии был ненамного выше, чем в других районах страны. В землепользовании доминировала мелкая издольная аренда — 65% всех хозяйств района принадлежала издольщикам (по сравнению с 40% в стране в целом), а включая хозяйства полуарендатора — 81% хозяйств. Причем в отдельных провинциях на основе издольщины велся еще больший процент хозяйств: в Пампанге, например, 85 [43, 8]. Не только с социально-экономической, но и с политической точки зрения Центральный Лусон — средоточие всех аграрных противоречий страны. Все аграрные реформы (1954—1955, 1963 и 1971 гг.) касались прежде всего Центрального Лусона. Однако прочные позиции помещиков на местах и в центре (в конгрессе) давали им возможность чинить препятствия проведению земельных реформ. В этом едва ли не главная причина того, что филиппинское правительство ухватилось за «зеленую революцию». Оно рассчитывало, как и правящие круги многих других стран в первые годы триумфального шествия «революции», подменить ею аграрные реформы и тем самым разрядить напряженную обстановку.

«Зеленая революция» означает становление новых производительных сил в сельском хозяйстве Филиппин (в тех районах страны, где она, несмотря на свои зигзаги, смогла закрепиться). Этот процесс сопровождается изменениями в производственных отношениях, ибо, как отмечал К. Маркс в «Капитале», «средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд» [1, 191].

Характер социальных сдвигов, вызванных и усиленных «зеленой революцией» в филиппинской деревне, весьма различен. Она развивалась в районах, где и до этого социальные противоречия были наиболее острыми, поэтому она выступила мощным катализатором дальнейшего углубления социального неравенства. Поскольку

«зеленая революция», протекающая в капиталистической форме, способна увеличить производство сельскохозяйственных продуктов, но обеспечить справедливое распределение его плодов не в состоянии, то, с одной стороны, она стала источником повышения доходов капитализирующихся, эксплуататорских групп деревни, а с другой стороны, как показывают конкретные обследования, положение массы мелких крестьян, издольщиков и сельскохозяйственных рабочих ухудшается. «Зеленая революция» стала причиной снижения жизненного уровня многих представителей этих слоев сельских тружеников. Лишь небольшая группа из них смогла увеличить свои доходы.

«Зеленая революция» и крупные землевладельцы. Рассмотрим конкретное воздействие «зеленой революции» на разложение старых социально-экономических укладов.

Прежде всего остановимся на влиянии «зеленой революции» на крупное землевладение. В Центральном Лусоне накануне возникновения «зеленой революции» было три типа крупных землевладений: церковные земли, затем крупные помещичьи имения, достигающие иногда нескольких сот гектаров, и третий, наиболее распространенный тип — владения средних и мелких помещиков из купцов, государственных служащих, лиц свободных профессий и прочих, для которых земля, не будучи основным источником существования, скорее служит средством утверждения определенного социального положения в обществе⁷. Таким мелким и средним помещикам принадлежала большая часть обрабатываемых земель района.

Большинство крупных землевладельцев — абсентеисты, ведущие паразитический образ жизни и не прилагающие усилий к повышению продуктивности земли с помощью дополнительных инвестиций в нее или в агротехнику. Часто их хозяйство ведет намумуисан (посредник помещика, сдающий от себя землю в издольную аренду и выплачивающий помещику фиксированную

⁷ Японский аграрник А. Такахаши в своем исследовании приводит следующий пример. Иногда такой владелец получает доход с 1 га земли, цена которого 6—7 тыс. песо, всего 150—300 песо в год, т. е. меньше, чем платят банки на равный вложенный капитал [43, 136].

ренту) или кативала (надсмотрщик). Сами землевладельцы-абсентеисты «редко посещают деревню и считают, что никакие законы о земельной реформе ничего не изменят, так как не будут исполняться» [43, 130].

«Зеленая революция» существенно изменила роль крупных землевладельцев в социальном организме деревни. Поскольку в ходе «зеленой революции» абсолютная масса продукта с единицы площади значительно увеличивается, помещичий класс обнаруживает все более сильное стремление присвоить главные плоды технического прогресса. И действительно, опираясь на свою земельную монополию, крупные землевладельцы уже с самого начала «зеленой революции» вздувают рентные платежи. Они яростно сопротивляются переводу своих арендаторов на фиксированную ренту (как этого требуют аграрные законы), поскольку такой перевод обычно связан с сокращением нормы их дохода. Не удивительно, что в таких условиях арендаторы «отказываются выращивать новые сорта риса до того, как фиксированная рента будет установлена и договор о ней подписан» — отмечается в обследовании, проведенном сотрудниками ООН [48, 14]. «Более того, — делается вывод в материалах этого же обследования, — они не уверены, что государство сможет оказывать им услуги, которые они получают от помещика, особенно в сфере кредита» [48, 28]. В обследовании Международного банка реконструкции и развития, проведенном в марте 1971 г. в Центральном Лусоне, также подчеркивается, что «недостаток дешевого кредита для крестьян оставляет даже „новых арендаторов“ (т. е. бывших издольщиков, перешедших на фиксированную ренту в районах проведения реформы) в руках землевладельцев и, таким образом, доля землевладельца в продукте, создаваемом арендатором, в виде земельной ренты сохраняется почти без изменений» [34, 21] (но абсолютно при повышении урожайности растет). В обзоре экспертов ФАО отмечается, что с мест поступают сообщения о том, что крестьяне, частично перешедшие на новые, высокоурожайные сорта, продолжают платить помещику ту же долю урожая в качестве земельной ренты, какую выплачивали прежде [48, 33].

Одновременно в филиппинской деревне нарастает процесс сгона арендаторов с земли. Х. Волкнер, обслед-

довавший положение в Центральном Лусоне, пришел к выводу, что «первым значительным эффектом зеленой революции в орошаемых районах Центрального Лусона было повышение цен на землю, рост неуверенности среди арендаторов и издольщиков в своем положении и волна сгона их с земли, поскольку высокая отдача „чудо-риса“ стимулировала помещика освобождать землю от арендаторов и вести хозяйство с помощью наемной силы» [50, 66]. Обследование в муниципалитете Майанток в 1965 и 1967 гг. показало: число арендаторов по этой причине здесь снизилось за этот период на 6% [13, 91]. Другие обследования также свидетельствуют о том, что в связи с повышением продуктивности земли участились случаи сгона арендаторов, так как помещики воспользовались статьей закона 1963 г. «О земельной реформе», предоставляющей землевладельцу право перейти к самостоятельному ведению хозяйства. Сгон арендаторов с конца 60-х — начала 70-х годов означает усиление развития процесса экспроприации непосредственных производителей под влиянием «зеленой революции». Это, в свою очередь, не может не обострять классовые противоречия в деревне. Крестьянские, вернее, арендаторские походы, особенно усилившиеся с 1969 г., являлись протестом и против сгона арендаторов. «Зеленая революция» вызвала обострение важнейших социальных проблем деревни, поэтому она усилила новые требования проведения земельной реформы.

«Зеленая революция» стимулировала процесс превращения старых, традиционных помещиков (прежде всего в Центральном Лусоне) в класс земельных собственников капиталистического типа (разрыв непосредственных связей их с землей). Возникают новые формы управления рисоводческими хозяйствами. Министр сельского хозяйства Х. Дрилон отмечал «большую эффективность» создаваемых частных компаний по управлению рисоводческими хозяйствами; эти компании берут на себя обязательства наладить для ее владельца высокопродуктивное хозяйство [18, 42].

Обследователи указывают на важный сдвиг в структуре землевладения под влиянием «зеленой революции» — переход земли к владельцам нового типа — деловым людям. Некоторые категории землевладельцев, главным образом абсентеисты, с повышением продук-

тивности земли считают для себя более выгодным продать имения новым для деревни лицам, обладателям денежного капитала [16, 65]. Появление на деревенской сцене нового землевладельца — «чужака из города», «аутсайдера» связано с тем, что новая технология и гибридные семена сделали чрезвычайно прибыльным делом инвестирование денег в сельскохозяйственное производство. Развитию капиталистического предпринимательства способствуют щедрые налоговые льготы для сельскохозяйственных инвестиций [13, 84].

Скупка земли деловыми людьми вызвала, в свою очередь, изменения в землепользовании. Так, Г. Кастильо, А. Гусман, С. Пахунд и Л. Пахе отмечают, что в обследованных ими районах новые землевладельцы сразу же перевели крестьян на фиксированную ренту, повысив при этом плату с 15 до 27 каванов⁸ палая в год с 1 га (из первого и второго урожая вместе) [16, 65]. Таким образом, как следствие повышения массы продукта, производимого на земле, растет и земельная рента, и общество во все возрастающих размерах уплачивает дань классу землевладельцев. В ряде случаев процесс перехода на фиксированную ренту оказался быстротечным; мелкие издольщики, сидевшие на этой земле, при существующих условиях не имели возможности использовать новую технологию и, следовательно, настолько увеличить производство, чтобы платить высокую ренту новому землевладельцу. Последний поэтому предпочитал вести собственное хозяйство, а издольщиков либо переводил на положение сельскохозяйственных рабочих, либо сгонял с земли. В других случаях новые «прогрессивные фермеры» (в основном владельцы денежных капиталов) арендовали землю, имея достаточно капиталов и кредита для ведения хозяйства по новой технологии. Теперь расширились возможности существования предпринимательской аренды в старых рисоводческих районах. Таким образом, через аренду и посредством скупки земли землевладельцами нового типа создаются условия для роста капиталистического землепользования.

Остается добавить, что основным источником при-

⁸ К а в а н — мера веса сыпучих веществ, равная 44 кг очищенного риса и 56 кг неочищенного риса (палая).

обретения земли «прогрессивными фермерами» (выходцами из несельскохозяйственного сектора) являются имения мелких помещиков — абсентеистов, о чем мы уже говорили. Другим источником расширения землеуладения этих «фермеров» стала скупка земли у мелких крестьян-собственников и полуарендаторов, которые не в состоянии внедрять в свое хозяйство достижения науки и техники из-за отсутствия средств и кредитов.

Отношения между помещиком и арендатором с введением новых семян складываются следующим образом. Земельный собственник теперь в большей мере заинтересован в росте денежной отдачи от хозяйств его арендаторов и соответственно игнорирует свои традиционные обязательства в отношении эксплуатируемых им арендаторов и рабочих. В частности, все более стираются личные отношения, они перерастают в безличные отношения: наниматель — наемный рабочий. Переход земли в руки «аутсайдеров» сопровождается уменьшением роли традиционных отношений в деревне. Развитие капитализма размывает институт патернализма, предполагающий оказание в иных случаях помощи тем, кто находится на нижних ступенях социальной лестницы.

Процессы повышения ренты и усиления сопротивления помещика передаче земли издольщикам в соответствии с законом, а также переход крупных землевладельцев к собственному хозяйствованию и соответственно сгон арендаторов с земли нагнетают классовый антагонизм в филиппинской деревне.

«Зеленая революция» и крестьяне-земельные собственники. Новая технология производства стала внедряться со второй половины 60-х годов в рисоводческом Центральном Лусоне без сколько-нибудь значительных изменений в существующей аграрной структуре, поэтому результатами нововведений смогла воспользоваться в этом районе господства мелкого издольщика относительно небольшая группа крестьян-рисоводов. Следует иметь в виду, что прослойка крестьян-собственников в Центральном Лусоне значительно уже, чем в других районах⁹. Удельный вес крепких крестьянских хозяйств

⁹ Большинство крестьян района лишилось земли еще в начале XX в. А. Такахаси, проводивший социально-экономическое обследование филиппинской деревни накануне «зеленой революции», пришел

также значительно меньше, чем в стране в целом, где они составляют менее 5% всех хозяйств, причем лишь 4/5 из них принадлежат производителям, имеющим собственную землю [4, 150].

«Зеленая революция» дала резкий толчок концентрации богатства в деревне, росту имущественного неравенства между различными слоями сельского общества, усилению процесса его расслоения. Под влиянием «зеленой революции» увеличивается разрыв в уровнях доходов, получаемых различными группами крестьян. Г. Кастильо, А. Гусман и другие пишут, что «те, кто имел капитал, получили больше возможностей извлекать выгоды из новых сельскохозяйственных методов и проявлять деловые качества, чем те, у кого таких ресурсов не было» [16, 65]. К подобному же выводу пришел и чиновник Экономического и социального совета ООН, отмечавший, что «зеленая революция раздает свои дары прежде всего тем, кто уже вел коммерческое хозяйство, а среди них — скорее крупным производителям, чем мелким» [47, 5].

Опыт «зеленой революции» на Филиппинах ясно показал, что с ее помощью государство содействует укреплению капиталистических элементов в деревне, переводя на рельсы капитализма верхушку крестьянства. Плоды научных достижений в производстве сельскохозяйственной продукции попадают в руки небольшой прослойки предпринимателей, которые могут получать устойчивые урожаи¹⁰. Эти хозяйства имеют лучшие условия сбыта (обходятся без посредников) и кредита (используют банковский кредит). Они вкладывают капиталы в современную земледельческую технику. К ним попадает наибольшая часть государственных капиталов

к выводу, что особенно бурный процесс обезземеления в Центральном Лусоне происходил с 20-х годов XX в. По свидетельству Х. Риверы и Р. Мак-Миллана, относящемуся к середине 50-х годов, 15% сельскохозяйственных рабочих, 27% арендаторов и 83% полуарендаторов Центрального Лусона показали, что еще их родители имели собственную землю [цит. по 43, 17].

¹⁰ Следует отметить, что только с «зеленой революцией» на Филиппинах преодолен барьер низкой урожайности риса, ранее характерной даже для крупных хозяйств. ФАО отмечает, что более высокие доходы позволили предпринимательским хозяйствам на накопленные средства закупить машины. Через сельскохозяйственные банки они получили возможность приобрести в рассрочку сельскохозяйственные машины за границей (на заем у МБРР) [48, 25].

вложений, направляемых в сельскохозяйственный сектор для развития производства интенсивного типа (в орошение, удобрения, машины и т. п.); все это способствует повышению органического строения капитала и соответственно сокращению издержек производства в хозяйствах зажиточных крестьян.

Государственная программа внедрения высокоурожайных сортов, принятая в 1966 г., охватила прежде всего крупные крестьянские хозяйства. Так, в первый год ее действия (влажный сезон 1966 г.) в целом по стране было отобрано 25 хозяйств с 469 га (в среднем по 19 га на хозяйство), которым были предоставлены гибридные семена [48, 11]. Исследования Международного исследовательского института риса показывают, что хозяйства, первыми перешедшими на новые сорта в 1966/67 г., еще до адаптации гибридных семян, велись на более научной основе и быстрее воспринимали технические нововведения, чем прочие хозяйства, причем и ранее традиционные сорта у них давали более высокие урожаи [48, 22].

Государство по Программе самообеспечения страны рисом реорганизовало службу кредита для более полного удовлетворения спроса на кредит прежде всего предпринимательских хозяйств. В конце 1966 г. был учрежден Фонд сельскохозяйственных гарантий и займов с капиталом в 34 млн. песо, из которого поступали средства в сельскохозяйственные банки. Также был расширен кредит для владельцев складов и рисорушек [48, 13]. Более того, были повышены закупочные цены (до 16 песо за 1 каван очищенного риса, против 13,5 песо в 1965 г.) и улучшена система закупок риса.

В какой же мере используются современные методы ведения хозяйства в мелком производстве? Многочисленные обследования, проведенные с середины 60-х годов, показали, что «зеленая революция» лишь частично затронула традиционный сектор и что без изменения экономического базиса возможности замены традиционного способа ведения хозяйства новым, современным для большинства крестьян крайне ограничены. «Плоды зеленой революции попадают в руки меньшинства сельского населения, большинство мелких производителей остаются практически вне сферы влияния новых открытий», — отмечает З. Ахмад [13, 95]. Мелкие

крестьяне поначалу с большой надеждой ухватились за новые сорта риса главным образом из-за их более высокой урожайности. Однако отрезвление пришло довольно скоро: новая технология сопряжена с крупными инвестициями в хозяйство, она требует существенного увеличения расходов на орошение, земледельческую технику, семенной фонд, удобрения и другие химикаты. А такими инвестициями мелкое хозяйство не располагает. Значительная группа крестьян перешла на возделывание высокоурожайных сортов, не имея достаточных средств для приобретения других факторов производства, они не полностью придерживались научно обоснованной нормы применения удобрений, пестицидов и т. п., поэтому урожайность у них была ниже, чем в крупных хозяйствах. Более того, по сведениям, приводимым Дж. Хиксом и Дж. Мак-Николом, у многих крестьян первоначальный энтузиазм, вызванный «зеленой революцией», стал сменяться разочарованием: так, 44% крестьян провинции Лагуна, выращивающие сорт ИР-8, заявили, что они прекращают его сажать, поскольку он неустойчив к тайфунам и обладает недостаточной сопротивляемостью к болезням, однако главной причиной отказа были низкие цены на «чудо-рис», высокие издержки его производства [24, 208]. В результате площади под гибридными семенами в начале 70-х годов стали сокращаться.

До сих пор обследования отношения «затраты-выход» (продукта) при выращивании высокоурожайных сортов риса проведены лишь в нескольких хозяйствах Лагуны и Рисаля, наиболее развитых рисоводческих провинций Центрального Лусона. Так, в Рисале было обследовано 200 хозяйств, возделывающих сорт ИР-8, и 127 хозяйств, выращивающих «бинато» — местный улучшенный сорт. В первом случае издержки составляли 779 песо на 1 га, валовой доход — 1528 песо, таким образом отношение «затраты-выход» было равно 0,51, во втором — 375 песо, 764 песо и 0,49 соответственно [48, 32]. Отношение «затраты-выход» в первом случае несколько хуже, чем во втором, но поскольку сбор с единицы площади при возделывании «чудо-риса» выше, то и чистый доход на единицу площади много больше. Ограниченность ресурсов у массы филиппинских крестьян как раз и не позволяет им применять но-

вую технологию и тем самым увеличить свои доходы. Таким образом, растет различие между крупными и мелкими хозяйствами по продуктивности земли и, следовательно, по чистому доходу с единицы площади.

На основе приведенных фактов мы склонны считать данные министерства сельского хозяйства о площадях под новыми сортами (1353 тыс. га, или 44% всех площадей под рисом, в 1968/69 г.) завышенными, а данные Совета по координации производства риса и кукурузы (527 тыс. га) более соответствующими действительности¹¹. Нужно при этом учесть, что в хозяйствах площадью свыше 10 га под рисом занято 625 тыс. га. Поэтому, если исходить из данных упомянутого Совета, можно сделать вывод, что «революция» в рисосеянии охватила главным образом крупные хозяйства.

На пути роста производства в мелком хозяйстве помимо отсутствия у него накоплений стоят многие другие барьеры. Это прежде всего отсутствие «дешевого» кредита. Значительная часть дохода крестьянского хозяйства съедается в каналах сбыта (господство торгового посредника на рынке крестьянской продукции). Мелкое производство сталкивается и с другими трудностями при реализации своей продукции (малочисленность государственных закупочных пунктов, с помощью которых государство поддерживает устанавливаемые им закупочные цены, и складских помещений для хранения запасов риса и т. д.) [48, 27]. Кроме того, источники информации о новой технологии у мелких крестьян значительно хуже, чем у крупных. Государственная служба распространения сельскохозяйственных знаний действует пока недостаточно эффективно из-за малочисленности аппарата и низкой квалификации большинства персонала¹².

Новые сорта рассчитаны на современный передовой уровень ведения сельского хозяйства, для их освоения требуется определенный минимум агротехнических зна-

¹¹ Первый показатель на 0,5 млн. га превышает площадь всех орошаемых земель под рисом [48, 29]; между тем «чудо-рис» возделывается именно на поливных землях. ФАО для 1969/70 г. повторяет цифру министерства сельского хозяйства [49, 85].

¹² На мелких крестьян службы распространения сельскохозяйственных знаний оказывали незначительное влияние: 75% опрошенных крестьян ответили, что они не читали ни газет, ни брошюр, ни журналов [48, 24].

ний. Поэтому принятие новой технологии сдерживается низким уровнем образования крестьян: большинство из них, по официальным данным 1962 г., обучалось в учебных заведениях всего 3,74 года (издольщики — только 3,38 года), из обучавшихся крестьян 59% посещали какое-то время начальную школу, 29,6% окончили полную начальную школу, 9,9% — среднюю и 1,5% посещали колледж [33, 43; 19, 27].

Развитие интенсивного земледелия в мелких хозяйствах старых рисоводческих районов, к которым принадлежит Центральный Лусон, сдерживается традициями и обычаями, сохранившимися еще с далеких колониальных времен. Они порождены крайней бедностью, лишившей крестьян веры в лучшее будущее, а также их большой зависимостью от местного крупного землевладельца, который зачастую выступает не только господином, но и единственным «благодетелем» (например, помещик никогда не откажет своему арендатору в займе, предоставляемом, конечно, на ростовщических условиях). Некоторые традиции связаны с религиозными обычаями католической церкви. Это такие обычаи, как батхала (полагаться на судьбу, на бога) и маньяна (полагаться на политических деятелей в решении своего будущего, на волю господина) и т. п. Кроме того, крестьянин считает своей обязанностью нести большое (часто непосильное) бремя расходов на фиесты, свадьбы, крестины, введенные еще в испанский период монахами, вытягивавшими все соки из крестьян. В целом по своему экономическому и социальному положению большинство мелких собственников не далеко ушло от издольщиков, они едва сводят концы с концами. «Помыслы среднего крестьянина не распространяются дальше того, чтобы накормить свою семью... и не умереть с голоду», — отмечает филиппинский аграрник Н. Табланте [41, 50].

Повышение цен на землю в связи с увеличением ее продуктивности усилило движение земельной собственности через сферу рыночных отношений. Мелкие крестьяне-собственники выступают на земельном рынке только продавцами, так как отныне приобретение земли становится для них невозможным. Это отмечает, например, З. Ахмад: «Мелкие крестьяне, которые сами не в состоянии вкладывать капитал, стали продавать зем-

лю капиталистическим предпринимателям, увеличивая армию безработных. Развивается тенденция к сосредоточению земли в руках новых владельцев — бизнесменов и зажиточной группы крестьян, с одной стороны, и к дальнейшему обезземелению бедняков, с другой» [13, 91].

Таким образом, усиливается социальная дифференциация в деревне между теми, кто может использовать и использует новую технологию, и теми, кто остается в стороне от технического прогресса, причем разрыв этот по мере дальнейшего обогащения эксплуататорского сектора деревни будет расти.

Изменения в положении издольщиков и сельскохозяйственных рабочих. Издольщик является центральной фигурой сельского общества как раз в главном районе «зеленой революции» на Филиппинах — Центральном Лусоне. Многочисленные материалы показывают, что экономическое положение издольщика — основного производителя риса в этом районе и традиционная система его отношений с землевладельцем не позволяют ему пользоваться плодами «революции». Действительно, существующая система издольной аренды начисто лишает производителя стимулов повышения продуктивности земли, так как большая часть плодов этого процесса достается землевладельцу, а риск целиком перекладывается на издольщиков. Многие из них на собственном опыте проверили это еще до начала «зеленой революции». Попытки некоторых крестьян использовать в 1958—1960 гг. новую систему рисосеяния «масагана» были прекращены спустя пять-шесть лет, потому что высокие издержки производства почти не окупались полученным ими дополнительным урожаем, большая часть которого забиралась помещиком в виде земельной ренты и займов. Таким образом, издольщик не извлекает достаточных преимуществ из увеличения продуктивности земли: возрастающая рента «съедает» прирост. Принимавшиеся неоднократно до «зеленой революции» государственные меры, направленные на поднятие производительности при сохранении издольщины, не приносили результатов. «Издольная аренда явно поощряет неэффективное использование труда издольщика... При ней на новый прирост продукта налагается дань, которая сдерживает у арендатора стимул к вос-

приятию новой технологии...» — отмечал филиппинский аграрник В. Руттан [37, 68].

А. Такахаси, изучивший в Центральном Лусоне влияние социальной структуры на сельскохозяйственное производство накануне «зеленой революции», отмечал: «Арендатор до тех пор пока он является издольщиком... не заботится об увеличении урожайности» [42, 137]. В результате в хозяйственной деятельности мелкого издольщика весьма значительный упор делается на работу на стороне, ибо, как замечает тот же А. Такахаси, помимо ренты «помещик безжалостно собирает долги из доли урожая издольщика, но не касается доходов, получаемых арендатором и членами его семьи от побочных работ» [43, 141]. Существующая арендная система предполагает, что издольщики и их семьи в полевых работах на арендуемой земле участвуют минимально, основные полевые работы выполняются наемной рабочей силой, которую оплачивают совместно помещик и арендатор. Таким образом, при недозанятости крестьянина и его семьи¹³ хозяйство зависит от наемного труда. Поэтому для мелкого крестьянина основным источником дохода является не собственное хозяйство, а работа по найму и другие занятия вне хозяйства¹⁴.

Распределение семейного и наемного труда в мелких хозяйствах издольщиков определяется сложившимися отношениями: семейный труд используется на тех работах, расходы по выполнению которых несет издольщик, а наемный труд — там, где расходы делятся между издольщиком и помещиком. Таким образом, важность в производственном процессе в крестьянском хозяйстве наемного труда и характер потребности хозяйства в наемной рабочей силе определяются не недостатком семейного труда, а тем, что при сложившейся

¹³ По данным обследования Х. Риверы и Р. Мак-Миллана, время работы в своем хозяйстве у группы обследованных крестьян в Центральном Лусоне составляло: у собственников — 13,4% всего рабочего времени, у арендаторов — 11,6, у полуарендаторов — 9,8% [12, 14].

¹⁴ Доход от побочных занятий превышает доход от ведения хозяйства у производителей, имеющих менее 3 га, в группе хозяйств с 3—4 га он составляет треть, в хозяйствах с 4—5 га — 20,4%. Эти данные приведены в отчете об обследовании 5129 крестьянских хозяйств рисоводческих районов Лусона [10, 60].

системе эксплуатации мелкого производителя применение семейного труда в процессе производства становится «невыгодным» для него. Этот феномен мог вырасти только на почве сложившихся в деревне отношений землевладения и землепользования. Он составляет типичную черту экономической структуры в рисоводческих районах Центрального Лусона [43, 140]¹⁵. По-видимому, роль семейного труда будет повышаться, а наемного соответственно уменьшаться по мере увеличения числа хозяйств с фиксированной арендной платой.

«Зеленая революция» не изменила условия аренды земли издольщиками — в основном они продолжают платить землевладельцу половину урожая в засушливый сезон, все производственные издержки в этом случае делятся пополам, а издольщик, кроме этого, предоставляет труд своей семьи, рабочий скот и орудия труда. Во влажный сезон две трети урожая идут арендатору, треть землевладельцу, но все расходы берет на себя издольщик. Сохранение прежних условий аренды при повышении производственных издержек, требуемых новой технологией производства, означает, что доля издольщика относительно сокращается, а доля землевладельца увеличивается. Этот вывод подтверждается данными обследований, выявивших, что уровень доходов в бедняцких хозяйствах, перешедших на новую технологию, повысился только у двух пятых, у трети — сократился, а у остальных — остался без изменений¹⁶. Начальный уровень доходов в обследованных хозяйст-

¹⁵ Следует отметить, что в хозяйствах крестьян-собственников вместо наемного труда широко используются общинные формы трудовой кооперации (суйуан или палусог).

¹⁶ Хотя уже с начала 1967 г. 80% опрошенных крестьян в провинции Лагуна употребляли высокоурожайные сорта риса, только у 41% из них (как они заявили во время обследования в 1969 г.) за 6 лет, прошедших со времени предыдущего обследования, доходы выросли, у 28% они сократились, а у 31% остались без изменения. В 1969 г. опрошенные ответили: 41% — что они могут вести нормальное существование, а 54% — что у них не хватает на жизнь (в 1963 г. 33 и 59% соответственно). Однако 80% опрошенных (включая частично тех, доходы которых позволяли им вести нормальное существование) не имели никаких сбережений. «Зарботки далеки даже от удовлетворения обычных ежедневных расходов, не говоря об улучшении условий существования, сбережениях на случай непредвиденных нужд или старости», — отмечается в материалах обследования [16, 67, 82, 84, 99, 135].

вах был настолько низкий, что их увеличение в связи с «зеленой революцией» дало возможность только двум пятым крестьян (против трети пять лет назад) «вести нормальное существование» (значение этого термина в обследовании не поясняется), а больше половины все еще не имели достаточных средств на жизнь. Но и первые не имели никаких сбережений [16, 81].

Сдвиги, происходящие в филиппинской деревне под влиянием новой агротехнологии, показывают, что она вызывает изменение в производительных силах, повышает производительность труда и ускоряет процесс развития капиталистических отношений. Что касается Центрального Лусона, где чрезвычайно широко распространилась издольщина, относимая К. Марксом к «переходной форме поземельных отношений» [2, ч. II, 367], то «зеленая революция» ускорила здесь процесс пролетаризации касамы, превращения их из издольщиков в сельскохозяйственных рабочих. Частично они дополнили армию скрытого аграрного перенаселения деревни. Еще резче обозначились поляризация крестьянства и выделение богатой верхушки. Увеличение товарной продукции риса в капиталистических хозяйствах и рост потребления ими продукции города расширяет обмен между промышленным и сельскохозяйственным секторами, между городом и деревней. Оба этих процесса (пролетаризация основной массы населения и расширившийся межсекторный обмен) развивают внутренний рынок и втягивают в него новые силы.

Влияние «зеленой революции» на положение сельскохозяйственных рабочих в целом неблагоприятно. В условиях Филиппин, когда сельскохозяйственный рабочий — это главным образом сезонник, нанимающийся на время полевых работ в мелкие хозяйства издольщиков (в хозяйствах собственников преобладает трудовая кооперация крестьян, т. е. обмен трудом в его непосредственном виде), использование живого (в том числе наемного) труда возросло. Однако, хотя новая технология, позволившая собирать с поливных земель два, а в иных случаях три урожая риса, увеличила спрос на рабочую силу, его расширение не вызывало роста номинальной заработной платы для большинства рабочих, несмотря даже на рост стоимости жизни из-за инфляции. Лишь труд небольшой части рабочих, кото-

рые используются ныне на более квалифицированной работе на крупных капиталистических фермах — в качестве трактористов, бульдозеристов и т. п., оплачивается выше, чем раньше [35, 36].

Действительность опровергла предсказания многих буржуазных экономистов, утверждавших, что в условиях «зеленой революции» положение сельскохозяйственных рабочих значительно улучшится из-за повышения спроса на рабочую силу. Спрос на рабочую силу в условиях малой механизации с интенсификацией земледелия вырос в рисоводческих хозяйствах, перешедших на новые сорта, на 30—50%, но безработица видимая, а еще более скрытая охватывает огромную массу сельского населения, и расширение спроса изменяет в сущности положение лишь части сельскохозяйственных рабочих. К тому же уже сейчас масштабы безработицы шире, чем дополнительные потребности в рабочей силе. Повышение спроса носит временный характер, и дальнейшая интенсификация земледелия на базе внедрения машин, сберегающих труд, неминуемо приведет к выталкиванию из производства рабочей силы. Сокращение занятости в деревне в условиях огромной скрытой и видимой безработицы и отсутствия возможностей города поглощать выталкиваемую рабочую силу грозит вылиться в огромную социально-политическую проблему.

Недаром представители стран Азии, собравшиеся на семинар по вопросу сельской занятости в ноябре 1971 г. в Нью-Дели, убедительно доказывали, что ускорение механизации сельскохозяйственных работ означает резкое ухудшение положения огромного сектора населения стран «третьего мира» и поэтому надо очень осторожно и избирательно ее осуществлять [35].

Рост сельской и городской безработицы, увеличение числа безземельных крестьян (как в результате изменения экономических условий — низведения мелких крестьян и издольщиков до уровня сельскохозяйственных рабочих, так и из-за естественных факторов — быстрого прироста населения), ухудшение положения мелких крестьян, издольщиков и сельскохозяйственных рабочих, дополненные проявлением кризиса в других сферах экономики, — все это создает предпосылки политической нестабильности, которые легко могут при-

вести к перерождению «зеленой революции» в революцию «красную» [13, 84]. Многочисленные демонстрации, крестьянские марши протеста и походы «за справедливость в аграрном вопросе», усилившиеся с конца 60-х годов, — грозный показатель роста социальных противоречий [52; 35; 20].

Не случайно, что именно в районах «зеленой революции», где плодами прогресса пользуется относительно небольшое число капиталистических предпринимателей и крупных землевладельцев, эксплуатирующих массы издольщиков и безземельных батраков, крестьянская борьба за землю принимает ожесточенный характер. Рост социального недовольства, усилившегося под воздействием «зеленой революции», делает аграрную реформу настоятельной необходимостью.

«Зеленая революция» и земельные реформы. С начала 70-х годов «зеленая революция» натолкнулась на большие социально-экономические барьеры. В сдерживании ее развития сыграл свою роль и фактор стихийных бедствий: два года подряд тайфуны, вызывающие наводнение, губили урожаи риса на многих тысячах гектаров посевных площадей. Но основной фактор затухания победоносного шествия по рисовым полям «чудо-риса» — это социально-экономические отношения, которые, одновременно испытывая и оказывая влияние на «зеленую революцию», обострились настолько, что выход из создавшейся ситуации обозначился только на пути изменения аграрных отношений. Таким образом, если в первые годы распространение новой технологии вызывало у правящих групп ряда стран надежды на преобразование сельскохозяйственного сектора без проведения аграрных реформ, то опыт Филиппин, а также других стран, приступивших к внедрению высокоурожайных сортов зерновых без изменения аграрных отношений, наглядно продемонстрировал, что подменить проблему преобразования социально-экономических отношений введением новых технологических процессов в сельском хозяйстве невозможно.

Развиваясь в рамках старых социальных структур, «зеленая революция» не нейтральна к ним, под ее воздействием происходит обострение свойственных этим структурам противоречий, более интенсивная ломка сложившегося уклада деревенской жизни, поэтому тех-

нический прогресс протекает в особенно мучительных и болезненных для большой массы народа формах.

Тем самым опыт развития «зеленой революции» во второй половине 60-х годов показал, что социально-экономические преобразования стали абсолютно необходимыми для дальнейшего экономического прогресса, в том числе и для распространения научно-технического прогресса в сельскохозяйственном секторе.

Осознание филиппинскими правящими кругами грозящей опасности для самого существования нынешнего общественно-политического строя со стороны крестьянских масс, задыхающихся от безземелья¹⁷, привело к принятию в сентябре 1971 г. после неоднократных обсуждений в конгрессе нового закона о земельной реформе, предусматривающего значительно более глубокую трансформацию земельных отношений, чем закон 1963 г. Однако и закон 1971 г., как и предыдущие, помещики саботировали. Только год спустя в условиях чрезвычайного положения в стране было сломлено сопротивление крупных помещиков аграрным преобразованиям. 26 сентября и 21 октября 1972 г. президент Маркос подписал декреты № 2 и № 27 о новой земельной реформе, являющиеся частью программы создания «нового общества, основанного на социальной справедливости» [34а, 39—40]. Эти декреты предусматривали ряд изменений в земельных отношениях — ликвидацию посредством выкупа помещичьих землевладений (у крупных землевладельцев, не перешедших до опубликования декрета к ведению собственного хозяйства, сохранялось только 7 га земли) и распределение изъятых площадей среди безземельных и малоземельных крестьян. Таким образом, декреты ликвидируют не только крупное, но и мелкое помещичье землевладение (абсентеистское), а также и остатки полуфеодалных отношений в виде касамахан (издолящины), сковывающих развитие производительных сил. Примерно 80% намеченных к распределению земель должны быть изъяты у мелких помещиков — абсентеистов. Часть

¹⁷ С конца 60-х годов особенно усилились выступления крестьян за земельную реформу. Они принимали форму походов к президентскому дворцу, маршей протеста против «несправедливости в аграрном вопросе», демонстраций и т. п.

земли предполагается изъять у компаний¹⁸. Отдельные имения конфискуются безвозмездно [17а, 7.X.1972].

Программа создания «нового общества» была встречена в штыки земельной аристократией, поддерживающей свою политическую и административную власть на местах при опоре на собственные вооруженные банды. Эти банды, численность которых, по словам президента страны Ф. Маркоса, достигла 75 тыс. человек, землевладельческая олигархия использует для «защиты» своих прав методами «политического гангстеризма». Помимо контроля на местах земельная аристократия держала в своих руках значительную часть конгресса — высшего законодательного органа страны.

Вполне очевидно, что без ликвидации экономической и политической власти земельной аристократии невозможно провести необходимые реформы в деревне. Начиная с 26 сентября 1972 г. вся страна стала «зоной проведения реформы». Закон распространяется на всех крупных землевладельцев, не ведущих собственного хозяйства (капиталистические плантации исключались). Правительство обязалось выкупить примерно 1,5 млн. га и перераспределить их среди безземельных и малоземельных крестьян (по 5 га неорошаемых или 3 га орошаемых земель) за выкуп в рассрочку на 15 лет из 6% годовых. Государство устанавливает для арендаторов цену на землю, равную стоимости 2,5 среднего урожая, полученного за три года, предшествовавших опубликованию декрета, или 60% ее рыночной цены. Предоставляемый арендаторам кредит будет поглощать около 1/5 урожая [34б, 103].

Декрет № 27 учитывает опыт предыдущих реформ, когда крестьяне, получившие по закону землю, вынуждены были от нее отказаться в пользу деревенского богатея, у которого они находились в долгу. Поэтому в новом декрете содержится статья, которая предусматривает, что земля передается крестьянину только при условии вступления его в сельскохозяйственный кооператив и остается в его владении до тех пор, пока он

¹⁸ Например, объявлено о принудительном выкупе плантаций площадью около 10 тыс. га у «Табакалеры», стариннейшей и крупнейшей табачной компании, которая отныне прекращает существование.

является членом кооператива. Более того, декрет также обязывает крестьян, получивших землю, применять современные методы ведения хозяйства. Земля не может быть продана и не может быть передана другому лицу иначе, как по наследству.

Создание сельскохозяйственных кооперативов, выполняющих не только кредитно-сбытовые, но и некоторые производственные функции, — абсолютно новое явление для филиппинской действительности. Здесь можно провести аналогию с законом № 178 о земельной реформе от 1952 г. Арабской Республики Египет, по которому в районах земельной реформы в имениях бывших крупных землевладельцев были созданы многоцелевые кооперативы. Создание подобных кооперативов с обязательным членством позволило заметно повысить производительность труда благодаря открывшейся возможности для использования машин и других орудий производства на крупных полях кооператива [32, 40—41].

Спустя восемь месяцев после опубликования декрета, т. е. к концу июня 1973 г., документы на владение землей получили 30 тыс. арендаторов [13а, 1]. Всего за 1973 г. предполагалось «охватить земельной реформой», по словам министра земельной реформы К. Эстрелья, около 400 тыс. издольщиков [7а, 3]. За пять лет (1973—1977 гг.) в руки крестьян должно быть передано 1,8 млн. га земли [32а, 12].

Новая реформа значительно глубже всех предыдущих: она ликвидирует (а не ограничивает, как было в прошлом) господствующую в старых сельскохозяйственных районах систему помещичьего землевладения и связанные с нею отношения эксплуатации, что может способствовать распространению «зеленой революции» и подъему сельскохозяйственного производства, но уже на изменяющейся социальной основе. Пока же центральной проблемой филиппинской деревни, переживающей сейчас глубокий социально-экономический кризис, является укрепление тех социальных сил, которые в состоянии обеспечить надлежащее осуществление этой реформы.

1. К. Маркс, Капитал, т. I, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 23.
2. К. Маркс, Капитал, т. III, — К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 25, ч. I—II.
3. Баграмов Л., «Зеленая революция»: свет и тени, — «Мировая экономика и международные отношения», 1972, № 8.
4. Барышникова О. Г., Сельское хозяйство Филиппин: генезис и развитие капитализма, М., 1972.
5. Гурвич Р., «Зеленая революция» в Индии: социально-экономические результаты, — «Народы Азии и Африки», 1971, № 1.
6. Ковалев Е., «Зеленая революция», ее технические и социальные аспекты, — «Международная жизнь», 1972, № 8.
7. Оспинникова Л., Обратная сторона «зеленой революции», — «США: экономика, политика, идеология», 1970, № 12.
- 7а. «Правда», 12.VI.1973.
8. Растянников В., Проблемы сельскохозяйственного роста в развивающихся странах Азии, — «Мировая экономика и международные отношения», 1971, № 1.
9. Скоров Г., «Зеленая революция» как проявление мирового научно-технического прогресса, — «Мировая экономика и международные отношения», 1973, № 2.
10. Сумия Микио, Структура экономики и занятости на Филиппинах, Токио, 1962 (на яп. яз.).
11. Ульяновский Р., Социализм и освободившиеся страны, М., 1972.
12. «Agricultural and Industrial Life», [Manila], 1957, vol. 19, № 11.
13. Ahmad Z., The Social and Economic Implications of the Green Revolution in Asia, — «Report on the Asian Regional Seminar...» (см. № 35).
- 13а. «Bagong Bukid», Quezon City, June 1973.
14. Barker R., Cordova V., The Impact of New Technology on Rice Production — a Study of Change in three Philippine Municipalities from 1966 to 1969. 28-th International Congress of Orientalists, Canberra, 1971.
15. Belarmino J., The Rice Problems; an Appraisal, — «Economic Research Journal», Manila, 1965, vol. 12, № 1.
16. Castillo G., Guzman A., Pahud S., Paje L., The Green Revolution at the Village Level: a Philippine Case Study (1963—1970). 28-th International Congress of Orientalists, Canberra, 1971.
17. «Census of the Philippines, 1960 Agriculture», vol. 2, Summary Report. Bureau of Census and Statistics, Manila [1965].
- 17а. «Daily Express», Manila.
18. Drilon J., Towards Self-Sufficiency in Rice, — «The Philippine Review of Business and Economics», 1967, vol. 4, № 2.
19. «Economic Research Journal», [Manila], 1965, vol. 12, № 1.
20. «Fookien Times Yearbook 1970», Manila, 1970.
21. «Four-year Development Plan, FY 1971—1974», Manila, 1970.
22. Colay F. Goodstein M., Rice and People in 1970. Philippine Rice Needs to 1990: Output and Input Requirements, Manila, 1967.
23. de Guia E., Fertilizer Distribution in the Philippines, Paris, 1970.

24. Hicks G., McNicoll G., Trade and Growth in the Philippines. An Open Dual Economy, Ithaca, London, 1972.
25. Huke R. E., Shadows on the Land; an Economic Geography of the Philippines, Manila, 1963.
- 25a. «Land Reform: A Cherished Christmas Gift»,—«Philippines Today», [Manila], December 1972.
26. Liao S., Barker R., An Analysis of the Spread of New High Yielding Rice Varieties on Philippine Farms,—«Economic Research Journal», 1969, vol. 16, № 1.
27. «Mainichi Daily News», [Japan], 23.IV.1970.
28. Mangahas M., Estimates of the Task of Rice Price Stabilization in the Philippines, 1969—1974. Institute of Economic Development and Research, School of Economics, University of the Philippines. Discussion Paper, № 69—9. May 5, 1969.
29. «Manila Times», 1971.
30. «Manila Times», 26.I.1972.
31. Myrdal G., The Challenge of World Poverty. A World Anti-poverty Program in Outline, New York, 1970.
32. Naspat M., Abou-Sheasha T., Alonto A., A Comparative Study on the Main Features of Agricultural Co-operation in the Philippines and the A. R. E.,—«L'Egypte contemporaine», Caire, 1972, № 347.
- 32a. «The Philippine Agrarian Reform Program under the New Society», Quezon City, 1973.
33. «The Philippine Review of Business and Economics», 1967, vol. 4, № 2.
34. «Philippines: Prospects and Problems, March 31, 1971»,—«IBRD, International Development Association (East Asia and Pacific Department)», Manila, 1971.
- 34a. «Presidential Decree № 27»,—«Central Bank of the Philippines. Twenty-fourth Annual Report, 1972», Manila, 1973.
- 34b. «Proclamation № 1081 and Related Documents», Pasig, Rizal, 1972.
35. «Report on the Asian Regional Seminar on the Contribution of Rural Institutions to Rural Development», New Delhi, November 3—16, 1971,—ILO, UN Development Programme. Technical Assistance Sector, Geneva, 1972.
36. Rivera G., McMillan R., An Economic and Social Survey of Rural Households in Central Luzon, Manila, 1954.
37. Ruttan V., Tenure and Productivity of Philippine Rice Production Farms,—«The Philippine Economic Journal», 1966, vol. 5, № 1.
38. Spence H., Marcos of the Philippines, New York, 1969.
39. «Statistical Yearbook for Asia and the Far East 1970», New York, 1971.
40. «Summary of the First Progress Report (Project AGRECO II)», Manila, 1964 (?), [mimeo].
41. Tablante N., Problems of Agricultural Productivity in the Philippines,—«Economic Research Journal», 1965, vol. 12, № 1.
42. Takahashi A., Land and Peasants in Central Luzon. Socio-economic Structure of a Philippine Village, Tokyo, 1969.
43. Takahashi A., Land and Peasants in Central Luzon. Socio-economic Structure of a Philippine Village, Honolulu—Tokyo, 1970.

44. UN ECAFE. «Economic Bulletin for Asia and the Far East», 1969, vol. 20, № 2.
45. UN ECAFE. «Economic Survey of Asia and the Far East, 1964», New York, 1965.
46. UN ECAFE. «Economic Survey of Asia and the Far East, 1969», Bangkok, 1970.
47. UN Economic and Social Council. Commission for Social Development. Land Reform, Note by the Secretary, General Document E/CN.5/444, New York, 1969, December [mimeo].
48. UN FAO. «Introduction and Effects of High-Yielding Varieties of Rice in the Philippines», Rome, 1971.
49. UN FAO. «The State of Food and Agriculture, 1971», Rome, 1971.
- 49a. «U.S. News and World Report», Washington.
50. Voelkner H., The Philippine Rice Revolution. A Case Study of Title IX Implementation», 1969, December (mimeo), стр. 66 (прив. по: Z. Ahmad, The Social..., стр. 91).
51. Vyas V. S., Institutional and Development Implication of Green Revolution—a Perspective and Policy Guidelines,—«Report on the Asian Regional Seminar...» (см. № 35).
52. «Weekly nation», [Manila], December 6, 1971.
53. Wernstedt F., Spencer J., The Philippine Island World. A Physical, Cultural and Regional Geography, Berkeley, 1967.
54. Yudelman M., The Green Revolution,—«OECD Observer», [Paris], 1971, № 52.

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕНСИФИКАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ТРОПИЧЕСКОЙ АФРИКИ

В большинстве развивающихся стран Африки сельское хозяйство — главная сфера материального производства, с которой связано существование подавляющей массы населения. Однако низкий уровень развития предметных производительных сил и слабая капиталоснащенность сельского хозяйства характеризуют его как наиболее отсталую отрасль экономики. Кроме того, вследствие преобладания потребительских малопродуктивных типов хозяйства, скованных пережиточными формами аграрных отношений, темпы роста производства сельскохозяйственной продукции (особенно продовольствия) чрезвычайно низкие, что в целом отрицательно влияет на процесс становления самостоятельной экономики. Таким образом, реконструкция и интенсификация сельского хозяйства является непременным условием поступательного социально-экономического развития.

В настоящее время прогресс в сельском хозяйстве определяется степенью внедрения в него достижений науки и техники. Для развивающихся стран интенсификация сельского хозяйства — сложная комплексная социально-экономическая проблема, решение которой затрудняется и недостатком финансов, и отсталостью социальной структуры деревни, и нехваткой квалифицированной рабочей силы и т. д. Однако острая необходимость подъема сельскохозяйственного производства заставляет развивающиеся страны принимать решительные меры по реконструкции и модернизации сельского хозяйства.

Состояние и структура сельского хозяйства (1965—1970 гг.). Сельское хозяйство образует крупнейший сектор экономики развивающихся стран Тропической Африки; удельный вес его в 1969/70 г. составлял: в валовом внутреннем продукте — 33—46%, в экспорте — 50—70, в самодостаточном населении — около 80%. Оценки ФАО показывают, что в валовом продукте сельского хозяйства Африки¹ на долю продовольствия приходится 86%, в том числе 59% — на долю земледелия и 27% — животноводства [4, 35]. В 1960—1965 гг. валовой объем сельскохозяйственной продукции африканских стран в среднем увеличивался на 2,6% в год, а производство продовольствия — на 2% в год. В расчете на душу населения (при темпах роста населения в 2,0—2,8% в год) объем сельскохозяйственного производства оставался неизменным, а в производстве продовольствия наметилась тенденция к понижению. Во второй половине 60-х годов темпы роста валового сельскохозяйственного производства несколько замедлились, и в 13 странах в расчете на душу населения уровень производства 1968—1969 гг. оказался ниже уровня 1957—1959 гг. [5, 4].

В результате этого, а также вследствие более быстрого развития других секторов экономики удельный вес сельского хозяйства в валовом внутреннем продукте развивающихся стран Африки постепенно сокращался (табл. 1).

Таблица 1

Удельный вес сельского хозяйства в валовом внутреннем продукте по районам Африки*

	1960 г.	1965 г.	1969 г.
Западная Африка	55,1	48,1	46,3
Центральная Африка	40,0	35,1	33,2
Восточная Африка	44,5	43,1	37,8
Северная Африка	29,0	25,6	22,3
Африка в целом (исключая ЮАР)	39,3	35,2	32,0

* [11, 26].

¹ Включая ЮАР, но исключая АРЕ, Ливию и Судан.

К факторам, которые обусловили медленное развитие сельскохозяйственного производства, следует отнести преобладание малопродуктивных типов хозяйств, отсталость материально-технической базы производства, недостаточную интенсивность живого труда.

По целям производства и структуре потребления производимого продукта в африканском сельском хозяйстве выделяются две основные группы хозяйств, называемые натуральным и товарным секторами.

Натуральный сектор представлен огромной массой мелких крестьян-производителей, хозяйствующих ради получения необходимых жизненных средств на основе традиционных систем земледелия (переложная или подсечно-огневая), с использованием примитивных орудий труда (мотыга, топор и др.). Хозяйства заняты возделыванием главным образом потребительских продовольственных культур (просо, сорго, ямс, маниока, плантейн и др.) и лишь отчасти культур, имеющих и товарно-экспортное значение (арахис, масличная пальма, кукуруза и др.). Таким образом, экономическим смыслом существования массы крестьянских хозяйств данного сектора является производство необходимого минимума средств существования, которое ведется на неизменной основе, с применением исключительно труда крестьянина и членов его семьи.

Натуральные хозяйства почти полностью потребляют произведенный продукт и лишь наиболее зажиточные хозяйства в отдельные годы, при благоприятных погодных условиях получают прибавочный продукт², который нередко реализуется на местном рынке. Однако и этот небольшой денежный доход идет исключительно на личное потребление его производителя.

Экономической основой хозяйств натурального сектора является главным образом общинное землевладение, при которой отсутствует или ограничена индивидуальная собственность на землю. В ряде районов Тропической Африки (Нигерия, Эфиопия, Уганда и др.) наряду с общинной распространены и другие формы землевладения — феодальная, государственно-феодальная, церковная, помещичья, при которых пользование кре-

² Точнее — «излишек» продукции по сравнению с необходимым прожиточным минимумом крестьянской семьи.

стьянами земель осуществляется в основном в форме аренды.

Хозяйства натурального сектора многочисленны, в валовом производстве ряда сельскохозяйственных культур их удельный вес весьма значителен. Дальнейшие перспективы развития африканского сельского хозяйства в большой степени зависят от того, насколько успешно будет осуществляться реконструкция крестьянских хозяйств натурального сектора.

Эволюция хозяйств натурального сектора в сторону увеличения товарного выхода продукции в значительной степени определяется воздействием внешних внеэкономических факторов (уплатой ренты, налогов, податей, государственной политикой «товаризации» и др.), а не процессом втягивания их в систему товарного обмена. Поэтому справедливо положение В. Г. Растянникова о том, что в странах «третьего мира» «производство меновых стоимостей в сельском хозяйстве, как правило, значительно опережает масштабы действительного общественного разделения труда» [1, 15].

Особо следует отметить, что большое тормозящее влияние на процесс товаризации воспроизводства оказывают докапиталистические социальные институты. В Тропической Африке в большей степени, чем в Азии, личное потребление в крестьянских хозяйствах испытывает постоянное гнетущее воздействие общинных традиций и религиозных пережитков, до сих пор определяющих основу социальной психологии крестьянства.

Товарный сектор представлен хозяйствами, ведущими расширенное воспроизводство на основе использования в основном современных, в меньшей степени традиционных систем земледелия и методов агротехники. Хозяйства специализируются на производстве товарной продукции как для внешнего, так и для внутреннего рынка (какао-бобы, каучук, хлопчатник, кофе, арахис, кукуруза, сахарный тростник и др.).

Важнейшим критерием уровня развития товарного производства в той или иной группе хозяйств является степень потребления товарного продукта в воспроизводственном процессе. При подобном подходе к определению типа хозяйства в товарном секторе можно выделить его низшие подразделения, которые представлены мелкотоварными хозяйствами, располагающими неболь-

шими по размерам земельными участками. Производительную силу мелкотоварных хозяйств составляет в основном живой труд, поэтому на воспроизводство его затрачивается подавляющая часть создаваемого продукта. Технические элементы производства, как правило, унаследованы от традиционных способов производства. Экономическую основу мелкотоварных подразделений сектора составляют мелкие индивидуальные земельные владения и аренда земельных участков. В Малави, Кении и ряде других стран (в основном в созданных поселениях), развита частная собственность на землю.

В мелкотоварных хозяйствах в большем или меньшем масштабе (до 50% и более к объему продукта хозяйства) постоянно производятся меновые стоимости. Однако эти хозяйства не лишены еще элементов натурального хозяйства, которые проявляются в тенденции к самообеспечению продуктами питания и некоторыми видами производственных услуг.

В целом, мелкотоварные хозяйства эволюционируют в сторону хозяйств капиталистического типа. Потребление товарного продукта в воспроизводственном процессе занимает все большее место, увеличивается применение минеральных удобрений, ядохимикатов, сельскохозяйственной техники (чаще всего арендуемой). Но существует ряд факторов, ограничивающих широту и глубину проникновения достижений современной сельскохозяйственной науки и техники в низшие подразделения товарного сектора. К подобным факторам следует отнести и недостаток финансовых средств в хозяйствах, и неустойчивость рынка сбыта продукции, и отсутствие необходимого минимума агротехнических знаний. Кроме того, хозяйства еще не полностью освободились от гнета воздействия докапиталистических социальных институтов. На выплату ренты, процентов, налогов и т. п. в небольших крестьянских хозяйствах расходуется подчас не только весь прибавочный продукт, но также и часть необходимых жизненных средств. В этих условиях связь воспроизводственного процесса хозяйства с рынком значительно ослабевает, сокращается доля потребляемого товарного продукта.

Мелкотоварные хозяйства в африканских странах производят значительную часть товарной сельскохозяйственной продукции (по ряду видов — большую).

Поэтому государство стремится ослабить или устранить влияние торгово-ростовщического капитала, а также докапиталистических социальных институтов путем организации торгово-сбытовой кооперации, сельскохозяйственного кредита, осуществлением твердой политики закупочных цен и др.

Верхние подразделения товарного сектора представлены крупными товарными хозяйствами и плантациями, принадлежащими национальному (частному и государственному) и иностранному капиталу (американскому и западногерманскому в Либерии, англо-голландскому в Нигерии, Камеруне, Гане, французскому в странах Западной Африки и т. д.). Эти хозяйства в целом имеют незначительный удельный вес в общей обрабатываемой площади, но в производстве товарной продукции их вклад достаточно высок. Размеры хозяйств колеблются от 20—50 до 800 га и более. Основная часть продукции предназначается для экспорта, хотя в последнее время растет удельный вес производства и для местного потребления. Крупные хозяйства и плантации — основная сфера использования современных методов ведения хозяйства, с применением машин, удобрений, наемного труда, проведением исследовательских работ. Некоторые плантационные хозяйства вместе с территориально прилегающими к ним обрабатывающими предприятиями образуют агропромышленные комплексы (производство сахара, продуктов животноводства и т. п.).

Таким образом, свойственные африканскому сельскому хозяйству низкие темпы роста производства объясняются главным образом отсталым технико-экономическим уровнем сельскохозяйственного производства, что не создает необходимых условий для расширенного воспроизводства.

Материально-техническая база и производительность труда. Отсталость материально-технической базы сельского хозяйства Тропической Африки — один из решающих факторов, определивших низкие темпы его развития.

Таблица 2 дает в сопоставлении ряда показателей некоторое представление об уровне интенсификации африканского сельского хозяйства по сравнению с районами высокоинтенсивного (в ряде стран промышленного) сельскохозяйственного производства развитых капи-

Таблица 2

Показатели интенсификации сельского хозяйства
в некоторых районах мира*

	Африка	Европа (исключая европейскую часть СССР)	Северная и Центральная Америка
Средняя урожайность, 1965—1971 гг., ц/га:			
пшеница	8,2—10,3	20,8—28,5	15,9—21,6
кукуруза	11,2—13,7	22,8—34,9	32,8—42,5
рис	18,0—20,0	41,4—48,3	31,2—37,8**
арахис	7,1—8,5	18,0—21,0	14,5—20,2
хлопчатник	2,3—2,9	3,7—6,2	5,2—6,1
Число тракторов в сельском хозяйстве на 1971 г., млн. шт.	0,367	6,1	5,6
Площадь обрабатываемых земель***, приходящаяся на 1 трактор, га	559****	24	46
Количество минеральных удобрений на 1 га обрабатываемых земель, кг	7,3	122,4	51,3
Количество голов крупного рогатого скота, приходящихся на 100 жителей, 1970—1971 гг.	44	26	53
Производство мяса на душу населения, кг/год	9	48	58

* [9, 3—8, 15—19, 37—40, 64—68, 74—78, 232—236, 281—285 303, 352—359, 468—483].

** Для США: 43,7 — 52,0.

*** Пашня и земли под многолетними культурами.

**** По многим странам включает пар.

талистических стран Европы и Америки. Таблица показывает слабую оснащенность африканского сельского хозяйства элементами постоянного капитала. Так, количество тракторов, используемых в Африке, в 20 раз меньше, чем в странах Европы, хотя площадь европейских сельскохозяйственных угодий почти на четверть меньше африканских. Минеральные удобрения также вносятся

в значительно меньшем объеме, чем в странах с интенсивным сельскохозяйственным производством. Поэтому урожайность полевых культур в странах Африки в несколько раз ниже, чем на полях Европы или США.

Низкой продуктивностью отличается африканское животноводство. Располагая поголовьем крупного рогатого скота почти в 2 раза большим, чем в Западной Европе, по уровню производства мяса на душу населения африканские страны уступают европейским более чем в 5 раз.

В настоящее время в Африке практически не развито национальное сельскохозяйственное машиностроение, на начальной стадии находится производство минеральных удобрений. Почти все сельскохозяйственные машины и большую часть потребляемых минеральных удобрений африканские страны приобретают за рубежом, расходуя при небольшом объеме закупок 2—4% всех затрат на импорт. Несомненно, что со временем потребности стран Африки в машинах, удобрениях, сортовых семенах возрастут, а соответственно должны увеличиться и расходы. Только в 1970 г. импорт тракторов африканским странам обошелся в 166,4 млн. долл. [12, 439—443], что составило 13% стоимости мирового импорта тракторов. В период реконструкции сельского хозяйства страны Тропической Африки должны ежегодно ввозить тракторы, орудия для животной тяги, минеральные удобрения, сортовые семена на сумму около 2,7 млрд. долл. [2, 269].

Необходимо отметить, что главными торговыми партнерами стран «третьего мира» и поставщиками современных средств производства являются монополии развитых капиталистических стран. Поэтому развивающиеся страны неизбежно испытывают воздействие законов капиталистического товарообмена, по которым страны развитого капитализма эксплуатируют развивающиеся страны посредством механизма цен. Как правило, капиталистические монополии поставляют в развивающиеся страны сельскохозяйственные машины, минеральные удобрения и т. п. по высоким монопольным ценам, в 1,5—2 раза превышающим цены, по которым те же товары импортируются в развитые капиталистические страны. Так, в 1970 г. средняя импортная цена одного трактора в странах Африки достигла почти 4 тыс. долл., в то время как для капиталистических стран Европы она

составила 1,1—2,5 тыс. долл., для США и Канады 2,8—3 тыс. долл. [12, 439—443].

Важным показателем продуктивности сельскохозяйственного производства является отношение выхода продукции (по объему или стоимости) на единицу сельскохозяйственных угодий. В этом плане африканские страны во многом уступают европейским. Так, если в середине 60-х годов в странах Западной Европы производилось продукции на 432 долл. на 1 га пашни и на 254 долл. на 1 га сельскохозяйственных угодий, то для стран Восточной Африки соответствующие показатели составили 61 и 11 долл. [3, 8].

Наиболее полно характеризует уровень производительности труда и эффективность общественного производства величина вновь созданного продукта, приходящегося на душу населения, активно занятого в материальной сфере производства. К 1965 г. в странах Восточной Африки³ на душу экономически активного населения приходилось в среднем 780 ам. долл. вновь созданного продукта, из которых 100 ам. долл. — в сельском хозяйстве. На тот же период, по этим показателям, Западная Европа опережала восточноафриканские страны соответственно в 7 и 15 раз, а США — в 14 и 30 раз [3, 12].

Эти сравнения убедительно свидетельствуют о наличии огромного разрыва между африканскими странами, с одной стороны, и развитыми капиталистическими странами — с другой, в уровнях производительности труда как в сфере материального производства в целом, так и особенно в ее первичном секторе. Кроме того, налицо разрыв в уровнях производительности труда внутри африканского общественного производства между сферами сельскохозяйственного и несельскохозяйственного производства. Расчеты показывают, что в ближайшей перспективе этот разрыв сохранится, а в ряде случаев и усилится, главным образом вследствие более быстрого технического перевооружения несельскохозяйственной сферы производства.

Низкий уровень производительности труда в первичном секторе экономики оказывает тормозящее влияние на развитие всей экономики в целом, сдерживая про-

³ Эфиопия, Кения, Мадагаскар, Танзания, Уганда, Замбия.

цесс ломки традиционных социально-экономических структур, а также уменьшая возможности проведения агротехнической реконструкции сельского хозяйства. Отрицательное влияние он оказывает на использование трудовых ресурсов. Поскольку число людей, активно занятых вне сельского хозяйства, в значительной мере зависит от уровня производительности труда в сельскохозяйственном производстве, то чем выше окажется уровень вновь созданной стоимости на одного занятого в сельском хозяйстве, тем большее число людей аграрный сектор экономики потенциально может высвободить для работы вне сельского хозяйства. Этот процесс закономерен для стран развитого капитализма, где сельское хозяйство ведется на промышленной основе с массированным использованием машин, удобрений и т. д. В африканских странах миграция населения в города и промышленные зоны, а также отходничество вызваны исключительно низкой продуктивностью сельскохозяйственного производства, в результате чего доходы в промышленности во много раз превышают сельскохозяйственные доходы.

Проблемы применения современных средств производства (машин и минеральных удобрений). Процесс перехода от экстенсивного к интенсивному сельскохозяйственному производству, который в странах Азии получил название «зеленой революции», в Тропической Африке практически только начинается. Африканское сельское хозяйство по своему общему уровню развития производительных сил еще не приблизилось к мануфактурной стадии производства.

Опыт использования современных средств производства в хозяйствах традиционного типа показывает, что господствующий в них комплекс социально-экономических условий (мелкая крестьянская собственность, отсталая техническая база производства, влияние пережиточных социальных институтов и др.) сильно затрудняет, а подчас и исключает возможность перевода основной массы крестьянских хозяйств на современные рельсы расширенного воспроизводства.

Проблема внедрения современных средств производства в значительной мере упирается в косность отсталых социально-экономических структур, в которых преобладают докапиталистические отношения. Чем слабее

экономический базис африканской деревни, тем большее тормозящее влияние на процесс ее развития оказывают традиционные социальные институты, связанные с религиозными, родо-племенными и другими пережитками.

Важным внешним фактором, оказывающим сдерживающее влияние на широкое внедрение в сельское хозяйство продукции первого подразделения, являются, как было отмечено выше, монопольные высокие цены, по которым развивающиеся страны вынуждены приобретать современные средства производства на капиталистическом рынке.

Осуществляя монопольное право на распределение импортных средств производства, многие страны «третьего мира» проводят политику субсидирования их продажной цены (путем возмещения части цены, повышения закупочных цен на продукцию, предоставления кредита). Однако в большинстве случаев даже субсидированная цена продукции первого подразделения оказывается слишком высокой для преобладающей массы крестьянских хозяйств, располагающих небольшим фондом накопления. В одних случаях африканские хозяйства просто не в состоянии приобретать или арендовать сельскохозяйственную технику, в других — высокие затраты на ее приобретение, а затем обслуживание не возмещаются в процессе воспроизводства и крестьяне вынуждены отказываться от использования современных средств производства. Только крупные хозяйства (частные и государственно-кооперативные) способны вести расширенное воспроизводство на основе внедрения продукции первого подразделения.

Таким образом, используя современные средства производства, крупные товарные хозяйства по уровню производительности труда все больше отрываются от массы крестьянских хозяйств с их узкой и малоизменяющейся базой производства.

Этому способствуют также и сложившиеся структурные связи между первым и вторым подразделениями развивающейся экономики в целом. Для крупных товарных хозяйств, в большинстве ведущих экспортное производство, связь с современной промышленностью во все возрастающей степени выходит за пределы национального рынка и осуществляется главным образом посред-

ством мирового капиталистического рынка. Между тем огромная масса крестьян связана прежде всего с местным ремесленным производством, поставляющим им простейшие орудия труда, и в меньшей степени — с зарождающейся национальной промышленностью. Следует отметить, что связь города и деревни в национальных рамках еще находится в стадии становления; важным инструментом ее развития служит государственно-кооперативный сектор в сельском хозяйстве: государственные агентства проката сельскохозяйственной техники, ремонтные мастерские, исследовательские и научные сельскохозяйственные центры, государственно-кооперативные сбытовые организации, производственные кооперативы и др.

Техническое перевооружение сельскохозяйственного производства невозможно без активного вмешательства государства, которое оказывает широкую и разнообразную помощь сельскому хозяйству. Комплекс мер по стимулированию развития сельскохозяйственного производства включает субсидирование продажных цен продукции, поступающей в сельское хозяйство, проведение налоговой и бюджетной политики, регулирование закупочных цен, организацию сельскохозяйственного кредита, предоставление прямой финансовой помощи и др. Практика стран Тропической Африки показывает, что интенсификация сельскохозяйственного производства также требует проведения комплекса социально-экономических мероприятий с целью создания благоприятных условий для внедрения и наиболее эффективного использования передовой агротехники.

Опыт использования современных средств производства, в частности тракторов, в сельском хозяйстве Западной Нигерии имеет многолетнюю историю. С середины 50-х годов механизация полевых работ проводилась в основном в крупных хозяйствах отдельных районов. С целью более широкого внедрения современной техники в крестьянские хозяйства в 1968 г. в Западной Нигерии было создано агентство по прокату тракторов, которое имело около 300 машин, распределенных между 10 отделениями. Агентство также располагало несколькими исследовательскими станциями и 40 ремонтными мастерскими.

Работа агентства оказалась нерентабельной, так как

была построена без учета местных условий, без предварительных исследований возможностей использования тракторов в столь широких масштабах. Недостаточным оказался фронт работ для агентства. В среднем рабочий период одного трактора в прокате составлял 535 часов против 1000 часов и более в хозяйствах Западной Европы [10, 12]. Даже в период пика полевых работ (февраль — июнь), на который приходится до 70% всего рабочего времени, трактор в среднем работал 2—3 часа в день. В то же время в хозяйствах частных владельцев общая занятость одного трактора была на 47% выше, чем в агентстве [10, 15].

Кроме того, при неполном рабочем дне трактора и высоких накладных расходах (на топливо, амортизацию, управление и т. п.), общие затраты на работу одного трактора в час в агентстве почти в два раза превышали по стоимости полученный эффект от его работы в поле за то же время. Поэтому государству пришлось значительную часть расходов по работе тракторного парка взять на себя. Субсидии в зависимости от вида работ составили от 40 до 85% общих затрат на работу одного трактора в час. Крестьянские хозяйства в большинстве своем не были экономически заинтересованы в применении тракторов, поскольку увеличивающиеся издержки производства, связанные с арендой машин, были слишком велики и поглощали прибавочный продукт.

В 1971 г. число отделений агентства выросло до 16. Из-за недостатка фронта работ количественное увеличение парка тракторов отрицательно сказалось на эффективности их использования: средний период работы трактора едва превышал 500 час. в год, из которых более 50% не связано с полевыми работами [7, 289, 294].

Нерентабельное использование тракторов в хозяйствах Нигерии — явление, характерное и для других африканских стран, например Уганды.

Увеличение числа тракторов в обслуживаемых хозяйствах Уганды также сопровождалось падением эффективности их работы, которое выражалось в уменьшении общего количества часов работы одного трактора и снижении удельного веса оплачиваемого времени. В 1967 г. в расчете на один трактор средняя оплата одного часа работы трактора (стоимостью произведенной им продук-

ции) составила только 23,7 угандийского шиллинга при общей стоимости часа работы — 63,6 шилл. Разница в оплате работы трактора покрывалась из государственного бюджета, и общий объем предоставленных субсидий в 1966—1967 гг. достиг 9700 тыс. шилл. [6, 1972, вып. 105, № 4, 317, 318].

Правительство Уганды стремилось укрепить частный парк тракторов путем снижения продажных цен на машины (в среднем на 25%) и предоставления кредитов средним и мелким фермерам. Несмотря на эти меры, многие хозяйства, владевшие тракторами, испытывали финансовые трудности. Таким образом, мелкомасштабность хозяйств и сложившаяся система землевладения и землепользования в Уганде явились основными факторами, которые почти свели на нет экономический эффект от использования тракторов.

Несколько успешнее работало в начале своей деятельности агентство проката тракторов в Кении. В 1966—1968 гг. оно располагало 50 тракторами и обслуживало зерновые (около 15 тыс. акров) и хлопководческие (около 3 тыс. акров) хозяйства. Рентабельность работы агентства проката во многом была определена наличием в районе ее обслуживания преимущественно средних и крупных хозяйств, располагающих устойчивыми доходами от внешних продаж пшеницы и хлопка. Кроме того, зерновые хозяйства наиболее удобны для применения тракторов, в этих хозяйствах использование тракторов давало наибольший экономический эффект. Работа кенийского агентства проката также показала, что в зоне возделывания таких товарных культур, как пиретрум, чай, кофе, где в хозяйствах на одного занятого приходилось по 2,7—4,8 акра, работа тракторов была убыточной [6, 1972, вып. 105, № 4, 326].

В Танзании государство за 1963—1965 гг. продало более 670 тракторов в основном мелким частным хозяйствам. Использование машин в целом было нерентабельным вследствие значительных затрат на покупку и обслуживание машин при небольших и неустойчивых доходах хозяйств. Во втором пятилетнем плане экономического развития Танзании (1969—1974) предусматривается, что внедрение тракторов и других капиталоемких форм механизации в отдельных районах, в основном в

государственных хозяйствах и крупных кооперативах, будет происходить планомерно.

Таким образом, исходя из опыта использования сельскохозяйственных машин в ряде стран Тропической Африки можно заключить, что эффективность применения тракторов зависела от комплекса социально-экономических факторов: уровня доходов хозяйств, размера государственных субсидий, системы землепользования и др. В некоторых видах сельскохозяйственных работ либо на отдельных технологических стадиях их замена живого труда машинным дает небольшой или неполный экономический эффект.

Естественно, что увеличение выхода продукции, вызванное интенсификацией производства, должно сопровождаться совершенствованием каналов обращения продукции: улучшением служб сбыта продукции, организации транспортировки, хранения и т. д. В ряде случаев отсутствие соответствующего развития инфраструктуры явилось одним из факторов, отрицательно влиявших на работу тракторных парков.

Основные расходы по прокату тракторов, а также по продаже их в кредит или со скидкой частным владельцам ложились на плечи государства. Очевидно, и в будущем, по мере углубления процесса интенсификации сельскохозяйственного производства, африканским государствам придется во все возрастающей мере нести расходы по импорту современных средств производства и субсидированию их использования. Субсидирование развития сельского хозяйства как отрасли с более низкой производительностью труда по сравнению с промышленностью в той или иной степени характерно для многих стран мира. Но для развивающихся стран, в том числе и африканских, в условиях острой нехватки финансовых средств, оно является особенно важной проблемой, от решения которой зависят успехи социально-экономического развития не только сельского хозяйства, но и всей экономики в целом.

Интенсификация сельскохозяйственного производства (в частности, механизация полевых работ) в Тропической Африке проходит в отдельных изолированных районах, иначе говоря, имеет очаговую форму развития в условиях, когда в способе обработки земли еще не во всех районах осуществлен переход от мотыги к плугу

на животной тяге, который в африканских условиях может быть рассмотрен в качестве одной из начальных стадий процесса роста производительности труда. Действительно, потенциальные возможности плужного земледелия в Тропической Африке, особенно в районах, свободных от мухи цеце, далеко не исчерпаны. Помимо прямого увеличения выхода продукции переход от мотыги к плугу на тяге помогает поднять общую культуру агротехники и земледелия в целом и тем самым создает социальные и экономические предпосылки для перехода к стадии машинной обработки земли.

В плане экономического развития Танзании подчеркивается целесообразность дальнейшего внедрения плужного земледелия. По оценкам, стоимость вспашки с помощью трактора составляет 40 шилл. на акр против 7 при плужной обработке на животной тяге [6, 1972, вып. 105, № 4, 330]. В стране растет количество плугов, закупаемых мелкими крестьянскими хозяйствами: в 1967 г. закуплено 8250 штук, в 1968 г. — 9100, к 1974 г. ожидается, что количество приобретенных плугов превысит 15 тыс. штук [13, 39].

Опыт применения в Тропической Африке другого вида современных средств производства — минеральных удобрений — показывает, что субсидирование товарных цен на них дает больший экономический эффект (при относительно невысоких затратах и значительном росте сбора культур в хозяйствах), чем субсидирование цен на тракторы, и поэтому оно позволило резко увеличить потребление удобрений в ряде африканских стран. Так, в Северной Нигерии количество внесенных удобрений возросло с 920 т в 1960 г. до 47 500 т в 1967/68 г., т. е. в 55 раз, а субсидии государства на продажу крестьянам удобрений увеличились с 22 тыс. нигерийских фунтов в 1960 г. до 540 тыс. в 1967/68 г., т. е. почти в 25 раз [8, 1, 37]. В среднем государство субсидировало 40—60% продажной цены минеральных удобрений.

Дальнейшее расширение объема и масштаба применения удобрений ограничивалось ростом цен на удобрения и падением закупочных цен на товарную продукцию. Сравнительно высокая цена минеральных удобрений была вызвана главным образом большими накладными расходами, связанными с распределением. Так, если в 1968 г. 1 т суперфосфата в нигерийском порту стоила

15 ниг. фунтов, то после доставки его в северные штаты страны потребители уплачивали (с учетом процентов и комиссионных) 30—32 ниг. фунта [8, 33]. Таким образом, отсутствие надлежащей организации распределения и слабая транспортная связь явились главной причиной и для ограничения масштабов потребления удобрений, и для роста государственных субсидий по накладным расходам.

Интенсификация и вопросы занятости. Существует несколько тенденций в развитии занятости сельского населения в многоукладной развивающейся экономике африканских стран, где каждый тип хозяйства предъявляет конкретный, зависящий от местных условий спрос на сельскохозяйственных рабочих и каждый уклад оказывает свое влияние на формирование рынка рабочей силы.

Общей определяющей тенденцией, характерной для аграрной экономики африканских стран, можно считать относительное сокращение удельного веса занятых в сельском хозяйстве в общем количестве экономически активного населения. В будущем, по оценкам специалистов ООН, эта тенденция усилится (табл. 3). Очевидно, со временем по мере внедрения современных средств производства и освобождения живого труда количество занятых в сельском хозяйстве начнет сокращаться и абсолютно.

Таблица 3

Удельный вес самодеятельного населения, занятого в сельском хозяйстве Африки *

	1960 г.	1970 г.**	1980 г.**
Западная Африка	70,8	63,6	58,6
Центральная Африка	63,2	66,6	61,9
Восточная Африка	69,8	66,8	60,9

* [6, 1969, вып. 100, № 5, 455—459].

** Оценка.

Примечательно, что наиболее быстрые темпы сокращения удельного веса занятых наблюдаются в странах Западной и Восточной Африки, где имеются зоны товар-

ного сельскохозяйственного, а также промышленного производства. В Центральном районе, где преобладает масса потребительских натуральных хозяйств, основная тенденция сокращения численности занятости будет проявляться постепенно, в борьбе противодействующих тенденций, по мере товаризации хозяйств.

Действительно, в настоящее время в Тропической Африке хозяйства, в которых произведенный продукт идет на личное потребление производителя, охватывают основную массу сельского населения. Являясь главным поставщиком рабочей силы (в основном отходников) для товарного сельскохозяйственного и промышленного секторов экономики, эти хозяйства все же располагают значительными внутренними ресурсами для воспроизводства растущего объема занятой в нем рабочей силы. Тенденция хозяйств к самообеспечению необходимыми средствами существования, а также дробление и выделение новых хозяйств в условиях существования свободных земель и избытка дешевой рабочей силы способствуют некоторому росту числа занятых в натуральном секторе.

Товарный сектор сельского хозяйства сосредоточивает подавляющую массу наемной рабочей силы и определяет движение спроса на нее. При росте доходов африканские фермеры предпочитают обращать большую часть чистого дохода на приобретение дополнительной рабочей силы. Так, небольшие фермерские хозяйства различных районов Нигерии (Кацина), Уганды (Тесо), Танзании (Геита), Ганы (Аким Абуakwa) и Кении (Кисии) направляют на приобретение рабочей силы 60—80% капиталовложений [6, 1971, вып. 104, № 5, 376].

В целом низкая цена и избыток рабочей силы препятствуют внедрению современных средств производства, особенно среди низших подразделений товарного сектора. В мелких крестьянских хозяйствах рост использования семейной рабочей силы сопровождается, а иногда и опережается ростом привлекаемой со стороны дополнительной рабочей силы (постоянной и сезонной), затраты на приобретение которой, как правило, значительно превышают расходы на минеральные удобрения и т. п.

В средних и крупных товарных хозяйствах (частных, капиталистических и государственных) удельный вес капиталовложений на приобретение современных средств

производства значительно повышается. В этих хозяйствах в результате применения машин, удобрений, ядохимикатов и др., а также более правильной организации работ и совершенствования управления заметно сокращается доля живого труда, приходящаяся на единицу продукции. В целом, постепенно происходит сокращение общей занятости. Подъем заработной платы сельскохозяйственным рабочим способствует увеличению капиталовложений в приобретение машин, заменяющих труд.

Зависимость уровня занятости от степени внедрения сельскохозяйственных машин характеризуется следующим примером. В Кении в 1965—1968 гг. занятость в крупных механизированных хозяйствах составляла в среднем 80 человек на 1 тыс. га возделываемых земель, в средних и мелких хозяйствах, частично применявших технику, — 300—500 человек, в потребительских полунатуральных хозяйствах, не использовавших совсем технику или даже плуг, до 1 тыс. человек на 1 тыс. га земель [6, 1972, вып. 105, № 4, 331].

Степень сокращения затрат живого труда при использовании машин и плуга на животной тяге в африканских хозяйствах иллюстрируется в табл. 4.

Таблица 4

Затраты живого труда при различных способах обработки участков под хлопчатником в Уганде, человеко-часы*

Способ обработки	Пахота	Прополка	Итого
Участок А			
С помощью трактора	11	30	41
Вручную	136	229	365
Участок Б			
С помощью плуга на животной тяге	21	6	27
Вручную	96	92	118

* [6, 1972, вып. 105, № 4, 319—320].

Таблица показывает, что при определенных условиях (размер участка, характер работы) плужная обработка земли дает примерно тот же экономический эффект, что

и механизированная, освобождая по сравнению с ручным способом обработки значительное количество живого труда.

В целом на начальных стадиях интенсификации применение машин даже на отдельных стадиях сельскохозяйственного производства нередко приводит к росту занятости. Это происходит главным образом вследствие расширения масштаба производства, а также из-за увеличения спроса на рабочую силу и на тех сельскохозяйственных работах, где еще не используются современные средства производства.

Эволюция аграрной экономики развивающихся стран во многом зависит от степени воздействия государства на социально-экономические процессы, происходящие в деревне.

В странах, где государство всемерно содействует расширению частного сектора в сельском хозяйстве, регулирование экономики затруднено господством рыночных отношений и осуществляется, как правило, в пользу имущих слоев деревни. Поэтому плодами «зеленой революции» пользуются в основном средние и крупные частные капитализирующиеся хозяйства, что усиливает дифференциацию деревни и укрепляет в аграрной экономике тенденции капиталистического развития.

В группе стран, избравших некапиталистический путь социально-экономического развития, государство содействует перестройке и формированию новой структуры аграрного строя, наиболее полно отвечающей задачам социального и экономического прогресса общества. Это проявляется в создании обобществленных форм собственности (государственные хозяйства, кооперативы), а также в контроле над частным сектором. Центральным моментом политики государства в отношении государственно-кооперативного сектора сельского хозяйства является перевод его на рельсы крупного товарного производства, использующего современные достижения науки и техники. В подобных условиях государственно-кооперативный сектор становится основой антиимпериалистических и антикапиталистических преобразований как в сельском хозяйстве, так и в экономике в целом.

1. Растянников В. Г., Аграрная эволюция в многоукладном обществе, М., 1973.
2. Сванидзе И. А., Сельское хозяйство Тропической Африки, М., 1972.
3. «Agricultural Economic Bulletin for Africa», Addis-Ababa, FAO, 1969, № 11.
4. «Etude des Conditions Economiques en Afrique 1969», pt 1, New York, 1971.
5. «Indices of Agricultural Productions 1960—1969», U. S. Department of Agriculture, Washington, 1970.
6. «International Labour Review», Geneva, 1969—1972.
7. «Journal of Agricultural Engineering Research», 1972, vol. 17, № 4.
8. Lanrent C. K., Problems facing the Fertilizer Distribution Program in Six Northern States, Michigan, Ibadan, 1969.
9. «Production Yearbook», vol. 25, FAO, Rome, 1971.
10. «A Study of the Economics of Tractor Use in Oyo division of the Western State», CSNRD-17, Michigan, Ibadan, 1968.
11. «A Survey of Economic Conditions in Africa-1970», pt 1, New York, 1971.
12. «Trade Yearbook», vol. 25, FAO, Rome, 1971.
13. «The United Republic of Tanzania: Second Five-Year Plan for Economic and Social Development», Dar-es-Salaam, vol. 1, 1969.

В. К. Арискин

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА ПО РАЗВИТИЮ ИНТЕНСИВНОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ (Арабская Республика Египет)

Высокопроизводительное сельское хозяйство является одним из условий общего экономического развития Арабской Республики Египет. Недостаток сельскохозяйственных угодий строго ограничивает рамки экстенсивного развития сельскохозяйственного производства. Максимально производительное использование земельных ресурсов Египта достигается с помощью интенсификации земледелия (мелиорации земель, ирригации и дренажа, оптимального удобрения, механизации различных производственных процессов), что в итоге повышает объем производства и соответственно доход с единицы обрабатываемой площади.

Египетское правительство после завоевания страной политической независимости уделяло особое внимание интенсификации сельскохозяйственного производства, прежде всего создавая условия для развития производительных сил путем устранения феодальной земельной монополии и поощрения крестьянских хозяйств. Большая роль в организации товарного производства на базе крестьянских хозяйств отводится сельскохозяйственным кооперативам, особенно кооперированию малоземельных хозяйств на изъятых у крупных землевладельцев землях.

В результате осуществления послереволюционных аграрных мероприятий в Египте произошли существенные изменения в системе землевладения и землепользования. Доля мелкой земельной собственности (участки не более 5 федданов), составлявшая 35,4% до аграрной реформы, в 1965 г. превысила 57% всей обрабатываемой площади страны, а площадь кулацких хозяйств увеличи-

лась с 10,9% в 1952 г. до 13,4% в 1965 г. Общее число земельных собственников за период осуществления аграрной реформы возросло с 2642 тыс. до 3033 тыс. (на 1965 г.). Однако острота земельной проблемы не только не ослабла, но по мере роста населения продолжает увеличиваться.

Для решения земельной проблемы программы экономического развития Египта предусматривают ускоренное по сравнению с сельским хозяйством промышленное развитие страны, так как, по мнению их составителей, только индустриализация может снизить давление быстро возрастающего населения на единицу обрабатываемой площади. В Египте при существующем резерве сельскохозяйственных земель даже при уравнительном распределении обрабатываемой площади в собственность земельный вопрос таким путем не может быть решен (на долю сельских жителей приходится около 60% 35-миллионного населения страны, а совокупная площадь всех сельскохозяйственных угодий составляет немногим более 6 млн. федданов). Следовательно, избыточное сельское население возможно использовать только в других, перспективных отраслях развивающейся экономики.

И хотя темпы освоения новых земель после революции 1952 г. значительно возросли, особенно с вводом в строй Асуанского гидротехнического комплекса, в стране происходит дальнейшее уменьшение обрабатываемой площади в расчете на душу населения: если за 1952—1970 гг. обрабатываемая площадь за счет введения в эксплуатацию новых земель увеличилась примерно на 14% (было освоено 884 тыс. федданов) [6], то население АРЕ за эти же годы возросло более чем на 50%.

Следовательно, несмотря на значительные капиталовложения и довольно быстрые темпы освоения новых земель, рост сельскохозяйственного производства на основе экстенсивного развития не может обеспечить полное удовлетворение растущих потребностей страны. К тому же следует учесть, что новые земли требуют довольно длительного времени для производственного освоения и доведения их до оптимального плодородия. Так, при расчете эффективности Асуанского гидротехнического комплекса по освоению новых земель учитывалось, что в первые десять лет доход с единицы новых

площадей будет составлять 50% дохода с единицы старых [8, 1965, XVIII, № 4, 273]. Кроме того, новые земли, как правило, непригодны для производства традиционных товарных культур. Зачастую приходится осваивать новые культуры.

После того как в течение многих лет египетское сельское хозяйство специализировалось на главной экспортной культуре — хлопчатнике, производство новых экспортных культур требует организации их сбыта на мировом рынке. По мере увеличения оросительных ресурсов в растущем объеме стал поступать на внешний рынок пользующийся спросом рис. В сельскохозяйственном экспорте Египта рис уже занял второе место после хлопка.

В последнее время значительная часть экспортной выручки приходится на такие виды сельскохозяйственной продукции, которые прежде не входили в число основных статей экспорта, а именно: фрукты, овощи, цветы и др. В результате даже незначительного расширения обрабатываемой площади наметилась тенденция к изменению структуры сельского хозяйства к многоотраслевому производству, которое также ориентируется на внешний рынок. Например, площадь под фруктовыми деревьями увеличилась за послереволюционный период почти в три раза — с 94 тыс. до 249 тыс. федданов [6]. Увеличиваются площади и под другими нетрадиционными культурами, которые пользуются возрастающим спросом на внешнем и внутреннем рынках. Растущий спрос на сельскохозяйственные продукты как на внешнем, так и на внутреннем рынке требует интенсификации производства на имеющейся ограниченной площади. Поэтому египетское правительство в программах развития сельского хозяйства основной упор делает на осуществление планов интенсификации.

Уже в 1953 г. выдвигались проекты использования дренажных и подпочвенных вод для орошения, применения высокоурожайных семян, борьбы с сельскохозяйственными вредителями и т. д. [7, 35—40]. Позднее была создана специальная лаборатория для обследования и классификации почв, чтобы наиболее рационально использовать их для производства. Эти мероприятия в значительной мере способствовали повышению производства.

Проблема обеспечения сельскохозяйственных угодий необходимым количеством воды является одной из центральных, и по сей день единственный путь ее разрешения — это полное и рациональное использование гидроресурсов Нила, создание сети водоподъемных сооружений для орошения высоко расположенных участков.

Плодородие почв Египта во многом зависит от дренажа. В первой четверти XX в. дренаж осуществлялся лишь путем использования естественных уклонов. Поэтому площади, дренированные таким способом, были весьма ограничены, так как состояли только из возвышенных участков, уклон которых позволял сбрасывать воду в Средиземное море или озера Северной Дельты. До революции 1952 г. система дренажа покрывала только около 1 млн. федданов. Позднее мелиоративные работы получили довольно широкий размах. За десять послереволюционных лет были сооружены 63 наносные станции для обслуживания дренажной и оросительной систем.

Без сомнения, совершенствование дренажной и оросительной систем оказывает благотворное влияние на увеличение производства. Особенно это относится к дренажу при использовании круглогодичной системы орошения, которая, обладая некоторыми преимуществами перед бассейновой с точки зрения полного использования обрабатываемых земель, имеет, однако, недостатки. В Египте круглогодичная система орошения привела к повышению уровня подпочвенных вод до корней растений. В результате полезные бактерии в почве лишаются необходимого притока воздуха, структура почвы, ее химический состав меняются, урожайность на таком участке падает. Для возвращения плодородия таким землям необходима совершенная дренажная система, что и предусматривается в планах сельскохозяйственного развития Египта.

Большое место в этих планах отводится осуществлению проектов по строительству закрытых дренажных систем. Агротехнические исследования показали, что открытые магистральные и участковые дрены не в состоянии полностью выполнить задачу, стоящую перед дренажной системой. Они отводят только тот избыток воды, который находится в узких, прилегающих к ним участках. Полевые открытые дрены дренируют прибли-

зительно 12% обслуживаемой ими площади. Кроме того, в процессе их эксплуатации необходимо систематически производить чистку и ремонт дрен.

Закрытая дренажная система исключает эти недостатки и, более того, не занимает полезную сельскохозяйственную площадь. По подсчетам министерства ирригации Египта, повсеместное введение закрытых полевых дренажных сетей сохранит для производственного использования почти 750 тыс. федданов плодородных земель. Закрытая дренажная система одновременно облегчает условия эксплуатации сельскохозяйственных угодий.

К практическому осуществлению идеи скрытого дренажа приступили в 1966/67 г., когда были выделены необходимые ассигнования для проведения работ и приобретения техники и материалов. Расходы по внедрению закрытых дренажных систем на всей территории Египта были определены в размере 160 млн. ег. ф.

Большое значение для развития сельскохозяйственного производства приобретает структура землепользования на новых землях. Египетские специалисты и официальные организации не имеют какого-либо четкого плана по использованию довольно обширных дополнительных сельскохозяйственных площадей, особенно в смысле организации на них хозяйств. Генеральная организация по использованию новых земель считает, что новые земли целесообразно использовать: 1) для расширения кормовой базы животноводства; 2) для производства сельскохозяйственных культур, приспособленных к засоленным и известковым почвам; 3) для производства засухоустойчивых культур; 4) для увеличения производства продовольственных культур: зерновых, овощей, фруктов и т. д.; 5) для производства необходимых сортовых семян.

Немаловажное значение в процессе использования новых земель приобретает вопрос организации производства на них. По мере ввода в эксплуатацию освоенных земель наметились три основные тенденции к их использованию: организация государственных хозяйств, сдача в аренду, передача в частную собственность.

Правительство Египта в настоящее время использует все три формы, резервируя за собой право контроля за производством посредством тех или иных госу-

дарственных и кооперативных организаций. Основными проводниками государственной аграрной политики являются Государственная организация по кооперативному кредитованию, Генеральная организация сельскохозяйственных кооперативов, Организация по использованию освоенных земель и другие, которые путем целенаправленного кредитования производства и через своих представителей в правлениях кооперативных обществ осуществляют контроль за направлением производства.

Генеральная организация сельскохозяйственных кооперативов руководит кооперативным движением посредством специальных комитетов, оказывающих техническую помощь кооперативам, а также через Генеральную организацию по кооперативному кредитованию.

Большую роль в создании производства на новых землях играет Организация по использованию освоенных земель, которая по мере ускорения темпов освоения стала распоряжаться значительными земельными площадями. С 1965 по 1969 г. площадь земель, находящихся в ее ведении, возросла со 178 тыс. федданов до 505 тыс., а к 1971 г. — до 535 тыс. федданов.

Как видно из таблицы, основную часть (примерно 68%) земель, переданных в распоряжение Генеральной организации по использованию освоенных земель, Организация оставила в руках государства с целью создания на них государственных хозяйств. Остальные 32% сдаются в аренду или переданы в частную собственность.

В Египте есть довольно влиятельные сторонники последнего пути использования новых земель; они считают его наиболее подходящим для египетских условий, особенно сейчас, когда основные усилия государства направлены на индустриализацию страны. Этот аргумент в какой-то мере обоснован в настоящее время, однако он не предусматривает перспективы дальнейшего развития производительных сил в сельском хозяйстве Египта при общей ориентации страны на социалистическое развитие.

В последнее время большую популярность приобрела точка зрения, ориентирующая правительство на создание государственных хозяйств или сельскохозяйственных компаний на больших площадях освоенных земель.

Таблица

Использование новых земель (на 1971 г.)*,
федданы

Район освоения	Площадь, проекти- руемая к освоению	Освоено к 1971 г.	Передано Организации	Используется		
				государ- ством	аренда- торами	частными собствен- никами
Восточная Дельта	772 200	94 700	64 900	18 900	19 800	26 200
Восточная часть Средней Дельты	80 100	70 100	62 900	42 000	14 200	—
Западная часть Сред- ней Дельты	125 000	77 500	56 200	26 800	17 500	27 200
Северо-Западная Дельта	107 000	97 000	71 500	38 900	2 100	—
Марьют	52 100	52 100	41 000	35 300	1 100	1 300
Северный Тахрир . .	58 700	58 700	47 700	45 200	2 800	5 200
Южный Тахрир . . .	62 200	62 200	53 200	42 500	20 000	400
Юго-Западный Тахрир	37 200	37 200	34 600	34 600	—	—
Средний Египет . .	78 400	78 400	57 900	45 000	2 900	10 000
Верхний Египет . .	90 200	70 200	45 500	24 900	4 400	16 200
Нубария	301 000	41 500	—	—	—	—
Всего	1564 000	739 000	535 400	364 100	84 800	86 500

* [3, № 15, январь, 1972, 18].

В деле пропаганды этой идеи значительная роль отводится государственной механизированной ферме «Дружба», построенной в качестве дара Советского Союза в северной части провинции Ат-Тахрир. Ферма оснащена новейшим оборудованием и машинами для орошения и ведения сельскохозяйственных работ. Площадь фермы — 10 тыс. федданов.

Как отмечала газета «Аль-Ахбар» [2, 7.VIII.1968], эта ферма станет образцовой, опыт ее будет распространен на новые, осваиваемые с помощью Советского Союза земли.

Для освоения земель фермы и проведения сельскохозяйственных работ Советский Союз предоставил Египту тракторы, плуги и различные машины для ведения механизированного хозяйства на современном уровне

(уборочные, сеялки, для удобрения, передвижные ремонтные мастерские и т. п.). Орошение и значительная часть сельскохозяйственных работ электрифицированы. Электроэнергия поступает от гидроэлектростанции Высотной Асуанской плотины.

Как хозяйственная единица ферма разбита на четыре производственных участка — по 2 тыс. федданов в каждом. На ферме построена центральная усадьба, в которую входят жилой комплекс и производственные помещения: предприятие по обработке некоторых видов производственной продукции, животноводческая ферма, молочно-приемный пункт, ветеринарная лечебница, мастерские техобслуживания и ремонта автомобильного транспорта и сельскохозяйственных машин, склады запасных частей, заправочные колонки, склады для хранения зерна и фуража, склады удобрений и другие необходимые для производства предприятия и помещения.

Производственный процесс на ферме механизирован и основан на использовании научно-технических достижений и современных машин. Вследствие этого появилась насущная необходимость выработки новых для Египта организационных форм эксплуатации фермы, которые предусматривали бы использование квалифицированных специалистов по управлению и техническому обслуживанию работ на ферме.

Для подготовки квалифицированных рабочих и техников в районе Джанаклиса был создан учебный центр. К 1968 г. он подготовил 1200 рабочих разных специальностей по ремонту и эксплуатации сельскохозяйственных машин, используемых на ферме. Кроме того, в учебном центре прошли переподготовку около 20 инженеров — специалистов в области сельского хозяйства и несколько трактористов-инструкторов для обучения рабочих фермы механизированной обработке земли.

На ферме используется опыт совхозов, с тем чтобы впоследствии применить его в других государственных хозяйствах. Здесь созданы производственные бригады, состоящие из постоянных рабочих, в то время как в других хозяйственных организациях сельскохозяйственные работы ведутся силами сезонных рабочих [5, 26.II.1968].

Опыт этой фермы приобретает все большее значение. Однако ряд специалистов в области сельского хозяйства считает, что новые земли должны использоваться на

кооперативной основе, передаваться в собственность или сдаваться в аренду на льготных условиях [5, 26.II.1968].

Создание высокомеханизированных государственных хозяйств на новых землях сопряжено с рядом трудностей и проблем, характерных для развивающихся стран, прежде всего с проблемами капиталовложений и квалифицированных кадров. В настоящее время основные капитальные средства государства расходуются на индустриализацию страны. В промышленное производство оттягивается и наиболее образованная часть населения Египта. Более того, специалисты, получившие сельскохозяйственное образование или квалификацию, стараются занять административные посты, не требующие практического применения полученных знаний. Поэтому сложная сельскохозяйственная техника зачастую доверяется неквалифицированным работникам, которые вследствие своей недостаточной квалификации не могут использовать всех ее производственных возможностей. Возникает парадоксальное явление — в ряде случаев применение высокопроизводительной современной техники менее рентабельно или даже убыточно по сравнению с применением ручного труда.

Следовательно, организация высокомеханизированных ферм на новых землях в условиях современного Египта может оказаться на первых порах нерентабельной, и это, в свою очередь, может вызвать отрицательное отношение к таким хозяйствам некоторых экономистов-аграрников, ратующих за немедленный подъем сельскохозяйственного производства. С другой стороны, такие хозяйства могут вызвать неудовлетворение многочисленных безземельных крестьян, поскольку механизация производственных процессов исключает использование их труда.

Какому виду хозяйства отдать предпочтение — вопрос пока открытый. Египетские специалисты считают, что четкий выбор формы землепользования будет зависеть от объективных данных о хозяйственной деятельности тех или иных производственных единиц, полученных в результате их практической деятельности. Однако очевидно, что будущее принадлежит механизированным крупным хозяйствам.

Интенсификация производства, таким образом, приобретает первостепенное значение в планах развития

сельского хозяйства. В результате происходит неуклонное увеличение производства сельскохозяйственной продукции. С 1960 по 1968 г. сельскохозяйственное производство увеличилось более чем на 63%, в то время как посевная площадь страны — всего на 15% [9, 228]. Следовательно, продуктивность хозяйств в целом значительно возросла.

Отсутствие необходимых данных не позволяет с определенностью сказать, в каких хозяйствах наиболее быстрыми темпами происходило увеличение продуктивности. Кооперативы призваны организовать высокопродуктивное земледелие в малоземельных хозяйствах. Однако общеизвестно, что продуктивность хозяйства зависит от уровня оснащенности его современными средствами производства. «Характер распределения средств производства через кооперацию, как и ее финансовых ресурсов, — справедливо отмечает В. Г. Растянников, — зависит прежде всего от конкретного соотношения классовых сил в деревне» [1, 281].

Египетские кооперативы во многих случаях используются крупными землевладельцами и зажиточными крестьянами для получения средств интенсификации своего хозяйства. Аграрная реформа, подорвав основы феодального землепользования, явилась стимулятором развития капиталистических хозяйств, которые, пользуясь законными правами, а часто превышая эти права, получали от государства значительную финансовую и материальную поддержку для расширения своего производства. Рост потребления химических удобрений, производственного использования механических средств и других достижений агротехники происходит в основном в капиталистических хозяйствах. Например, сумма задолженности по сельскохозяйственным кредитам в большинстве случаев падает на крупных землевладельцев [15, 7.III.1966]. Крупные землевладельцы и зажиточные крестьяне держат в своих руках практически всю сельскохозяйственную технику. По утверждению газеты «Аль-Гумхурия», у сельских богачей, сила которых за время проведения аграрной реформы существенно возросла, находится 85% всей сельскохозяйственной техники [4, 5.IX.1972]. Как отмечает газета, эти слои оказывают влияние и на кооперативы.

Трудно с достоверностью утверждать, в каких хо-

зяйствах и в какой степени используются достижения современной агротехники, но бесспорно, что в малоземельных хозяйствах они используются минимально. Очевидно, что меры по интенсификации сельскохозяйственного производства недостаточно способствовали увеличению продуктивности малоземельных хозяйств. В подтверждение этого небезынтересно привести мнение египетского журналиста-экономиста Абдель Фаттаха, который на страницах газеты «Аль-Гумхурия» утверждает, что аграрные законы 1952, 1961 и 1966 гг. не нанесли серьезного удара по крупному землевладению. Крупные землевладельцы продолжают сохранять господствующее положение в египетской деревне. По его мнению, этому способствовали три фактора: 1) связь крупных землевладельцев с промышленным капиталом, который заинтересован в сохранении крупного землевладения; 2) законодательство, позволяющее под тем или иным предлогом оставлять в своем распоряжении крупную земельную собственность; 3) разрешение частной продажи земельной собственности [4, 14.IX.1972].

В то же время в пореформенной египетской деревне довольно прочное место занял производитель, владеющий 5—20 федданами земли, на долю которого приходится почти 18% обрабатываемых земель страны. Эта прослойка составляет не более 5% всех земельных собственников, но играет важную роль в проведении аграрной политики государства. Из таких владельцев обычно назначаются деревенские старосты, из них состоят более 70% местных комитетов Арабского социалистического союза [4, 21.IX.1972]. Как отмечает «Аль-Гумхурия», землевладельцы, имеющие 50—20 федданов, часто не имеют отношения к земледелию, живут в городе и занимают различные посты в государственных учреждениях. Это, естественно, отрицательно сказывается на эффективности проведения аграрной реформы. По своей природе многие из таких «середняков» тяготеют к капитализму и поэтому представляют основную опору крупных землевладельцев-капиталистов в саботировании важных пунктов аграрного законодательства. «Союз между крупными землевладельцами и середняками, — отмечает газета, — представляет значительную опасность для интересов бедных феллахов, так как феллахи-середняки, занимая ключевые позиции в кооперативах,

политических и административных органах деревни, содействуют крупным землевладельцам в сохранении последних своих позиций» [4, 21.IX.1972].

Следовательно, аграрная реформа и мероприятия правительства по интенсификации сельского производства в значительной мере воздействовали не только на повышение продуктивности сельского хозяйства, но и на взаимоотношения между различными социальными слоями египетской деревни.

1. В. Г. Растянников, Аграрная эволюция в многоукладном обществе, М., 1973.
2. «Аль-Ахбар», Каир.
3. «Аль-Ахрам аль-иктисади», Каир.
4. «Аль-Гумхурия», Каир.
5. «Роз эль-Юсеф», Каир.
6. «Federation of Egyptian Industries Yearbook 1972», [Cairo], [1956].
7. «The Egyptian Revolution in three Years», [Cairo], [1956].
8. «National Bank of Egypt. Economic Bulletin», Cairo.
9. «U.A.R. Statistical Handbook», Cairo, 1970.

А. Е. Грановский

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПОМОЩИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН СЕЛЬСКОМУ ХОЗЯЙСТВУ В УСЛОВИЯХ «ЗЕЛеной РЕВОЛЮЦИИ»

Цель настоящей статьи — рассмотреть на примере Индии влияние экономической помощи капиталистических стран на динамику сельскохозяйственного производства в ходе «зеленой революции».

В отличие от промышленности иностранная финансовая и техническая помощь сельскому хозяйству сталкивается с рядом социально-экономических структур, различающихся характером воспроизводства и внешних связей, системами стимулов к производству и реакцией на агротехнические нововведения, техническим базисом и уровнем накопления. Влияние одних и тех же импульсов, создаваемых иностранной помощью, на различные типы хозяйств весьма неодинаково.

При подходе к проблемам помощи «зеленой революции» на первый план выдвигается вопрос о границах применения иностранной помощи. Материально-вещественные границы применения помощи определяются разрывом между потребностями сельского хозяйства в той части затрат несельскохозяйственной продукции, которая может импортироваться, и внутренним производством этой продукции. Упомянутые потребности, разумеется, не сводятся к платежеспособному спросу, так как сама иностранная помощь расширяет спрос. Замкнутый круг, к которому мы таким образом приходим (чем больше помощь — тем больше спрос и тем, следовательно, больше потребность в помощи), разрывается вследствие наличия технологических и стоимостных границ роста спроса сельского хозяйства на несельско-

хозяйственные производственные ресурсы. Использование помощи в сельском хозяйстве оказывается целесообразным лишь до тех пор, пока она обеспечена всеми другими видами ресурсов, а ее отдача не меньше, чем в других отраслях экономики.

Оба из отмеченных ограничений (технологическое и стоимостное) обусловлены, как очевидно, господствующей общественной технологией (или, вернее, набором технологий)¹. Таким образом, рост возможностей сельского хозяйства производительно использовать иностранную помощь представляется как функция от изменения средней общественной технологии.

На первый взгляд, потребности сельского хозяйства в несельскохозяйственных ресурсах, а следовательно, и в иностранной помощи можно оценить с помощью коэффициентов межотраслевого баланса. Но последние характеризуют реальные технологические коэффициенты только тогда, когда они соответствуют равновесию спроса и предложения всех взаимозаменяемых производственных факторов. В индийском сельском хозяйстве такое соответствие пока не достигнуто.

Для весьма приближенной оценки соотношения между целесообразными и существующими размерами затрат несельскохозяйственной продукции в сельском хозяйстве воспользуемся одним из коэффициентов, предложенных А. Симантовым. По его расчетам, удельный вес таких затрат в национальном доходе, соответствующий рыночному равновесию, почти не зависит от уровня экономического развития и составляет около 3% [29, 1967, № 3]. В Индии несельскохозяйственные затраты в сельском хозяйстве составляли в 1963/64 г. примерно 1950 млн. рупий, или всего 1,2% национального дохода. Из них 940 млн. рупий приходилось на удобрения, 690 млн. — на металлоизделия, 300 млн. — на нефтепродукты, 85 млн. — на электроэнергию и 80 млн. рупий на различные химические продукты. Даже с учетом капитальных вложений удельный вес этих затрат составлял едва 2,35% [25, 1972, № 1, 53]. Несмотря на всю несовершенство подобных оценок, приведенные данные в

¹ Под общественной технологией понимается способ соединения различных факторов производства, прежде всего живого и овеществленного труда. Понятие это шире, чем понятие «техники производства»: оно включает и характер использования техники.

какой-то степени характеризуют степень нарушения межотраслевых пропорций в индийской экономике.

Это нарушение являлось следствием, с одной стороны, низких потребностей сельского хозяйства в современных агротехнических средствах, обусловленных его социально-экономической и, значит, технологической отсталостью, а с другой — неудовлетворения даже этих потребностей из-за недостаточных внутреннего производства и иностранной помощи.

В связи с этим при рассмотрении влияния на «зеленую революцию» помощи капиталистических стран особое значение имеет решение трех взаимосвязанных вопросов:

1. В какой степени социально-экономические и технологические сдвиги, происходящие в ходе «зеленой революции», расширяют возможности сельского хозяйства производительно использовать иностранную помощь?

2. В какой мере приток помощи капиталистических стран покрывает рост этих возможностей?

3. В какой степени существующая структура и методы предоставления западной помощи сельскому хозяйству действительно уменьшают препятствия на пути «зеленой революции»?

Поскольку увеличение сельскохозяйственного производства в Индии определяется на современном этапе прежде всего изменением средней общественной технологии, иностранная помощь может влиять на динамику сельскохозяйственного продукта до тех пор, пока внедрение новой технологии сдерживается недостаточным предложением современных агротехнических средств, а не недостаточным спросом, обусловленным социально-экономическими факторами. Но и при наличии соответствующего спроса экономическая эффективность иностранной помощи может быть весьма различной в зависимости от структуры помощи и наличия взаимозаменяемости между различными производственными ресурсами.

Причины расширения экономической помощи капиталистических стран сельскому хозяйству во второй половине 60-х годов. До середины 60-х годов западная помощь сельскому хозяйству Индии была невелика. В 1956/57—1960/61 гг. ее приток составлял в среднем 650 млн. рупий в год, а в следующем пятилетии — около

Таблица 1

**Экономическая помощь капиталистических стран
сельскому хозяйству Индии*,**
млн. рупий

	1950/51— 1960, 61 гг.	1961/62— 1965/66 гг.	1966/67— 1969, 70 гг.	Итого
США	2774	4249	8 919	15 942
В том числе:				
на ирригацию	1629	1628	461	3 718
на общинное развитие	651	45	832	1 528
поставки минеральных удобрений	267	1859	3 677	5 803
прочие цели**	227	717	3 949	4 893
Канада***	36	49	1 701	1 790
МАР и МБРР***	54	412	432	998
Япония	—	90	480	570
Великобритания***	—	157	57	214
Франция	—	39	163	202
Норвегия	40	41	64	145
Нидерланды	1	3	106	111
Австралия	34	37	23	94
Австрия	—	32	29	61
Италия	—	—	49	49
ФРГ***	—	29	13	42
Бельгия	—	—	17	17
Швеция	—	6	8	14
Новая Зеландия	1	6	—	7
Дания	—	6	—	6
«Фонд Форда»	155	9	52	216
Итого	3096	5174	12 217	20 487

* [12; 13; 14; 21, 1969—1970 гг.; 17]. Размеры помощи в иностранной валюте показаны по курсу рупии после девальвации в 1966 г., займы и субсидии в рупиях — по курсу рупии в момент их предоставления.

** В состав американской помощи включены субсидии, предоставляемые посольством США индийским научно-исследовательским учреждениям за счет американской доли в эквивалентных фондах по «закону 480».

*** В таблице не учтена значительная часть импорта агротехнических средств, поступавших за счет «незакрепленных» кредитов МАР, Великобритании, ФРГ и Канады.

1 млрд. рупий, т. е. соответственно 10 и 12% займов и субсидий, предоставленных Индии капиталистическими странами (табл. 1).

Приведенные выше данные относятся и к той части западных займов и субсидий, которая предоставлялась в рупиях в рамках «закона 480» и аналогичных программ. В 1956/57—1960/61 гг. рупиевые займы и субсидии составляли 500 млн. рупий в год, в 1961/62—1965/66 г. — около 360 млн. рупий в год. Рупиевые средства, накопленные на эквивалентных счетах, в конечном счете использовались для финансирования инвестиционных затрат живого труда. Иными словами, рупиевые займы сельскому хозяйству, по существу, означали предоставление Индии продовольствия, которое затем направлялось на потребление рабочей силы, занятой в различных инвестиционных программах. Рассматриваемая часть западной помощи, с одной стороны, вряд ли была ограничена возможностями экономики производить импорт, а с другой — несколько расширяла возможности применения в сельском хозяйстве импортных ресурсов. В то же время совершенно очевидно, что экономическая эффективность этой части помощи (с точки зрения модернизации сельского хозяйства) была несравненно ниже, чем помощи, предоставляемой в форме импорта современных агротехнических средств.

Во второй половине 60-х годов экономическая помощь капиталистических стран индийскому сельскому хозяйству заметно возросла: в 1966/67—1969/70 гг. она составляла в среднем 2,4 млрд. рупий в год, т. е. около 35% всей помощи. Еще более значительные сдвиги произошли в структуре займов и субсидий основной капиталистической страны-донора — США. Удельный вес сельского хозяйства в расходах американского Агентства международного развития в Индии увеличился с 24% в 1964 г. до 40% в 1968 г., а в 1971 г. достиг 61% [21, 12.2.1969].

В основе заметного роста западной помощи сельскому хозяйству лежал ряд причин. Одна из важнейших — сдвиги в экономической политике индийского правительства, его «новая сельскохозяйственная стратегия». Эта стратегия, вызванная к жизни резким обострением продовольственного положения, в свою очередь, опиралась

на внутренние качественные сдвиги в сельском хозяйстве и в то же время была одной из предпосылок углубления этих сдвигов. Но в условиях острого дефицита ресурсов наращивание государственных вложений в сельское хозяйство неизбежно и с самого начала зависело от получения дополнительной иностранной помощи. Возможности такой помощи во второй половине 60-х годов расширились, несмотря на стагнацию размеров ассигнований капиталистических стран на экономическую помощь странам «третьего» мира, так как заинтересованность Запада в содействии сельскому хозяйству возросла. Основная причина этого — неблагоприятные для развитых капиталистических стран экономические и социально-политические последствия обострения продовольственного положения и соответственно ухудшения общего экономического климата в развивающихся странах.

Помимо отмеченных стратегических соображений на отношение западных держав к помощи сельскому хозяйству повлиял и ряд других обстоятельств. Во-первых, с началом «зеленой революции» возникли, по мнению многих западных теоретиков, возможности для более ощутимого экономического (а следовательно, и социально-политического) воздействия на сельское хозяйство. Во-вторых, только ко второй половине 60-х годов потребности сельского хозяйства Индии в современных агротехнических средствах достигли масштабов, при которых они стали представлять интерес для экспортеров и инвесторов стран-доноров. Последнее обстоятельство весьма откровенно признается представителями развитых капиталистических стран. Так, американский делегат на II конференции ЮНКТАД, рассматривая мероприятия по подъему сельского хозяйства стран «третьего мира», особо подчеркивал, что они «должны поощрять приток частного (иностранного) капитала и технического опыта в этой области» [24, 2.III.1968]. Еще в середине 60-х годов МБРР рекомендовал передать развитие промышленности минеральных удобрений в Индии под контроль международного частного консорциума [27, 14.VII.1967].

Характерно, что в последние годы в развитых капиталистических странах стали возникать частные компании, цель которых — инвестиции непосред-

ственно в сельское хозяйство развивающихся стран. Например, в 1970 г. в Лондоне была создана Международная корпорация развития сельского хозяйства, объединившая 15 частных компаний, среди которых банки, производители удобрений и пестицидов, сельскохозяйственного оборудования и др. [21, 18.X.1970].

Отмеченный выше «поворот» иностранного капитала к сельскому хозяйству и агропромышленности, повлиявший на распределение помощи капиталистических стран, в какой-то степени связан и с замедлением роста спроса на импортные товары в индийской промышленности. Наконец, одним из факторов увеличения помощи сельскому хозяйству, был пересмотр условий американской продовольственной помощи по «закону 480». Большая помощь сельскому хозяйству была призвана «компенсировать» установление непосильных для многих развивающихся стран условий продовольственных поставок.

Влияние «зеленой революции» на потребности сельского хозяйства в иностранной экономической помощи. Отмеченные выше причины роста экономической помощи капиталистических стран в той или иной степени связаны с процессом внедрения новой технологии и соответствующего расширения возможностей сельского хозяйства производительно использовать помощь.

Материально-вещественная структура роста потребностей в современных агротехнических средствах во многом предопределяется важнейшим компонентом новой технологии — высокоурожайными семенами. Их внедрение, с одной стороны, требует, а с другой — позволяет рационально использовать ряд других производственных ресурсов. Важнейшие из них — это ирригационные воды, минеральные удобрения, средства борьбы с сельскохозяйственными вредителями, сельскохозяйственные машины, агротехнический опыт. Применение упомянутых «первичных» ресурсов, в свою очередь, зависит от многих других как материальных (электроэнергия, нефтепродукты и др.), так и институциональных ресурсов (кредит, транспортно-сбытовая инфраструктура и др.)².

Совершенно очевидно, что внешнеэкономическая по-

² Ресурсовые ограничения, связанные с применением высокоурожайных семян, рассматриваются в работах Р. П. Гурвич [3] и Л. А. Баграмова [2].

мощь может способствовать преодолению дефицита лишь некоторых из упомянутых видов ресурсов. В связи с этим весьма важно выяснить степень взаимозаменяемости отдельных факторов. Именно она в конечном счете определяет возможность применения иностранной помощи вместо отсутствующих внутренних ресурсов.

В отношении высокоурожайных семян, ирригационных вод, удобрений, а тем более аprotехнического опыта экономические границы взаимозаменяемости, как показывают многие выборочные обследования, весьма узки. Иначе говоря, относительные цены на эти факторы производства мало влияют на оптимальные соотношения между их затратами. Разумеется, упомянутые соотношения значительно различаются в отдельных районах страны и по отдельным культурам. Поэтому структура притока импортных агротехнических средств за счет помощи может оказывать некоторое влияние на динамику и структуру посевных площадей. Так, концентрация западной помощи на содействии внедрению высокоурожайных сортов сначала в небольшой группе округов, на которые распространяется «Программа интенсивного сельскохозяйственного развития», а затем и в других районах, приближающихся к ним по природным и экономическим условиям, была одним из факторов отставания производства в аридной зоне, охватывающей около двух третей посевных площадей Индии.

Соотношение между рассмотренными выше факторами (семена и др.), с одной стороны, и пестицидами и инсектицидами, с другой стороны, для отдельных культур различно. Если пшеница не требует особенно интенсивных мер по борьбе с сельскохозяйственными вредителями и болезнями, то высокоурожайные сорта риса весьма чувствительны к таким мерам. В последние годы сельскохозяйственные вредители и болезни оказывают серьезным препятствием расширению посевов высокоурожайных сортов джовара и кукурузы [19, 1972, № 2, 93].

Зависимость применения высокоурожайных сортов от уровня механизации сельскохозяйственных работ меньше, чем от отмеченных выше факторов производства. Тракторная и тяговая обработка почвы и при выращивании высокоурожайных сортов могут с достаточной эффективностью заменять одна другую. Так, согласно

выборочным обследованиям в Пенджабе, экономия на уборке при применении трактора составляет около 80 рупий с гектара, при применении комбайна — примерно 110 рупий [20, 24.IX.1972]. Средняя цена малого трактора после повышения цен в 1970—1972 гг. равняется 20—25 тыс. рупий. Предполагая, что трактор используется по крайней мере с минимальной рентабельностью и что коэффициент эффективности составляет около 15—20%, мы получим, что дополнительные приведенные затраты на гектар составят при применении трактора 15—30 рупий. Сравнительная эффективность комбайнов отмеченных видов обработки неодинакова для отдельных районов, культур и сортов. Она зависит, в частности, от обеспеченности водой. При умеренном орошении влияние тракторной обработки сводится главным образом к эффекту глубокой и более равномерной пахоты. Большая обеспеченность водой позволяет сократить сроки наиболее «критических» операций и собирать два урожая в год.

Ограниченная взаимозаменяемость производственных ресурсов, поступающих в рамках помощи, означает, что иностранные займы должны распределяться между ними в определенной пропорции. Но некоторые виды ресурсов просто не могут импортироваться, хотя помощь извне может оказывать косвенное влияние на их воспроизводство. Это, в свою очередь, ставит проблему распределения иностранных ресурсов между непосредственным импортом агротехнических средств и развитием внутренних производств и институтов, обеспечивающих такие ресурсы.

Следует отметить, что для ряда внутренних ресурсов, обеспечивающих применение импортных агротехнических средств, весьма значителен лаг созревания капиталовложений (крупные ирригационные системы, электроэнергетика и др.), для других — неизмерима производственная отдача (повышение уровня грамотности). Поэтому даже с учетом возможных вложений в смежные отрасли расширение иностранной помощи оказывается не в состоянии компенсировать недостаток многих внутренних ресурсов, жизненно важных для модернизации сельского хозяйства.

В условиях многоукладной экономики проблема модернизации оказывается не только, а подчас и не столь-

Затраты на производство продовольственного зерна в Индии, рупии на га*

Культура, район	Семена**	Органические** удобрения	Минераль- ные** удобрения	Пестици- ды**	Орошение**	Итого**	Внутрен- ний ком- понент прироста затрат, %
Пшеница							
Бутаут, Уттар Прадеш	8 (40)	8 (59) н/св	35 (130)	—	33 (110)	82 (389)	74
Канпур, Уттар Прадеш	10 (75)	8 (60) н/св	40 (121)	—	30 (129)	80 (325)	77
Джабалпур, Мадхья Прадеш	96 (122)	8 (60) н/св	13 (375)	(17)	10 (52)	127 (626)	46,5
Лудхьяна, Пенджаб	85 (135)	8 (60) н/св	130 (260)	—	150 (180)	365 (575)	38
Рис							
Шахаранпур, Уттар Прадеш	15 (22)	17 (56)	94 (235)	3 (22)	36 (52)	165 (380)	52
Джабалпур, Мадхья Прадеш	89 (38)	21 (77)	4 (445)	— (42)	14 (63)	128 (665)	37
Амритсар, Пенджаб	6 (9)	25 (37)	97 (223)	1 (3)	5 (56)	134 (328)	55
Баджра							
Насик, Махараштра	5 (33)	55 (191) н/св	15 (136)	— (24)	6 (24)	81 (385)	66
Лудхьяна, Пенджаб	5 (20)	—	80 (169)	—	—	115 (230)	33

* [19; 25; 28].

** В колонке первая цифра — затраты хозяйств, применяющих традиционные сорта, а цифра в скобках — затраты хозяйств, использующих высокоурожайные сорта пшеницы и риса и гибридные сорта проса. Данные, относящиеся к «прогрессивным» хозяйствам, как правило, отражают смешанную технологию и субоптимальные дозы производственных затрат.

ко экономической, сколько социальной. Использование иностранной помощи, призванной быть носителем новых агротехнических средств, сдерживается прежде всего отсутствием в немалой части хозяйств стимулов к расширению производства. Отсутствие таких стимулов обусловлено значительной долей потребительских хозяйств, осуществляющих простое полунатуральное воспроизводство, сохранением краткосрочной, в том числе издольной, аренды, ускорившимся в ходе «зеленой революции» ростом рентных платежей, преобладанием ростовщических форм кредита, принадлежностью немалой части крестьянства к низшим кастам и другими факторами [1, 27].

Однако даже при наличии соответствующих стимулов и обеспеченности экономики «незаменимыми» внутренними ресурсами производительное использование иностранной помощи ограничивается рядом внутренних и внешних факторов.

Во-первых, необходимость комплексного применения современных агротехнических средств обуславливает высокий «инвестиционный барьер» при внедрении новой технологии. Лишь часть его может, как уже отмечалось, покрываться за счет иностранного кредита. Остальные затраты должны осуществляться либо за счет самофинансирования, что недоступно большинству даже зажиточных хозяйств, либо за счет кооперативного кредита, монополизированного верхними слоями деревни, либо, наконец, за счет ростовщического кредита, резко снижающего экономическую эффективность новой технологии для производителя.

О размерах «инвестиционного барьера», не покрываемого за счет иностранной помощи, можно судить по данным ряда выборочных обследований, приведенным в табл. 2. Как видно из таблицы, минимальный внутренний компонент дополнительных текущих материальных затрат, обусловленных внедрением новой технологии, в среднем превышал 50%. Этот внутренний компонент дополнительных затрат составлял от 70 до 250% совокупных материальных затрат при традиционной технологии.

Во-вторых, в условиях растущего земельного голода, парцелляции и чересполосицы земельных участков не только применение сельскохозяйственных машин, но и совсем простые нововведения оказываются экономически

нецелесообразными даже при наличии соответствующих средств. В отличие от проблемы «инвестиционного барьера» этот вопрос является спорным. Так, по мнению М. Л. Дантвалы, новая технология при прочих равных условиях нейтральна по отношению к размеру участка [22, 1969, № 23]. Представляется, однако, что экономическая отдача от внедрения высокоурожайных семян в мелких хозяйствах может не только быть меньше, чем в крупных, но и оказаться отрицательной. По данным выборочного обследования в округе Будаун (Уттар Прадеш), расширение посевов высокоурожайных сортов в хозяйствах размером до 10 акров привело к увеличению их издержек со 183 до 325 рупий на акр, в то время как стоимость продукции возросла со 195 до 236 рупий [25, 1970, № 3, 113]. Сравнение этих хозяйств с аналогичными хозяйствами размером от 10 до 20 акров, отличающимися высокой рентабельностью, приводит к выводу, что основными причинами низкой отдачи высокоурожайных семян в данном случае были ограниченное применение машин и другие факторы, непосредственно связанные с размером участка, а не с доступностью агротехнических средств.

В-третьих, значительная ростовщическая задолженность крестьянства, потребности в крупных инвестициях в инфраструктуру препятствуют использованию в сельском хозяйстве займов, предоставляемых капиталистическими странами под высокий процент. Следует иметь в виду еще два обстоятельства. С одной стороны, разрыв между условиями иностранной помощи и займов, предоставляемых за ее счет непосредственному производителю, по ряду причин достаточно велик. С другой стороны, платежеспособность по займам, погашаемым в конвертируемой валюте, определяется не столько прибыльностью их применения, сколько возможностями превращения дополнительного продукта в экспортную выручку.

В целом критическая ставка процента, за которой внешние займы оказываются неэффективными, в сельском хозяйстве заметно ниже, чем в промышленности. Поэтому в сельском хозяйстве могли использоваться лишь займы, предоставляемые на относительно мягких условиях. Из «закрепленной» помощи капиталистических стран, использованной в этой отрасли к концу 60-х го-

дов, свыше 20% составляли субсидии и около 70% — «мягкие» займы (погашаемые в рупиях или под небольшой процент) [14].

В свете сказанного ранее очевидно, что рост потребностей в современных агротехнических средствах и иностранной помощи в ходе «зеленой революции» затрагивает преимущественно относительно узкую прослойку предпринимательских хозяйств. По предварительным данным национального выборочного обследования, средний доход на семью составлял в 1968/69 г. в сельском хозяйстве 2206 рупий. В хозяйствах же, применявших высокоурожайные сорта, он равнялся 3936 рупиям. О масштабах разрыва между этими и остальными хозяйствами говорит тот факт, что средний доход хозяйств, не использовавших высокоурожайные сорта, составлял 2200 рупий, а в целом 85% хозяйств располагали доходом менее 3600 рупий [21, 1.X.1970].

Вопрос о социально-экономических противоречиях «зеленой революции» рассматривался в нашей литературе. Это позволяет ограничиться лишь несколькими замечаниями, непосредственно связанными с проблемами помощи капиталистических стран.

Прежде всего, хотелось бы разграничить экономическую и социальную сторону процесса модернизации, как бы тесно они ни были связаны. По данным 16-го тура Национального выборочного обслуживания в Индии, в 1959/60 г. 25% всех хозяйств размером свыше 3 га (составляющие, по-видимому, минимальную в среднем границу распространения новой технологии) обладали около 70% посевных площадей. Более поздние данные, приводимые Р. П. Гурвич по Пенджабу, дают примерно те же соотношения: 27% всех хозяйств превышают 3 га и владеют около 80% земли [3, 1971, № 1, 22]. Поэтому с технико-экономической точки зрения проблема сельскохозяйственного производства может решаться за счет интенсификации меньшинства хозяйств при стагнации или сокращении производства в массе мелких хозяйств.

Однако подобное решение не может быть экономически устойчивым, поскольку оно оставляет за пределами прогресса массу сельского населения. Кроме того, в условиях роста земельного голода, роста спроса на кредит и одновременного повышения размеров дифферен-

циальной ренты снижается экономическая эффективность применения новой технологии и в крупных хозяйствах. Например, по данным упомянутого выше обследования в округе Будаун, оказывается, что для хозяйств размером свыше 12 га переход от мелкой аренды к современному хозяйствованию становится нецелесообразным как только рента превышает 40% урожая при традиционной технологии.

Таким образом, в существующих социальных условиях применение новой агротехники сопровождается снижением стимулов к дальнейшему ее расширению, и не исключено, что равновесие между этими двумя процессами будет достигнуто задолго до того, как большинство крупных и средних хозяйств будет вовлечено в «зеленую революцию».

В большинстве индийских исследований, посвященных «зеленой революции», рассматривается удельный вес хозяйств, применяющих современные агротехнические методы, и отдача этих методов по сравнению с традиционной технологией. Для оценки динамики абсорбционных возможностей сельского хозяйства в отношении помощи и вероятной эффективности импортных ресурсов не менее важен и другой вопрос: в какой мере эти ресурсы могут применяться в оптимальных дозах? Достаточно вероятно, что высокоурожайными сортами и сопутствующими производственными факторами в той или иной мере можно охватить в конечном итоге весьма широкий круг хозяйств. По данным обследования, проведенного в 1970/71 г. в Гуджарате, высокоурожайные сорта применяли 57% хозяйств. В Саураштре даже среди беднейших 10% хозяйств свыше половины использовали эти сорта [25, 1971, № 3, 463—464].

При выращивании новых сортов экономическая отдача возрастает быстрее, чем затраты на единицу площади. Направление импортных, равно как и местных, ресурсов в большее число хозяйств в субоптимальных дозах может принести меньший эффект, чем их концентрация в немногих хозяйствах. О существующем разрыве между рекомендованными и применяемыми дозами минеральных удобрений можно судить по данным обследования в округе Фирозпур (Пенджаб): в 1969/70 г. внесение азотных удобрений под пшеницу составляло здесь 30—40% рекомендованного уровня, фосфорных

удобрений — 8—32%, калийных — 10—33% [25, 1970, № 4].

Причины существования такого разрыва, особенно в мелких и средних хозяйствах, вряд ли сводятся только к дефицитности удобрений и других агротехнических ресурсов.

В свете вышесказанного можно сделать вывод, что ускорение интенсификации индийского сельского хозяйства во второй половине 60-х годов привело к значительному расширению возможностей сельского хозяйства производительно использовать иностранную экономическую помощь и создало предпосылки для ее большего влияния на динамику сельскохозяйственного производства. Вместе с тем и в новых условиях возможности эффективного применения иностранных ресурсов в сельском хозяйстве остаются относительно меньшими, чем в организованных секторах экономики. Несмотря на рост импортоемкости сельского хозяйства, применение импортных ресурсов и внешней помощи продолжает сдерживаться дефицитностью ряда внутренних как материальных, так и институциональных ресурсов. Это ограничение может проявляться не столько в невозможности употребления тех или иных агротехнических средств, которые могут поступать за счет помощи, сколько в их субоптимальном использовании в массе хозяйств.

Рост возможностей производительно использовать иностранную помощь происходил исключительно за счет верхнего слоя хозяйств, располагавшего, однако, основной частью посевных площадей. Это, в свою очередь, ведет к углублению различий в воздействии иностранной помощи на отдельные типы хозяйств и увеличению ее роли как катализатора экономического неравенства. Упомянутые различия во влиянии помощи, как и других государственно-капиталистических мероприятий, обусловлены не только, а может быть, и не столько той или иной стратегией помощи, сколько объективно существующей социально-экономической структурой. Необходимость достижения за счет иностранных займов некоторого экономического эффекта в большой степени предопределяет их использование в данных социальных условиях в строго определенных типах хозяйств, что неизбежно ведет к усилению социального неравенства. В краткосрочном аспекте «сумма» социального и эконо-

мического выигрыша от иностранной помощи оказывается величиной, близкой к постоянной.

Сказанное выше ни в коей мере, разумеется, не означает, что стратегия экономической помощи (ее целевое направление, формы, методы и условия) не оказывает значительного влияния на характер воздействия помощи. Наряду с внутренними социально-экономическими условиями и экономической политикой она является важнейшим фактором, предопределяющим экономические последствия помощи.

Изменения в стратегии содействия капиталистических стран сельскому хозяйству в ходе «зеленой революции»³. Для оценки сегодняшних сдвигов в западной стратегии помощи сельскому хозяйству необходимо вкратце рассмотреть ее особенности на предшествующих этапах. Можно выделить четыре этапа участия капиталистических стран в финансировании сельского хозяйства, в основном совпадающих с трансформацией подхода индийского правительства к решению проблем этой отрасли: 1) с 1952 г. по конец 50-х годов, 2) период третьего пятилетнего плана, 3) начальный этап «новой сельскохозяйственной стратегии» (1966/67—1968/69 гг.) и 4) начало 70-х годов.

Первым направлением американской помощи Индии в области сельского хозяйства стали общинные проекты. Вопрос о степени влияния США на общинные проекты по-разному оценивается индийскими исследователями. Так, С. Н. Бхаттачария, автор одного из основательных трудов по общинному развитию, пишет, что программы общинного развития «были порождены идеализмом Ганди и получили конкретные очертания у Неру» [9, IX]. Но тот же автор отмечает, что «даже после десятилетия их деятельности, многие люди все еще считают, что общинные проекты были иностранной программой, задуманной американцами и перенесенной на индийскую почву» [там же, 19].

Осуществление программы общинного развития имело ряд внутренних социальных и экономических предпосылок, рассмотрение которых выходит за рамки настоя-

³ По существу, речь идет о стратегии экономической помощи США, предоставивших к 1969/70 г. около 75% западных займов и субсидий сельскому хозяйству, а с конца 60-х годов и о стратегии группы МБРР.

щей работы. В то же время с момента начала этих программ (и даже до этого момента) США оказывали ощутимое влияние на них.

Одним из прототипов общинных проектов были социальные эксперименты, проводившиеся в Этавах под руководством американского эксперта А. Мейера в конце 40-х — начале 50-х годов. Американские микросоциологические концепции, в частности работы А. Моргана, оказали влияние и на индийских организаторов социальных экспериментов, например на В. Т. Кришнамачари. Но более серьезное влияние на отношение индийского правительства к общинным проектам оказала инициатива США предоставить на эти нужды крупную по тем временам сумму — 54 млн. долл. Вместе с обещаниями помощи посол США в Индии Ч. Боулс представил индийскому правительству меморандум, а затем и развернутую ноту, в которой развивал взгляды США на задачи и организацию общинных проектов. Американский план вызвал в Индии возражения. С. К. Дей, впоследствии возглавивший администрацию общинного развития, охарактеризовал его как попытку повторить в скоростном стиле неудавшуюся в 1949 г. программу по увеличению производства продовольствия. Он подверг критике предложения о концентрации усилий на производственных задачах программы и ее быстром распространении на большие территории. Обещанная помощь, по-видимому, перевесила имевшиеся возражения, и соглашение об индо-американском техническом сотрудничестве, подписанное в 1952 г., предусматривало создание 50 блоков общинного развития с населением около 10 млн. человек. С. Н. Бхаттачария пишет, что под влиянием США организаторы общинных проектов «спустя несколько лет после их начала утратили понимание философских и идеологических основ этой программы» [9, 19]. Вряд ли правомерно сводить причины трансформации общинных проектов к американскому давлению, но оно оказывало определенное, хотя, разумеется, и не решающее воздействие на превращение общинных проектов в программу строительства инфраструктуры сельского хозяйства и на забвение тех широких общественных идеалов, которые были провозглашены у истоков программы.

Со становлением сельскохозяйственной инфраструк-

туры было связано и второе ведущее направление помощи США в 50-х годах — рупиевые займы и субсидии крупному ирригационному строительству. На долю общинных проектов и крупной ирригации приходилось в 1952/53—1960/61 гг. свыше 80% американских займов и субсидий сельскому хозяйству.

Американский исследователь Дж. Ричардсон объясняет упомянутое выше направление помощи тем, что среди ее инициаторов господствовало убеждение, будто в Индии существует технология, достаточная для решения продовольственной проблемы, и проблема состоит в создании социальной и физической инфраструктуры для повсеместного внедрения такой технологии [16, 60]. Представляется, что существуют не менее веские причины, связанные с общей стратегией экономической помощи США развивающимся странам в 50-х годах.

С одной стороны, в тот период экономическая и социально-политическая эффективность помощи рассматривалась официальными кругами США обособленно, что предопределяло их ограниченную заинтересованность в экономическом росте стран-получателей. Экономическая эффективность помощи занимала второстепенное место по сравнению с достижением социально-политических выгод. Общинные проекты, рассматривавшиеся как средство смягчения социальной напряженности в деревне, получили поддержку США. Один из авторов теории «локальных цивилизаций», А. Дж. Тойнби, говоря о общинных проектах в 1961 г., отмечал: «Эта мировая революция является самой славной революцией, которая до сих пор происходила в мировой истории» [9, IX]. Более лаконично и ясно сформулировал значение общинных проектов для США Ч. Боулс, назвавший их воплощением в жизни четвертого пункта доктрины Трумэна, сущность которой сводилась, как известно, к «сдерживанию коммунизма».

С другой стороны, в западной теории, а тем более в практике помощи 50-х годов господствовала точка зрения, что различия между странами-донорами и странами-получателями сводятся к чисто экономическим факторам, а в конечном счете к достигнутому уровню национального дохода. Что касается очевидных институциональных препятствий экономическому росту, то предполагалось, что сам процесс роста послужит до-

статочной основой для их трансформации. В этих условиях создание развитой инфраструктуры должно через рыночные стимулы привести к оптимальному режиму воспроизводства в каждом отдельном хозяйстве.

В условиях дезинтегрированной экономики и острого дефицита ресурсов стихийное влияние инфраструктуры на рост производственных инвестиций и продукции оказывается ограниченным даже в промышленности, не говоря о более отсталом сельском хозяйстве. Направление основной части займов в сферу сельскохозяйственной инфраструктуры практически не вело к увеличению зернового производства, хотя ряд вложений имел положительные долговременные результаты. Но и в долгосрочном аспекте существовавшая структура помощи сельскому хозяйству вряд ли была оптимальной. Дело в том, что низкая отдача инфраструктурных объектов в Индии — результат отнюдь не только значительного лага. Она была обусловлена прежде всего низким коэффициентом использования создаваемых объектов, распылением средств между множеством мелких объектов, использованием немалой их части для административных расходов, не связанных с нуждами сельского хозяйства. Так, к 1958 г. ирригационный потенциал, созданный за счет крупных и средних гидросистем, составил 10,2 млн. акров, потенциал на государственных отводах от основных каналов и водохранилищ — 7,25 млн. акров, а фактически вода была подведена к участкам площадью всего 4,9 млн. акров [15, 52].

Продовольственный кризис 1957/58 г., когда валовой сбор зерна оказался на 7 млн. т меньше, чем в 1952/53 г., стал кризисом индийской сельскохозяйственной стратегии и тесно связанной с ней стратегии американской помощи сельскому хозяйству.

Непосредственной реакцией на кризис был доклад миссии «Фонда Форда» во главе с Ш. Джонсоном, опубликованный в апреле 1959 г. В нем, как известно, содержалась попытка разработки новой сельскохозяйственной стратегии, основанной на значительном увеличении капиталовложений в зерновое производство, концентрации их в наиболее подготовленных районах и комплексном применении современных агротехнических средств [4, 5]. В западной литературе второй половины 60-х годов этот доклад, содержащий реалистическую

оценку продовольственного положения в Индии, рассматривается как переломный момент во всей западной помощи сельскому хозяйству, положивший начало ее новому этапу. Так, профессор Пенсильванского университета У. Шатджер пишет: «Ранним свидетельством поддержки Соединенными Штатами концепции, содержащейся в докладе „Фонда Форда“, является программа технического сотрудничества (между США и Индией.— А. Г.) на 1961 финансовый год, подготовленная в феврале 1960 г.» [25, 1971, № 2, 117]. Пропагандисты западной помощи представляют дело так, что капиталистические страны-доноры с момента появления доклада «Фонда Форда» взяли его на вооружение, перестроили в интересах Индии свои программы содействия сельскому хозяйству и оказали соответствующее давление на правительство Индии. В действительности это не совсем так.

К началу третьего пятилетнего плана в самих развитых капиталистических странах существовали весьма различные оценки продовольственного положения в Индии. Так, миссия Международного банка реконструкции и развития, изучавшая проект третьей пятилетки, пришла к выводам, противоположным выводам доклада миссии Ш. Джонсона. Она утверждала, что Индия слишком много внимания уделяет зерновому производству и недостаточно техническим культурам, и рекомендовала в этой связи пересмотреть третий план.

В этих условиях официальные круги США заняли, по существу, выжидательную позицию, не связывая свои программы помощи ни с одной из упомянутых выше концепций. Пожалуй, единственным практическим откликом США на доклад «Фонда Форда» была программа «сельскохозяйственного развития», начатая в 1961 г. Расходы на нее за восемь лет составили всего около 3 млн. долл. Показательно, что эта программа, предусматривавшая направление в отдельные штаты комплексных индо-американских групп экспертов, непосредственно не увязывалась с «пэкедж програм». Последняя же программа из-за недостатка ресурсов была начата в масштабах, значительно урезанных по сравнению с рекомендациями миссии Ш. Джонсона.

Новым направлением содействия США в первые годы третьей пятилетки была финансовая и техническая по-

мощь в создании сельскохозяйственных университетов. В остальном структура помощи сельскому хозяйству в начале 60-х годов не претерпела изменений. Что касается общих размеров помощи, то они также не дают основания для вывода о качественном переосмыслении США своей стратегии помощи в свете рекомендаций «Фонда Форда» (табл. 3).

Таблица 3

Удельный вес сельского хозяйства в экономической помощи США Индии (1950—1965)*,

%

Финансовый год	В подготовке кадров в США	В целевых займах АМР и ФЗР**	В расходах по «закону 480»
До 1961	28	26	1,5
1962	12	14,5	2,8
1963	11	31	6
1964	23	4,5	4
1965	27	21	5

* [6, 8].

** АМР — Агентство международного развития; ФЗР — Фонд займов развития.

В начале третьей пятилетки западные страны-доноры в основном разделяли господствовавшее в индийских официальных кругах убеждение, что заложенная в плане стратегия позволит в долгосрочном аспекте существенно увеличить производство продовольствия, дефицит которого в ближайшей перспективе может покрываться за счет ввоза сельскохозяйственных излишков из США.

Трансформация западной помощи сельскому хозяйству, как и индийской политики в этой области, происходила постепенно, по мере того как, с одной стороны, становилась очевидной неэффективность продовольственной стратегии третьей пятилетки, а с другой — результаты, достигнутые в некоторых интенсивных округах, казалось, показывали путь к решению продовольственной проблемы. На этот процесс не могла не повлиять

и растущая международная озабоченность общим ухудшением продовольственного положения развивающихся стран.

В 1962/63 г. миссия Агентства международного развития (АМР) США в Индии объявила о своем намерении оказывать финансовую и техническую помощь «пакетным программам». В докладе миссии отмечалось, что «программа интенсивных сельскохозяйственных округов, осуществляемая при содействии „Фонда Форда“, является важнейшей программой, стимулирующей производство продовольствия» [7]. В сентябре 1963 г. о своем намерении оказывать развивающимся странам финансовую помощь на нужды сельского хозяйства объявил МБРР [28, 1972, № 1, 11]. С 1964 г. требование о «самопомощи» в области сельского хозяйства стало включаться в соглашения о предоставлении Индии помощи продовольствием по «закону 480».

В целом сдвиги в стратегии помощи сельскому хозяйству в годы третьего пятилетнего плана сводились к следующему. Во-первых, несколько расширилась валютная помощь сельскому хозяйству в форме поставок удобрений и др. Во-вторых, большее внимание стало уделяться сельскохозяйственным исследованиям, распространению их результатов среди крестьян и подготовке национальных кадров. В-третьих, под непосредственным контролем экспертов стран-доноров был начат ряд комплексных программ развития зернового хозяйства, охватывавших небольшие площади.

Расширение размеров западной помощи вместе с отмеченными изменениями в ее направлении способствовали повышению ее экономической эффективности. Вместе с тем в первой половине 60-х годов займы и субсидии капиталистических стран не смогли заметно повлиять на темпы сельскохозяйственного производства. Большинство западных исследователей объясняют это тремя причинами: ограниченностью размеров помощи, отсутствием семенного материала, достаточно восприимчивого к импортным агротехническим средствам, «чрезмерной», по их мнению, озабоченностью индийского правительства социальными аспектами сельского хозяйства, приводившей к непроизводительному использованию части ресурсов.

Что касается социальных препятствий повышению

эффективности, то, несмотря на многократные упоминания этих препятствий, на практике им уделялось небольшое внимание. Организаторы программ помощи, в частности США, исходили в тот период из предположения, что в Индии достаточно широк круг предпринимательских хозяйств, уже готовых при поддержке извне идти по пути интенсификации. Так, еще миссия «Фонда Форда» отмечала, что благодаря общинным проектам и существовавшей рыночной ситуации в стране вполне сложились предпосылки для программы интенсивного развития [4, 12].

Продовольственный кризис 1965—1966 гг. положил начало новому этапу экономической помощи капиталистических стран, связанному с «новой сельскохозяйственной стратегией» индийского правительства. Вопрос о характере этой взаимосвязи сложен. В американской литературе широко распространено утверждение, что «новая стратегия» была делом рук экспертов США, которым стоило немалых усилий убедить Индию в ее необходимости. Например, У. Шатджер прямо пишет: «Соединенные Штаты сконцентрировали свои усилия на том, чтобы убедить индийцев в необходимости большого рывка в сельском хозяйстве». В качестве инструмента такого «убеждения» отмечается даже отказ США от долгосрочных соглашений по «закону 480», предпринятый в 1965 г. с целью повлиять на позицию Индии по ряду политических вопросов [25, 1971, № 2, 119].

Для «новой сельскохозяйственной стратегии» в Индии существовали и глубокие внутренние стимулы, обусловленные ухудшением ее продовольственного положения, и не менее серьезные внутренние предпосылки, рожденные долгосрочными процессами в индийской пореформенной деревне. Становление «новой сельскохозяйственной стратегии» — нового этапа «программы интенсивного сельскохозяйственного развития» — происходило постепенно от отдельных округов, первоначально занимавших в индийской сельскохозяйственной стратегии второстепенное место, к более широкой программе «интенсивных сельскохозяйственных территорий», охватывавшей уже 117 округов, и к «программе высокоурожайных сортов».

В то же время влияние иностранной помощи на «новую стратегию» было весьма ощутимым, хотя и далеко

не решающим. Во-первых, рост неопределенности помощи США и возврат правительства Л. Джонсона к прямому использованию помощи для политического давления на страны-получатели были факторами, дополнительно подчеркивавшими неотложность мер по подъему зернового производства. Этот негативный аспект был одним из важных, а может быть, и наиболее важным во внешнем влиянии на индийскую экономическую политику.

Во-вторых, в то время как «новая стратегия» была порождена в основном внутренними условиями, осуществление ее было невозможно без значительного притока ресурсов извне. Индийское правительство, по-видимому, было вынуждено учитывать тот факт, что такая стратегия должна была оказаться приемлемой для основных иностранных кредиторов сельского хозяйства, в частности для США. С внешним влиянием, вероятно, были связаны, например, такие аспекты «новой стратегии», как первоначальная концентрация усилий на развитии хозяйств предпринимательского типа и невнимание к развитию зернового производства в районах богарного земледелия. Так, уже в соглашении между министрами сельского хозяйства Индии и США Ч. Субраманиамом и Фримэном в ноябре 1965 г. было оговорено, что чрезвычайная программа, призванная увеличить зерновое производство к 1970 г. на 25 млн. т, будет распространяться на «32 млн. акров наиболее продуктивных земель, обрабатываемых наиболее активными фермерами» [11, 4]. Иными словами, давалось обязательство использовать основную массу агротехнических средств, поступавших за счет иностранной помощи, в хозяйствах предпринимательского типа, отличающихся как правило, большей эффективностью. Невнимание «новой стратегии» к районам богарного земледелия частично было связано со сложившимся не без помощи американских экспертов убеждением о бесперспективности селекционной работы с традиционными сортами. «Нет смысла пытаться увеличить урожайность с помощью традиционных сортов, — отмечал в парламенте Ч. Субраманиам. — Даже при самой лучшей практике с использованием всех ресурсов потенциал урожайности традиционных сортов ограничен» [26, 1969, № 4, 694].

В-третьих, содействие капиталистических стран сель-

скому хозяйству оказало определенное влияние на формирование объективных предпосылок «новой сельскохозяйственной стратегии». Речь идет прежде всего: 1) о содействии крупному ирригационному строительству, 2) о селекционных исследованиях, проводившихся американскими экспертами в Индии и созданными при финансовой и технической поддержке США сельскохозяйственными университетами, 3) об организационном опыте программы «интенсивных сельскохозяйственных округов», широко использовавшемся в «новой сельскохозяйственной стратегии».

Было бы опасно преуменьшить значение отмеченных факторов, но западной литературе, посвященной проблемам помощи, более свойственна другая крайность — преувеличение их влияния. Следует иметь в виду, что решающим средством ирригации в условиях «новой сельскохозяйственной стратегии» становится малая ирригация, помощь капиталистических стран которой до середины 60-х годов ограничивалась 230 млн. рупий [12; 13]. Что касается сельскохозяйственных университетов, то, как пишет индийский общественный деятель Д. Махатме, даже к концу 60-х годов «далеко не все из этих университетов оправдали надежды, которые на них возлагались. Было бы преждевременно судить об их воздействии на сельское хозяйство. Тем не менее три или четыре из них уже привлекли внимание фермеров, и не как предмет любопытства, а как источник современной сельскохозяйственной технологии и высокоурожайных семян» [17, 142]. Действительно, к началу 70-х годов, не говоря уже о середине 60-х годов, значительных результатов смогли добиться, пожалуй, лишь три из восьми университетов — Пенджабский, Уттар-Прадешский и Майсурский.

Программы «интенсивного развития», проводившиеся в третьей пятилетке по инициативе «Фонда Форда», также далеко не идентичны американским программам помощи. «Фонд Форда» оказывал содействие лишь семи «интенсивным округам», где программа была начата в 1960/61 г. В них роль американских субсидий была весьма велика. За их счет финансировалось 50% расходов на технический персонал (еще по 25% за счет центрального правительства и правительства штатов) и все прочие расходы по программе (подготовка кадров, сельско-

Таблица 4

**Займы и субсидии капиталистических стран
сельскому хозяйству Индии,
1950/51—1969/70 гг.***

Целевое направление	Млн. рупий
Поставка удобрений	7329,7
Поставка средств борьбы с сельскохозяйственными вредителями	17,1
Поставка сталекопий	148,5
Общие программы развития зернового хозяйства	521,0
Комплексные программы сельскохозяйственного развития	262,2
Внедрение высокоурожайных сортов	420,5
Пропаганда современных агротехнических средств	27,8
Выращивание технических культур	9,1
Итого	8735,9
Крупное ирригационное строительство	4345,0
Колодезная ирригация	2591,2
Разведка почвенных вод	41,7
Борьба с наводнениями	329,6
Мелиоративные работы	483,6
Электрификация сельского хозяйства	1409,3
Итого	9200,4
Общинные проекты	1284,0
Программа «сельских работ»	178,7
Программа сельской индустриализации	66,3
Итого	1527,0
Организация поставок агротехнических средств	17,3
Строительство зерноскладов	189,4
Сельскохозяйственный кредит	50,0
Исследования и подготовка кадров	538,1
Итого	794,8
Молочное животноводство	170,6
Овцеводство	23,2
Рыболовство	211,8
Лесное хозяйство	49,9
Итого	455,5

* [12; 13; 14; 17; 21, 1969—1970; 25, 1971, № 2].

хозяйственные мастерские, программы семеноводства и ирригации и др.) [10, 370]. В остальных восьми «интенсивных округах», равно как и в 117 округах программы «интенсивных сельскохозяйственных территорий», финансовая и техническая помощь осуществлялась местными силами.

Зависимость «новой сельскохозяйственной стратегии» от притока импортных агротехнических ресурсов создавала предпосылки для усиления влияния капиталистических стран на сельскохозяйственную политику индийского правительства. Уже в упомянутом выше соглашении между Фримэном и Субраманиамом на Индию возлагалось в качестве «самопомощи» обязательство увеличить во второй половине 60-х годов капиталовложения в сельское хозяйство вдвое, в том числе в 1966/67 г. на 40% [11, 1]. То же соглашение предусматривало, что индийское правительство будет поощрять приток частного иностранного капитала в производство удобрений путем освобождения его от контроля над ценами и сбытом, предоставления иностранной валюты для импорта сырья и запасных частей, гарантированного кредита со стороны индийских финансовых институтов и др.

В целом «новая сельскохозяйственная стратегия» Индии получила поддержку развитых капиталистических стран. Она способствовала, как уже отмечалось, увеличению западной помощи сельскому хозяйству и трансформации ее направлений и форм. О направлении займов и субсидий капиталистических стран сельскому хозяйству можно судить по данным табл. 4.

Основные изменения в структуре и формах помощи в 1966/67—1969/70 гг. были обусловлены, с одной стороны, концентрацией помощи на непосредственных производственных капиталовложениях в зерновое производство, а с другой — ее выходом за рамки отдельных экспериментальных производственных объектов. Ведущее место заняли поставки минеральных удобрений и в меньшей степени сельскохозяйственного оборудования и пестицидов. Это, в свою очередь, обусловило и изменения в формах и условиях займов и субсидий.

Во-первых, в отличие от предыдущих 15 лет, когда содействие капиталистических стран сельскому хозяйству носило преимущественно целевой характер, основ-

ной формой западной помощи стали «незакрепленные» кредиты. «Незакрепленный» характер кредитов, с одной стороны, обуславливался самими масштабами и материальной структурой поставок, а с другой — отражал тот факт, что воздействие кредитов выходит за рамки крупномасштабных государственно-капиталистических мероприятий и направляется непосредственно на крестьянское хозяйство.

Во-вторых, производительное использование основной части поступающих материальных ресурсов позволяет правительству Индии закупать агротехнические средства даже за счет займов, предоставляемых на относительно тяжелых условиях, например за счет иенных кредитов или даже кредитов поставщиков. Иными словами, повышение рентабельности сельского хозяйства в ходе «зеленой революции» немедленно отразилось на ухудшении средних условий помощи этой отрасли и постепенном их приближении к условиям кредитования промышленности и других «организованных» сфер экономики.

В-третьих, расширение потребностей сельского хозяйства в современных агротехнических средствах, создание в этой отрасли довольно значительного рынка для импортных товаров привело к изменению соотношения между займами, предоставляемыми в конвертируемой валюте, и помощью в рупиях по «закону 480». Удельный вес рупийской помощи во всех займах и кредитах капиталистических стран сельскому хозяйству несколько снизился.

Вместе с тем абсолютные размеры займов и субсидий по «закону 480» возросли. Как и ранее, подавляющая часть этих средств направлялась для развития сельскохозяйственной инфраструктуры, однако сам тип кредитруемой инфраструктуры под влиянием потребностей «зеленой революции» изменился. На смену общинным проектам, крупным гидроузлам и сельскохозяйственным университетам пришла непосредственно производственная инфраструктура, характеризующаяся более быстрой и, самое главное, более определенной отдачей. Речь идет прежде всего о колодезной ирригации, электрификации, расчистке новых земель, мелиорации и осушении земель, а также о программах борьбы с сельскохозяйственными вредителями.

Первые отклики капиталистических стран-доноров на результаты «зеленой революции» отличались неумеренным оптимизмом. Так, авторы доклада миссии АМР США в Индии, подготовленного в июле 1969 г., писали: «При анализе потенциала роста в Индии за последние два года мы исходим из того, что основное препятствие более быстрому росту — неспособность увеличить производство продовольствия — больше не будет помехой прогрессу» [5]. Первоначальные результаты «зеленой революции» породили среди многих теоретиков и практиков помощи далеко не новое представление, будто институциональные препятствия сельскохозяйственному росту существенно ослаблены «новой сельскохозяйственной стратегией». Американский исследователь Дж. Камингс утверждает, например, что индийские производители так же восприимчивы к новой технологии, как и их коллеги в развитых странах, и что действительная проблема состоит в отсутствии оправданной технологии. Более того, ряд исследователей считали основным достоинством «новой сельскохозяйственной стратегии» как раз то, что она абстрагируется от социальных факторов. У. Шатджер писал: «Главным отличием («новой стратегии». — А. Г.) остается, на мой взгляд, законченное желание сконцентрировать политику на мероприятиях по увеличению производства при второстепенном внимании к распределению сельских доходов» [25, 1971, № 2, 119].

Однако довольно быстро сначала в среде ученых (В. Ладежинский, Дж. Энсмиджер и др.), а затем и в официальных кругах США зазвучали пессимистические оценки. В докладе АМР США, опубликованном спустя год после цитированного выше документа того же учреждения, отмечалось: «Сегодняшние надежды и официальные прогнозы (индийского правительства) могут оказаться нереалистическими... Начальные успехи были достигнуты лишь на малой части всех площадей и при необычайно благоприятных условиях. Распространение высокоурожайных семян на остальную часть Индии потребует намного больших капиталовложений» [21, 15.VII.1970]. «Называть сегодняшний подъем сельскохозяйственного производства зеленой революцией, — пишет один из организаторов „программы интенсивного сельскохозяйственного развития“, Дж. Энсмиджер, —

значит неправильно употреблять термины» [21, 3.VII. 1970]. Переоценка производственного потенциала «зеленой революции» обуславливалась прежде всего ростом озабоченности западных стран-доноров ее «излишне избирательным» воздействием и социальными последствиями. В докладе миссии АМР США, в частности, подчеркивалось, что «политические и социальные соображения требуют увеличения сельскохозяйственного дохода на более широкой базе». Миссия предлагала поддерживать индийские программы, направленные на «расширение участия крестьян в сельскохозяйственном росте и улучшения характера распределения сельских доходов» [5, 89].

При оценке новых веяний в отношении США к «зеленой революции» следует учитывать два обстоятельства. Во-первых, трудно сказать, в какой степени рост внимания к социальным аспектам аграрного развития был формой приспособления к новому политическому климату в Индии на рубеже 60—70-х годов. Во-вторых, к началу 70-х годов отмеченные выше заявления не оказали влияния на практику предоставления помощи. Характеризуя позицию США в этом вопросе, У. Шатджер пишет: «США хотят играть активную роль в изучении проблемы сельской нищеты и оказывать финансовую и техническую помощь... в смягчении этой проблемы. Однако равным, если не более важным, будет продолжение нашей помощи и содействие росту коммерческого сельскохозяйственного сектора» [25, 1971, № 2, 124].

Особенности экономической помощи капиталистических стран сельскому хозяйству в 1970—1972 гг. С начала 70-х годов в западной помощи сельскому хозяйству произошли изменения, позволяющие говорить о начале ее нового этапа. Основным иностранным кредитором индийского сельского хозяйства становится группа Международного банка реконструкции и развития. В 1969/70—1971/72 гг. МБРР и его филиал Международная ассоциация развития (МАР) предоставили данной отрасли займы на сумму 329 млн. долл. [20, 23.IX. 1972, 776]. До этого семь лет международные кредитные организации стояли в стороне от кредитования сельского хозяйства в Индии. О направлении займов МБРР и МАР можно судить по данным табл. 5.

В отличие от западной помощи сельскому хозяйст-

Таблица 5

Займы МБРР и МАР сельскому хозяйству Индии
в 1969/70—1971/72 гг.*

	Год	Сумма займа, млн. долл.	Общая стоимость программ, млн. долл.
Развитие семеноводства в штате Уттар Прадеш	1969	13,0	—
Каданская ирригационная система в Гуджарате	1970	35,0	66,6
Сельскохозяйственный кредит в Гуджарате	1970	35,0	66,7
Механизация сельского хозяйства в Пенджабе	1970	27,5	40,0
Сельскохозяйственная авиация	1970	6,0	8,0
Развитие сельского хозяйства в штате Андхра Прадеш	1970	24,4	45,0
Сельскохозяйственный кредит в Тамилнаде	1971	35,0	62,3
Сельскохозяйственный кредит в Харьяне	1971	25,0	44,5
Почамбадская ирригационная система в Ориссе	1971	39,0	91,0
Строительство зернохранилищ в Пенджабе, Харьяне, Раджастхане и Уттар Прадеше	1971	5,0	15,0
Сельскохозяйственный кредит в Майсуре	1971	40,0	70,4
Сельскохозяйственный кредит в Махараштре	1972	30,0	52,0
Организация сбыта зерна в Бихаре	1972	14,0	23,0

* [20, 23.IX.1972, 776; 18, 10—14; 10, 387—401].

ву в 1966/67—1969/70 гг., поступавшей в основном в форме «незакрепленных» кредитов для импорта агротехнических средств или общей рупиевой поддержки расходов государства на отдельные программы развития, рассматриваемые займы МАР являются строго целевыми. Они предназначены для использования на специально оговоренных посевных площадях (140 тыс. га в Майсуре, 60 тыс. га в Пенджабе и т. д.). В соглашениях о займах подробно определяются направления их использования. Например, из 27,5 млн. долл., предоставленных Пенджабу, 24 млн. предназначены для закупки

за границей тракторов и запасных частей к ним, 1,2 млн.— для импорта плугов и дисковых культиваторов, 500 тыс. долл.— для ввоза тракторных жаток [10, 390].

Возврат капиталистических стран-доноров к практике «закрепленной» помощи, характерной для первой половины 60-х годов, обусловлен несколькими причинами. Во-первых, существовавшее в западной литературе представление, будто предпринимательская верхушка деревни при наличии достаточного кредита на коммерческих условиях вполне готова к комплексному применению современной агротехники, оказалось несколько преувеличенным. Если для части хозяйств такое представление и было оправдано, то только на начальных стадиях интенсификации. На более высоких ступенях интенсификации обычный банковский и кооперативный кредит и другие меры государственной помощи оказывались недостаточными даже для высших групп хозяйств.

Во-вторых, сложившаяся институциональная структура не обеспечивала оптимального, с точки зрения западных стран-доноров, распределения помощи в интересах хозяйств предпринимательского типа. Поступавшие за счет «незакрепленных» кредитов импортные агротехнические средства часто оказывались необеспеченными местными ресурсами; в то же время рупиевые ресурсы, предоставлявшиеся по «закону 480», распылялись между тысячами объектов.

В-третьих, изменения в аграрной политике индийского правительства, провозглашенные на рубеже 60—70-х годов создавали потенциальные предпосылки для нарушения тесной координации между сельскохозяйственной стратегией Индии и стратегией помощи ее капиталистическим кредиторам. В условиях весьма неопределенных перспектив аграрной политики «закрепленная» помощь, с одной стороны, была более эффективным средством воздействия на Индию, чем «незакрепленные» кредиты, а с другой — обеспечивала непосредственную поддержку предпринимательских слоев деревни — так называемого «коммерческого земледелия», в преимущественном развитии которого заинтересованы западные страны-доноры.

Отмеченные выше причины расширения «закреплен-

ных» займов предопределили их характер. Большинство займов были предназначены для комплексного развития зернового хозяйства. Вместе с тем они отличались от «комплексных» программ, осуществлявшихся при содействии капиталистических стран в 60-х годах. В центре внимания программ 60-х годов находилось внедрение высокоурожайных сортов, удобрений, пестицидов, т. е. преимущественно увеличение и техническое обновление оборотного капитала. Займы МАР относятся к более высокой стадии интенсификации; объектом кредитования является увеличение основного капитала, в то время как оборотный капитал должен финансироваться за счет собственных накоплений фермеров или местных источников кредита. О физических размерах основного капитала, создаваемых при содействии МАР, позволяют судить данные табл. 6.

Таблица 6
Внедрение современных агротехнических средств
в сельское хозяйство Индии за счет займов МАР*,
тыс. штук

	Гуджарат	Пенджаб	Андхра Прадеш	Тамил-над
Сооружение и реконструкция колодцев	10	—	19	40
Сооружение артезианских скважин	3,8	—	1,4	13
Поставка механических и электрических насосов . .	10	—	19,7	35
Поставка тракторов	2,2	8	1,5	3

* [28, 1972, № 9, 372; 21, 30.V.1970, 6.I.1970, 2.XI.1970].

Вторая черта рассматриваемых займов наряду с кредитованием преимущественно основного капитала — предоставление займов не государственному, а частному сектору через систему сельскохозяйственного кредита. Разумеется, и в 60-х годах импортные удобрения или оборудование, поступавшие за счет западных кредитов, направлялись в крестьянские хозяйства, однако рупийный эквивалент их стоимости использовался индийским правительством по его усмотрению. Теперь же

рупийный эквивалент должен использоваться непосредственно для кредитования хозяйств, приобретающих импортные тракторы, насосы и т. д. Иными словами, государство выступает в качестве простого посредника между международными финансовыми организациями и частным крестьянским хозяйством. При этом в соглашениях между Индией и МАР подробно оговариваются условия предоставления кредита крестьянам.

Центральное правительство берет на себя погашение кредитов в иностранной валюте, выплачивая по ним $\frac{3}{4}\%$ годовых. Затем средства передаются Корпорации сельскохозяйственного финансирования под 5% годовых, от нее кооперативным банкам штатов под 6%, а кооперативные банки кредитуют крестьян из расчета 7—9% годовых.

В каждом из штатов — получателей кредита МАР намеченные программы охватывают ограниченный круг хозяйств. В связи с этим представляет интерес выяснить, какие же группы хозяйств смогут в основном воспользоваться иностранной помощью. Одним из косвенных показателей может служить средний размер хозяйств, которые намерено охватить кредитом. В Пенджабе он составляет около 19 акров, в Майсуре и Андхра Прадеше — 10 акров и т. д.

Однако даже приведенные данные преуменьшают роль крупных хозяйств как получателей займов МАР. Часть соглашений о займах содержит требование минимального земельного ценза для получения средств. Так, в соответствии с соглашением между МАР и правительством Гуджарата кредит для закупки трактора может быть предоставлен крестьянину или группе крестьян, обрабатывающим не менее 40 га, а при условии сдачи трактора в аренду — не менее 15 га. Следует напомнить, что размеры 80% хозяйств в Индии не превышают 3 га. Установленный ценз заметно выше, чем экономически обоснованные минимальные размеры площади, необходимые для эффективной эксплуатации трактора, которые, по данным ряда обследований, составляют 20—25 га (при сборе одного урожая в год). В некоторых соглашениях, например между МАР и правительством Пенджаба, требование земельного ценза было снято. Это дало повод некоторым западным авторам утверждать, что МАР перестраивает свои про-

граммы в интересах мелких хозяйств [25, 1971, № 2, 134]. Однако на смену земельному цензу пришло требование применять трактор ежегодно для обработки 40 га или в течение 1 тыс. часов [24, 30.V.1970].

Использованию кредитов МАР мелкими хозяйствами препятствуют не только отмеченные выше условия, но и тот факт, что кредит в соответствии с соглашением покрывает лишь часть расходов на приобретение нового оборудования. Так, в Пенджабе за счет кооперативного кредита может финансироваться 75% оптовой цены трактора и 80% стоимости запасных частей и другого оборудования, в Гуджарате — соответственно 70 и 80% оптовой цены. Иными словами, почти половину розничной цены оборудования покупатель должен оплачивать из собственных средств.

Следует отметить, что тем немногим крестьянским хозяйствам, которым удастся преодолеть и земельный ценз, и «инвестиционный барьер», кредит предоставляется на достаточно льготных условиях. Ставка процента, как уже отмечалось, не превышает 7—9, а сроки погашения составляют в зависимости от штата и вида приобретаемого оборудования — от 5 до 9 лет. Оценка экономической эффективности рассматриваемых займов и дополняющих их местных расходов представляет значительную сложность.

Несомненно, речь идет о капиталоемких инвестициях, соответствующих более высокому уровню интенсификации зернового производства, чем применение высокоурожайных сортов и удобрений. При этом различаются два уровня программ интенсификации, для которых предоставлены займы. Первый из них, представленный пенджабской программой, связан почти исключительно с процессом дальнейшей механизации полевых работ; второй, характерный для остальных штатов — получателей помощи, соединяет начальные этапы механизации с обеспечением регулируемого орошения. На первом, более высоком уровне капиталовложения составляют за счет кооперативного кредита (из которого около 60% приходится на иностранную помощь) — около 2 тыс. рупий на акр, а с учетом расходов за счет прочих источников — от 2,7 тыс. до 3 тыс. рупий на акр. На относительно меньшем уровне интенсификации совокупные дополнительные инвестиции в расчете на акр долж-

ны составить до 1,5 тыс. рупий, в том числе за счет иностранной помощи и увязанного с ней местного кредита 900—1200 рупий.

О вероятной производственной отдаче таких вложений можно только догадываться. Проектная капиталоемкость продукции по отдельным программам колеблется от 1,3 в Гуджарате до 1,8 в Пенджабе, в том числе валютная капиталоемкость — от 0,7 до 1,0. Если принять эти данные за основу, то не исключено, что займы, предоставленные МАР в 1970—1972 гг., могут привести к увеличению зернового производства примерно на 2,5—3 млн. т.

Приведенные выше расчеты экономической отдачи западных займов не учитывают весьма сложной взаимосвязи между применением импортных агротехнических средств и остальных производственных ресурсов. Разумеется, непосредственная увязка импортных поставок с предоставлением кооперативного кредита, ориентация на верхний слой предпринимательских хозяйств, готовых вступить на более высокую ступень интенсификации производства, создают предпосылки для некоторого улучшения реализации займов МАР по сравнению с предыдущими займами капиталистических стран. Вместе с тем противоречия роста возможностей сельского хозяйства производительно использовать импортные ресурсы сохраняются и в настоящее время и влияют на экономическую эффективность помощи. Так, с серьезными трудностями встретилась реализация займа МАР Пенджабу, предоставленного в 1970 г. К концу 1972 г. кооперативному банку штата удалось найти лишь 6 тыс. хозяйств, готовых на льготных условиях приобрести импортные тракторы. Еще 2 тыс. тракторов так и не нашли покупателей, вследствие чего кооперативному банку Пенджаба пришлось начать с МАР переговоры об изменении условий займа [21, 6.IX.1972].

В целом сдвиги в характере экономического содействия капиталистических стран сельскому хозяйству Индии во второй половине 60-х годов и особенно в начале 70-х годов способствовали заметному повышению технико-экономической эффективности этого содействия. Однако гораздо большую роль в повышении эффективности помощи сыграли, по-видимому, внутренние факторы — увеличение внимания индийского правительства к

сельскому хозяйству, ускорение процесса интенсификации предпринимательских хозяйств, которые, в свою очередь, способствовали и упомянутым сдвигам в стратегии западной помощи сельскому хозяйству. В то же время если социально-экономическое (но никак не социально-политическое) воздействие займов и субсидий сельскому хозяйству 50-х — первой половины 60-х годов было в отличие от займов промышленности в основном «нейтральным», то в годы «новой сельскохозяйственной стратегии» западная помощь ощутимо способствовала углублению разрыва между верхними слоями деревни и массой мелких хозяйств. Займы МАР 1970—1972 гг. в еще большей степени, чем помощь 1966—1969 гг., ориентировались на предпринимательские верхи деревни.

1. Гурвич Р. П., Индия. Продовольствие: возможности и перспективы, М., 1970.
2. «Мировая экономика и международные отношения», 1972, № 8.
3. «Народы Азии и Африки», 1971, № 1.
4. «Agricultural Production Team. Report on India's Food Crisis and Steps to Meet It», New Delhi, 1959.
5. «AID. Country Field Submission FY 1971», New Delhi, 1969.
6. «AID. Office of International Training. Report on Participant Training», Washington, 1966.
7. «AID. Programme Book FY 1963», New Delhi, 1962.
8. «AID. Statistical and Reports Division. Operational Report», Washington, 1966.
9. Bhattacharya S. N., Community Development in India, London, 1970.
10. Dwivedi R. C., New Strategy of Agricultural Development in India, Meerut, 1972.
11. «Freeman-Subramaniam Agreement», New Delhi, 1965.
12. «Ministry of Finance. External Assistance 1961», Faridabad, 1962.
13. «Ministry of Finance. External Assistance 1965—66», Faridabad, 1967.
14. «Ministry of Finance. External Assistance 1968/69 — 1969/70», New Delhi, 1971.
15. Patel V. G., Implementation of Plan in India, Ahmedabad, 1969.
16. Richardson J., Partners in Development, East Lansing, 1969.
17. «Two Decades of Indo — U. S. Relations», Calcutta, 1969.
18. «World Bank and IDA Annual Report 1971», Washington, 1971.
19. «Agricultural Situation in India», Delhi.
20. «Commerce», Bombay.

21. «Economic Times», Bombay.
22. «Economic Weekly», New Delhi.
23. «Financial Express», Bombay.
24. «Hindustan Times», New Delhi.
25. «Indian Journal of Agricultural Economics», New Delhi.
26. «Journal of Asian Studies», Berkeley.
27. «New Age», New Delhi.
28. «Planter's Journal and Agriculturalist», Calcutta.
29. «Zeitschrift fur Nationalokonomie», Hamburg.

СОДЕРЖАНИЕ

В. Г. Растянников. Введение: противоречия «зеленой революции»	3
Е. В. Ковалев. «Зеленая революция»: генезис, экономические и социальные последствия	17
Ж. Д. Смиренская. «Зеленая революция» и проблема разрушения традиционных связей (на примере трех районов Индостана)	63
В. Р. Миньяр-Белоручев. «Зеленая революция» и проблема занятости (на примере Индии)	109
Ю. Н. Маслов. Проблема модернизации мелкого производства (на примере механизации рисоводческого хозяйства в Республике Шри Ланка)	126
О. Г. Барышникова. «Зеленая революция» на Филиппинах	148
В. П. Морозов. Проблемы интенсификации сельского хозяйства Тропической Африки	176
В. К. Арискин. Экономическая политика государства по развитию интенсивного земледелия (Арабская Республика Египет)	197
А. Е. Грановский. Экономические последствия помощи капиталистических стран сельскому хозяйству в условиях «зеленой революции»	209

РАЗВИВАЮЩИЕСЯ СТРАНЫ И «ЗЕЛЕНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

Редактор В. Н. Кюзадзян
Младший редактор Н. И. Иванова
Художник И. Е. Сайко
Художественный редактор И. Р. Бескин
Технический редактор М. В. Погоскина
Корректоры Т. А. Алаева и А. В. Шандер

Сдано в набор 20/III 1974 г. Подписано к печати
15/VII 1974 г. А-09448. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бум.
№ 1. Печ. л. 7,75. Усл. печ. л. 13,02. Уч.-изд. л.
13,41. Тираж 3800 экз. Изд. № 3420. Зак. № 262.
Цена 84 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука»
Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
23	6 св.,	13,2	12,6
150	12 св.	[24, 197]. Все	[24, 197], все
182	4 св.	Европа (включая евро- пейскую часть СССР)	Западная Европа

Зак. 777

84 коп.